

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

**ТРУДЫ ФАКУЛЬТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
И СОЦИОЛОГИИ**

выпуск

17

**НОВЫЙ БЫТ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
гендерные исследования
повседневности**

под редакцией: Елены Здравомысловой,
Анны Роткирх, Анны Тёмкиной

Санкт-Петербург 2009

УДК 316.72
ББК 60.542.2
Н76

*Издание осуществлено в рамках проекта гендерной программы
Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке
Фонда Форда и Финской Академии наук*

Рецензенты:

Ж. В. Чернова, кандидат социологических наук
(Европейский университет в Санкт-Петербурге);

Е. Р. Ярская-Смирнова, доктор социологических наук, профессор
(Центр социальной политики и гендерных исследований (Саратов))

Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности : коллективная монография / под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх, Анны Тёмкиной. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 524 с. — (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 17).

ISBN 978-5-94380-077-1

В книге представлены результаты эмпирических исследований, посвященных различным аспектам формирования нового быта в современной России. Авторы фокусируют внимание на изменениях гендерного устройства частной жизни. Постсоциалистический быт создается на фоне социального расслоения, иерархизации заботы и коммерциализации повседневности. Интимная жизнь становится важным культурным кодом современного российского капитализма. Изменяются частное пространство и потребительские практики, формируются новые идентичности и стратегии репродуктивного и сексуального поведения мужчин и женщин. Исследователи изучают такие привычные практики, как ремонт жилья, домашний наемный труд, сексуальные дебюты, контрацепцию, опыт родов и ухода за детьми. В книге приведены фрагменты дневников наблюдений и интервью.

Книга рассчитана в основном на специалистов в области социальных наук; ее содержание может быть привлекательно как для специалистов, так и для широкой читающей публики, которой интересно, *как и за счет кого* организуется новый быт российских обеспеченных слоев.

УДК 316.72
ББК 60.542.2

ISBN 978-5-94380-077-1

© Коллектив авторов, 2009
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2009

Содержание

<i>Елена Здравомыслова, Анна Роткирх, Анна Тёмкина</i> Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда	7
Часть 1	
НОВАЯ ЖЕНЩИНА: ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА	
<i>Анна Тёмкина</i> Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция	33
<i>Ольга Чепурная</i> Автономная женщина: жизненная стратегия и ее эмоциональные издержки	68
<i>Елена Здравомыслова</i> Няни: коммерциализация заботы	94
<i>Ольга Ткач</i> Уборщица или помощница? Варианты гендерного контракта в условиях коммерциализации быта	137
Часть 2	
ОРГАНИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО ПРОСТРАНСТВА: ПОТРЕБЛЕНИЕ, ЕВРОСТАНДАРТ И ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ	
<i>Борис Гладарев, Жанна Цинман</i> Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса	189
<i>Лариса Шпаковская</i> «Мой дом — моя крепость». Обустройство жилья нового среднего класса	222
<i>Татьяна Андреева</i> Ремонт как строительство нового быта: демонстративное потребление и экономия ресурсов	262

Часть 3

НОВАЯ ЛЮБОВЬ: БОЛЬШЕ СЕКСА – МЕНЬШЕ ПЕЛЕНАНИЙ!

Наталья Яргомская

Трансформация сценария женского сексуального дебюта:
«прощание с невинностью» и гименоластика 289

Мери Лариваара

Моральная ответственность женщин и авторитет врачей:
взаимодействие гинекологов и пациенток 313

Настя Мейлахс

Неслышимые переговоры: выбор способа предохранения
и отношения между партнерами 346

Светлана Ярошенко

Бедные люди: мир любви и сексуальности 373

Анна-Мария Исола

Неблагополучные семьи: риторика российской демографической
политики 404

Анна Роткирх, Катя Кессели

Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских
женщин 427

Ольга Бредникова

«Старородящая» молодая мать (институциональные игры
с категориями возраста) 456

Евгения Ангелова, Анна Тёмкина

Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство
или ситуативный контроль? 473

Дарья Одищова

Пеленание: реконфигурация повседневной практики 508

Сведения об авторах 523

Введение

СОЗДАНИЕ ПРИВАТНОСТИ КАК СФЕРЫ ЗАБОТЫ, ЛЮБВИ И НАЕМНОГО ТРУДА

В периоды радикальных социальных перемен изменяются структуры повседневности, претерпевают изменения гендерные роли, идеологии и практики. Создается новая приватность — новый быт, в котором переопределяется место женщины как центрального агента. И хотя «быт для нас неуловим — мы склонны считать его просто жизнью, естественной нормой практического бытия» (Лотман, 1994: 10), в период изменений быт рефлексивно переопределяется, становится предметом структурных воздействий и переговоров.

Старый и новый быт

В 1923 году Александра Коллонтай писала: «Что быт меняется на наших глазах, признает каждый, кто умеет видеть и наблюдать...» (Коллонтай, 1923: 33). Она выделяла тенденции нового быта трудовой коммунистической республики, связанные с появлением новых классов, женской эмансипацией и новым гендерным контрактом: изменения структуры жилья — распространение общежитий и домов-коммун, развитие общественного питания, облегчающего труд работающих женщин; новый тип отношений между супругами, новые практики любви. Новое устройство должно было прийти на смену буржуазному уюту, создаваемому традиционными женами, и бедности рабочих семей. Новый быт Коллонтай, освобождающий женщину от кухонного рабства, должен был возникнуть в результате общественной государственной заботы. Реализация коммунистического проекта нового быта предполагает, что материнство становится частно-государственным

делом. В перспективе социалистического быта жизнь работающей матери, освобожденной от традиционной семьи и зависимости от мужчин, должна быть выстроена как «контракт» с социалистическим государством. Это предполагает и формирование новых практик сексуальной свободы и сексуального просвещения. Кампания за новый быт ставила своей целью уничтожение буржуазного мира, разрушение прежней приватности и сведение ее лишь к миру чувств и интимно-родительских отношений. Этот проект оказался утопичным. Советское строительство коммунистического нового быта и эмансипация женщины обернулась тройной нагрузкой, сексуальная жизнь надолго была вытеснена за пределы публичного обсуждения.

Проект нового быта, который разворачивается в современной капиталистической России, на первый взгляд прямо противоположен коммунистическому. Он пронизан либеральными ценностями, устремлен к буржуазному быту, строительству частной сферы, комфорту и безопасности, четким мужским и женским ролям, ограждению от вмешательства государства. Родительство становится частным делом семьи, дом возвращает себе ранее утраченные функции и закрывается от внешних вмешательств, мужу предлагается функция добытчика, а женщина занимается управлением домом и семьей. Однако, как мы покажем далее, картина оказывается гораздо более сложной и многообразной.

Сфера быта рассматривается как сфера самореализации женщины, как сфера свободы и укрытие от работы и государства, от «дикой публичности». Однако это и сфера борьбы нового и старого, новых конфликтов, нехватки ресурсов и навыков, недостаточности институциональной и символической поддержки, давления традиционализма. Формирование нового быта обеспеченных классов становится возможным за счет процессов стратификации.

Государство и социально-экономические условия продолжают влиять на частную жизнь, формируя, например, новую демографическую и жилищную политику. Женщины становятся все более требовательными и рефлексивными в своих жизненных стратегиях. Для нового среднего класса домашнее пространство выполняет функцию убежища, демонстрации социального статуса и престижного потребления. Освобождение женщины от избыточного груза домашних забот становится возможным за счет переопределения семейных ролей, коммерциализации домашнего труда, формирования рынка социальных услуг, изменения гендерных идеологий.

Современное строительство приватности принимает разные формы. Мы рассматриваем некоторые составляющие этого процесса — приватизацию домашнего пространства, организацию ухода за домом, выстраивание отношений с партнерами, планирование деторождения, формирование нового родительства и новые тренды сексуальности. Разумеется, многие стороны нового быта остались незатронутыми или затронуты в нашем исследовании в незначительной степени (например, отношения между поколениями, новые виды организации досуга, выбор одежды и продуктов питания, отношение к телу, к здоровью и болезни, дружба и прием гостей, забота о домашних питомцах, отношения с соседями и многое другое).

Границу «быта», или приватной сферы, определить не легко — она является переговальной, проницаемой для внешнего мира, гендерно вариативной и пр. В фокусе нашего исследования — формы организации семейного быта и стиль жизни молодых когорт нового среднего класса, гендерные роли в этом социальном слое.

Приватное как сфера удовлетворения индивидуальных интересов в социальной теории и эмпирических исследованиях зачастую остается остаточной категорией социологического анализа (Weintraub, 1997). Вклад феминизма в развитие социального знания заключается в том, что он восстановил значимость приватного в понимании социальной реальности. В фокус внимания теперь попадают отношения заботы, домашний труд, сексуальность и репродуктивное поведение в гендерной перспективе. Гендерный подход предполагает анализ социального неравенства, встроенный в понимание приватной сферы.

Джо Бейли выделяет три измерения приватного — сферу интимности, формирования личной автономии и бессознательного (Bailey, 2000). Мы концентрируемся на интимности, но переформулируем это понятие с учетом феминистской критики (McCarthy, Edwards, 2001). Интимные отношения и чувства основаны на персонализированном доверии и заботе. Исследователи показывают, что тенденции глобализации и неотрадиционализма приводят к возрастанию значимости приватной сферы в символическом порядке современного общества. При этом приватное формируется как оппозиция публичному. Эта сфера конструируется под влиянием рыночного консюмеризма и тенденции индивидуализации и плюрализации стилей жизни.

Задача этой книги — рассмотреть стратегии по строительству нового быта и его дилеммы. Российские средние классы строят приватность, отделяя себя от других. Происходит это в условиях слабого

социального государства и жестких правил рыночной экономики, в контексте поляризации социальных групп, роста рисков безопасности, повышения рефлексивности людей в отношении рисков. Мы будем изучать лишь некоторые аспекты нового быта. Среди них: 1) идентичность и жизненные стратегии, 2) изменения домашнего пространства, организация домашнего труда, заботы и потребительские практики, 3) новые стратегии репродуктивного и сексуального поведения.

Новый быт и мир чувств

В современном российском контексте общие тенденции индивидуализации, развитие общества риска и рефлексивной модернизации, приведшие к повышению значимости приватного, преломляются в контексте сильного социального расслоения, когда новые практики сочетаются с наследием советских образов социального взаимодействия. Это означает, что разрыв с прошлым предполагает его невольное воспроизводство в новых условиях. Границы приватного и публичного были проницаемыми в советском обществе — государство постоянно вмешивалось в приватную сферу, создавая ограничения индивидуализации и осуществляя контроль, основанный на круговой поруке. С другой стороны, частные отношения пронизывали советское публичное, например, в виде важности дружеских и любовных отношений на рабочем месте в условиях весьма умеренной трудовой нагрузки. Рост рынка, гражданского общества, национального государства — появление публичности — приводит к формированию приватного и интереса к нему. Продвижение ценностей индивидуализма происходит в контексте отказа от советских коллективистских практик (Хархордин, 2002) и советского типа общественного участия (Волков, 1997). Приватность оказывается укрытием, которое пространственно и темпорально ограждает индивида и семью от внешнего мира — от публичности, государства и рынка.

В России реализуется с определенными издержками либеральная модель построения частной сферы, при которой общество представляется не как совокупность различных коллективов и корпораций, а как совокупность индивидов и их семей. Тенденции приватизации и индивидуализации — это основные темы современных постсоциалистических трансформаций.

Конструирование приватности в современном российском обществе (индивидами, семьями, рынком) происходит в контексте изменения социальной политики, когда государство отказалось от многих функций, которые оно выполняло в советское время. При этом государство стремится не утратить полный контроль над частной жизнью граждан, о чем свидетельствует, например, демографическая политика 2000-х гг. Приватность оказывается значимой потому, что включенность в конкуренцию рыночных отношений в современных российских формах истощает силы индивида, институциональное доверие чрезвычайно низко, российское общество может быть описано как общество рисков с высокой степенью неопределенности и новыми угрозами личной безопасности (Бек, 2000; Яницкий, 2004). Период экономических кризисов 1990-х гг. продемонстрировал российскому обществу, что именно семья и близкие социальные сети являются наиболее надежным ресурсом выживания, локусом жизненных стратегий и идентичности. Безопасность, хотя бы относительная, дистанцирование от внешних деперсонифицированных агентов и социальных сил повышают значимость приватности в обществе риска. Частная сфера является важной «визитной карточкой» для родственников и все более тщательно выбираемых друзей. Сфера приватности — это сфера домашнего мира, сфера отношений с «пониманием без слов», это мир доверия, где личность может проявляться в своеобразии вкусов и стилей потребления. В этом мире работа становится заботой, а забота — работой, которую чрезвычайно трудно измерить в определенном эквиваленте. Этот мир ассоциируется с уютом, комфортом, добровольным выбором. Он строится как отгороженный от агрессивного публичного с помощью ресурсов рынка и персонифицированных сетей. Однако приватный мир далек от идеала гармонии отношений, он полон напряжений и пронизан конфликтами. Новый тип семей, где все построено на переговорах, оказывается хрупким и зависит от экономического, социально-политического и культурного контекстов. Граница между приватным и публичным размыта.

Дом среднего класса является «закрытым», т. е. отгороженным от внешнего мира во всех смыслах этого слова. Информанты стремятся сделать жилье закрытым от посторонних людей, от взглядов, звуков и запахов, проникающих в квартиру извне. Доступ в дом или квартиру людей, не являющихся ее обитателями или их близкими, жестко контролируется, а пребывание в квартире таких людей часто рас-

смачивается как проблема. Приватизация сказывается в том, что строится «железный занавес», отделяющий дом-крепость от бурь внешнего мира. Внутри домашнего пространства предпринимаются усилия по реализации проектов защищенности, комфорта, автономии, невмешательства, удовольствия. С другой стороны, для формирования такой приватности необходима коммерциализация домашнего труда. Домашний комфорт покупается за счет нянь и уборщиц. Притом воспроизводится гендерное неравенство и происходит отказ от социализма «с человеческим лицом» и демократических принципов самообслуживания.

Незрелость публичной сферы сказывается и на организации приватной сферы. Нехватка четких процедур и дефицит доверия к социальным институтам часто приводят к тому, что попытки строить новый быт за счет новых рыночных механизмов терпят неудачу. Женщины и мужчины постоянно обращаются к ресурсам социальных сетей для организации ремонта, поиска нянь и уборщиц, надежных врачей и пр. Неформальный труд и неформальные тарифы зачастую оказываются предпочтительными для обеих сторон, они являются более гибкими и более экономически выгодными, однако не содержат гарантий и могут приводить к структурно обусловленным конфликтам.

Надо сказать, что новый средний класс продолжает те тенденции приватизации жизни, которые зафиксированы в исследованиях позднесоветской повседневности. Отмечается рост потребительских ориентаций, индивидуализм и пренебрежение коллективистскими ценностями, что так порицалось официальным дискурсом, предполагающим предпочтение общественного частному. Для новых слоев характерна негативная ориентация на культурные горизонты советского времени. Наши информанты говорят о том, что они не хотят жить по советским стандартам, не хотят пользоваться советской инфраструктурой, не хотят быть «советскими женщинами» и пр. Отказ от советских практик, компенсация советского минимализма и потребительского дефицита приводят иногда к эффекту демонстративного потребления, подчеркиванию различий. Это своеобразная политика идентичности среднего класса связана с формированием домашнего пространства. Новый быт выстраивается как затратная сфера, востребующая ресурсы на оплату жилья, ремонта, обстановки, домашнего труда, воспитания детей, других престижных видов потребления. Новый быт формирует новые институты, которые по-

ставляет рынок. Однако к рыночным институтам существует сильное недоверие, которое компенсируется традиционными системами персонифицированных отношений найма «по знакомству» или «новым благом».

Новая женщина

Развитие капитализма в России влияет на изменение гендерных отношений и основных параметров гендерного контракта. Основной вопрос гендерного контракта — это вопрос о том, кто отвечает за организацию быта (Crompton, 1999; Тёмкина, Роткирх, 2002). В современной России наблюдается устойчивый рост рынка социальных услуг, хотя спрос в этой сфере еще не удовлетворяется предложением. Если советский гендерный контракт опирался на систему государственных учреждений, помощь старшего поколения родственников и социальные сети членов семьи, то в настоящее время все большее распространение получает оплачиваемый домашний труд. Он включает в себя различные виды занятости, основные из них: забота о чистоте и уюте домашнего пространства (о вещах) и забота о детях.

Советский гендерный контракт — это культурный горизонт, с которым наши информанты сопоставляют свой опыт. В их воспоминаниях сочетаются ностальгические ноты — в основном при обращении к памяти о безоблачных контактах с бабушками и дедушками — и реалистическая оценка новых перспектив, которые кажутся нормальными и многообещающими. Контрастные противопоставления своего опыта и прошлого указывают не столько на полную смену институтов, поддерживающих совмещение занятости и родительства и эксклюзивно родительство (материнство и детство), но на изменения значимости каждого из институтов, изменения правил игры, по которым строится гендерный контракт. Эти правила задаются коммерциализацией и интенсификацией повседневной жизни.

Новая женщина, о которой мечтала Коллонтай, была независимой и самодостаточной. Сегодня также наблюдается растущая автономизация женщин. Сильная автономная женщина хочет планировать сексуальную жизнь, семейные отношения, репродуктивное поведение, деторождение. Она хочет быть финансово независимой и иметь возможность заботиться о близких. При этом сохраняется поляризация гендерных ролей, гендерная революция остается незавершенной.

Мужские роли меняются медленно, мужчины сохраняют преимущественно роли обеспечения: деньгами, безопасностью, матримониальным и родительским статусом. Происходит наложение новых и старых образцов гендерного порядка. Сегодня непроизводительный труд женщин в домашнем хозяйстве проблематизируется. Домашняя забота признается как труд — неизбежный, неотвратимый и затратный. Ощущается дефицит публичной заботы и сложности с реализацией приватной заботы. Дефицит заботы должен быть компенсирован рынком социальных услуг и перераспределением семейных ролей. Часть такого труда передается профессионалам, стоящим на более низкой ступени экономической иерархии. Но другая часть — строительство комфорта, организация быта, уют, забота о себе — достается на долю членов семьи. Женщина остается ответственной за организацию домашнего мира, она становится его менеджером. Эта роль востребована при организации семейного союза. Однако и необходимость организации семьи, которая влечет за собой такие траты, также проблематизирована. Материнство становится частно-семейным делом (хотя государство постепенно усиливает экономическое и идеологическое воздействие на него).

Происходит ли «глобальное похолодание»?

Забота, согласно определению Арли Хохшильд, предполагает взаимную эмоциональную зависимость (связь) между заботящим и получающим заботу. Осуществляющий заботу чувствует ответственность за благополучие включенных в круг близких и выполняет интеллектуальную, психическую и физическую работу, которая чаще всего считается не работой, а проявлением особого персонализированного отношения. Отношения заботы — это отношения взаимозависимости и легитимного взаимного контроля (Hochschild, 2003: 214). В заботе о детях наиболее явно проявляются черты заботы вообще. Дети воспринимаются как нуждающиеся в заботе для выживания и успешной социализации. Родители осуществляют разные гендерные роли, материнская забота отличается от отцовской. В российском контексте сохраняется ролевая поляризация, попытки переопределения ролей и размывания гендерных культурных стереотипов имеют маргинальный характер.

Современное общество заново определяет формы и содержание заботы. В западном контексте тенденции формирования приватного сопровождаются признаками культурного похолодания как непреднамеренного последствия индивидуализма и женской эмансипации. Культурное похолодание — это отказ от заботы при возрастании потребности в ней. Мы имели в виду эту идею, когда анализировали наши данные, особенно те, которые касаются коммерциализации заботы, рационализации интимных отношений, изменения сексуальных сценариев. Хохшильд пишет, что коммерческий дух интимной жизни является культурным кодом современного капитализма (Hochschild, 2003). Об этом говорит и Ричард Сеннет в своей критике приватности (Сеннет, 2002). Дух капитализма сказывается в преобладании практик самоконтроля, следовании своему призванию, активности, целеустремленности, стремлении к успеху. Критики современного капитализма предостерегают от издержек культурного похолодания, связанного с отказом от личной эмоциональной работы и недостатком публичной заботы. Альтернативный более гуманный проект предполагает не только развитие социального государства, уменьшение социальной поляризации, но и пересмотр гендерных ролей. При этом женщины и мужчины, хотя и в разной степени, инвестируют эмоциональную работу в семью и межличностные отношения. Забота включает родительство, которое в России часто осуществляется женщинами в рамках «расширенного материнства». Для этой сферы характерны множественные напряжения, связанные с дисбалансом власти и полномочий, жестким определением ролей, возможностями удовлетворения индивидуальных потребностей, диалектикой личной свободы и зависимости. Мы предполагаем, что в России в высшем среднем классе наблюдаются некоторые эффекты эмоционального «похолодания», поскольку забота выносится за пределы семьи, коммерциализируется. Для большинства среднего класса сохраняется значимость социальных связей и личных отношений, которые устанавливаются даже с теми, кто выполняет наемную домашнюю работу.

Часть заботы становится профессиональной и коммерциализированной. Это забота, которую можно купить и продать, которую осуществляют профессионалы сферы услуг, домработницы и няни. В контексте глобализации новый мировой порядок домашней сферы поддерживается за счет женской миграции и трудоустройства в домохозяйствах не только постиндустриальных обществ, таких как США,

Канада и Западная Европа, но и в странах Центральной Европы и «новых индустриальных странах» Азии (Lan, 2002: 172). Глобальная цепочка заботы выражается в том, что женщины из слаборазвитых стран специализируются на выполнении относительно дешевых услуг по уходу за домом и детьми, давая возможность членам семей, в основном женщинам из развитых стран, заниматься высокооплачиваемой работой и карьерой. Высвобождение женщин в сфере домашнего труда и массовая женская занятость в современных российских условиях также предполагают использование наемного персонала. Мигранты — это теневой и низко оплачиваемый сегмент рынка услуг. Однако в России рабочие места по обслуживанию домохозяйства заполняют не столько географические мигранты, сколько «новые бедные» — низкооплачиваемая интеллигенция, пенсионерки и пр. Наблюдаются эффекты иерархизации заботы как следствия классового расслоения. «Классовые мигранты», обладающие навыками ухода за детьми и социальным капиталом, соответствующим получению этой работы, оказываются в положении эксплуатируемых в тех случаях, если их забота остается непризнанной, низкооплачиваемой и жестко контролируемой.

Материалы исследования

Итак, вместе с трансформацией возникает «новый быт». Его выстраивают представители авангардного сегмента нового российского среднего класса. Мы исходим из конвенционального определения среднего класса, которому следуют, например, Малеева (2003), Радаев (2003). При выделении среднего класса мы опирались на четыре параметра: высшее образование; регулярную занятость; нефизический характер труда; управленческие позиции.

При этом мы выбрали занятых как в частном, так и в государственном секторе на квалифицированных работах и на управленческих позициях. Это группы, которые в западном дискурсе получили название новых средних классов, в российском контексте также являются новыми, потому что они заняты на рабочих местах, которые не существовали в советское время, хотя существовали их аналоги. Новые средние классы состоят из специалистов с высшим образованием. У представителей этой группы есть постоянное место работы, иногда они имеют приработки. Среди наших информантов также есть

люди, обычно относящиеся к «традиционным средним классам», — собственники и руководители малых предприятий. К бизнесу нового среднего класса относят туризм, программирование, мобильные связи, телекоммуникации, образование и пр. В территориальном разрезе социально-профессиональный средний класс формируется неравномерно. В нашем исследовании речь идет о Петербурге, который наряду с Москвой лидирует по его представительству. Особые практики культурного потребления, специфические демографические тренды и развитие рынка социальных услуг также специфичны для этого мегаполиса.

Основную эмпирическую базу исследования составляют биографические глубинные фокусированные интервью, собранные в рамках проекта «Новый быт» (2004—2005 гг., финансовая поддержка Финской АН, проект «Семейные формы и рождаемость в Петербурге», № 208186), а также материалы исследования сексуальности в Санкт-Петербурге 1995 и 2005 гг. В проекте «Новый быт» информанты были представлены двумя социальными слоями; вместе с пилотными интервью массив включает 67 человек. Эти два слоя представляют протагонисты нового быта и представители той группы, которая делает этот быт возможным, продавая услуги по уходу за домом. Протагонисты нового быта — средний и высший средний класс (44 человека). Критериями выборки служили: образование, занятость в негосударственном секторе на позиции профессионалов, менеджеров разного уровня (с некоторыми небольшими исключениями), детность, возраст. Это женщины в возрасте 27—40 лет, 1964—1977 гг. рождения, формативные годы которых приходятся на предперестроечный и перестроечный период. Среди них женщины с детьми до 10 лет и женщины без детей (старше 30—35 лет). Выбор семей осуществлялся по критерию регулярного использования наемного домашнего труда (няни и домработницы, «ремонтники»). Информантки представляли разные типы домохозяйств и гендерных ролей: 1) незамужние карьерно-ориентированные женщины, с детьми и без детей (15 случаев), 2) семьи с двумя занятыми (16 случаев), 3) домохозяйства с разделением ролей домохозяйки и кормильца (13 случаев).

Вторую группу информантов составили те, кто делает возможным строительство нового быта — «профессионалы», «новые бедные» (10 нянь и 9 домработниц). Критериями данной подвыборки являются пол (18 — женщины), возраст (от 25 до 60 лет), занятость — наемный домашний труд, наличие детей (у 17 информанток).

Второй эмпирический массив данных получен в рамках проекта «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность (Санкт-Петербург, начало XXI в.)», его финансовая поддержка осуществлена Гендерной программой факультета политических наук и социологии ЕУСПб и Фондом Форда в 2005 г. Сексуальные биографии двадцати женщин и десяти мужчин двух возрастных когорт (от 17 до 25 лет, от 30 до 45 лет) были собраны методом глубинных интервью. Из тридцати опрошенных 20 человек принадлежат к среднему классу (12 женщин и 8 мужчин), 10 — к низшему среднему классу. Кроме того, ряд статей опирается на собственные полевые исследования авторов. В каждом случае описание данных приводится в статье.

Данная коллективная монография состоит из трех частей, каждая из которых составляет некоторое содержательное единство. В первой части обсуждаются изменения идентичности и процессы формирования новой женщины с ее автономной стратегией. Исследователи анализируют новые тенденции российского гендерного порядка, которым сопротивляется советская архаика, рыночные структуры, консерватизм и монетаризм политиков, консервативная медицина.

В создании новой приватности артикулируется значимость сексуальности. *Анна Тёмкина* анализирует тенденцию повышения сексуальной активности и ответственности женщин, возрастание значимости партнерских (эгалитарных) отношений. Постсоветское поколение городских женщин проявляет в сексуальной сфере рациональность, компетентность, оно ориентируется на практики сексуального удовольствия. Их сексуальная жизнь выстраивается как проект, в отличие от поколения матерей, сексуальные биографии которых во многом определялись как судьба и результат обстоятельств. Данный проект ориентирован на партнерство. Это аргумент в пользу эгалитарных гендерных изменений. Но есть и контртенденция — гендерная Вандея, где двойной гендерный стандарт и гендерная поляризация не только сохраняются, но и утверждаются как единственная и естественная норма. Двойной гендерный стандарт выражается в различиях предписаний по признаку пола, влекущих за собой структурное неравенство гендерных групп прежде всего центральной дихотомии — мужчин и женщин. В сфере (гетеро)сексуальных отношений двойной стандарт предполагает, что нормы мужской сексуальности являются более либеральными, чем нормы женской. В новом поколении сохра-

няются многие советские практики подчиненной сексуальности женщин, а их рациональное поведение сталкивается с барьерами, которые достаточно сложно преодолеть: женщинам не хватает знаний, они не используют подходящую им контрацепцию; планирование сексуальной жизни и репродуктивных практик срывается из-за внешних обстоятельств, и пр. Сохраняется традиционализм и мужчин, и женщин, воспроизводится гендерная поляризация. Она воплощается и в более широком разделении гендерных миров, где от мужчины ожидается функция кормильца, гаранта безопасности и сексуального эксперта, а от женщины — сексуальное, бытовое и эмоциональное обслуживание. Гендерная сегрегация/поляризация поддерживается традиционалистскими дискурсами и практиками, институциональным обеспечением «работающей матери» и игнорированием мужской роли в приватной сфере (в том числе отцовства).

О новой женщине пишет в своей статье *Ольга Чепурная*. В современной России появляется новая риторика самопрезентации женщин, склонных рационализировать свой жизненный опыт, размышлять о границах своей независимости. Автономные женщины ищут новые пути организации быта, профессиональной и семейной жизни. Они делают образовательные и карьерные выборы, рационально планируют свое время, обретают экономическую независимость, с большой осторожностью подходят к выбору супругов. Эти женщины планируют деторождение и берут на себя ответственность за воспитание детей, выбирают партнеров и сознательно выстраивают отношения. Для них важен баланс самостоятельности и эмоциональной включенности в отношения, баланс свободы и многообразной взаимной зависимости близких людей. Личная автономия предполагает развитие ответственных отношений с другими людьми. В женской стратегии автономии сочетается рациональное управление эмоциональной жизнью и потребность в эмоциональной теплоте любовных отношений. Многие современные женщины готовы к рискам, связанным с вложением эмоционального капитала. Однако невозможно говорить об автономии современной российской женщины как о целостной жизненной стратегии, которая скорее является ситуативной и эпизодической. Стратегии проблематизированы в частной сфере интимных партнерских и родительских отношений. Автономная женщина считается неустроенной, одинокой, несчастной как представителями старшего поколения, так и ровесниками, следующими более традиционным сценариям.

Итак, российские трансформации влекут за собой изменение женской роли и идентичности, смену гендерного порядка. Изменяется институциональная поддержка контракта работающей матери. В статье *Елены Здравомысловой* речь идет о коммерциализации заботы и профессиональных ролях нянь. Исследовательница показывает, что возрастающий спрос на оплачиваемый домашний уход за детьми в значительной степени удовлетворяется неформальным рынком труда. И няни, и молодые мамы проявляют заинтересованность в неформальном контракте. Это связано и с доверительным характером услуги, и со значимостью персонализированных отношений доверия в случае купли-продажи заботы. Неформальный контракт имеет свои преимущества. К ним относится переговорный характер всех условий найма, возможность безоговорочного разрыва устного соглашения, не влекущего за собой никаких санкций. Неформальный характер договора предполагает символическое признание домашнего труда в виде дополнительных выплат, подарков, предоставления услуг социального характера. Именно поэтому няни в основном не воспринимают свою работу как эксплуатацию, хотя структурно она, несомненно, оказывается таковой. Такие отношения рассматриваются няней как эксплуатация в том случае, когда наниматели нарушают негласные нормы уважительного взаимодействия и ведут себя с нянями как помещики с крепостными дворовыми. Мамы и няни своими отношениями воспроизводят женский мир заботы. Но при этом усиливается гендерная стратификация, разделяющая женщин, принадлежащих к разным социальным классам.

Оплачиваемый домашний труд как феномен нового быта находится в центре внимания исследования *Ольги Ткач*. Современные процессы «коммерциализации заботы» существенным образом отличаются от организации бытового обслуживания, принятой в советском обществе. Увеличение спроса на оплачиваемый домашний труд — это общемировой процесс, однако в России он имеет свои особенности. Спрос на такой труд растет за счет резкого социального расслоения российского общества. В отличие от мировой практики рынок оплачиваемого домашнего труда в России развивается в значительной степени благодаря внутренним ресурсам, хотя наблюдается массовое вовлечение мигранток (в основном из стран СНГ) в сферу услуг по уходу за домом. Сегмент теневого рынка домашнего персонала составляют женщины, не обладающие достаточным уровнем квалификации и образования для поиска иных видов занятости.

В современный неформальный рынок услуг по уходу за домом инкорпорирована исторически сложившаяся практика использования социальных сетей в сфере инструментальной и эмоциональной заботы о доме и семье. Гендерное разделение домашнего труда приобретает форму контракта, который задает неформальные правила коммуникации двух женщин — работодательницы и домработницы. Ольга Ткач рассматривает два типа гендерного контракта — «уборщица» и «помощница». Контракт «уборщица» предполагает сценарий профессионализации наемного домашнего труда. Нанимая *уборщицу*, хозяйка покупает рыночную услугу, а с ней — определенную степень освобождения от домашнего труда. Контракт «помощница» основан на концепции псевдородственных отношений. Помимо инструментальной, от *помощницы* ожидается эмоциональная забота о членах домохозяйства. Здесь наряду с благоустроенным бытом хозяйка покупает дополнительный комфорт, эмоциональную поддержку и дружескую помощь. Исследование демонстрирует, что хотя представительницы среднего класса и освобождаются от многих работ, на их ответственности остается поиск и найм помощников, организация быта и эмоциональная работа по установлению и поддержанию отношений с домработницей. Соответственно концепция нового быта включает в себя женский менеджмент домашней сферы и иерархизацию домашней заботы.

Вторая часть монографии включает статьи, посвященные новым практикам потребления, формированию физического домашнего пространства и стратегиям его реконструкции. Исследователи показывают, что в конце XX в. в постсоветской России развивается общество потребления. Оно утверждает себя на фоне выраженной социальной поляризации, с видимыми в публичном пространстве проявлениями нищеты, бедности и стратегиями экономии. *Борис Гладарев* и *Жанна Цинман* исследуют новые потребительские практики среднего класса, которые противопоставляются советским образцам. Средний класс формирует потребительские стратегии, которые имеют перспективный и долгосрочный характер и призваны обеспечить экономическую стабильность бытия. «Средние русские» в первую очередь вкладывают ресурсы в недвижимость, образование (свое и детей) и здоровье. Они ориентируются на (часто мифологизированные) стандарты образа жизни среднего класса богатых западных стран: коттеджи, дорогое образование детей, наемный домашний труд, потребление «культурных ценностей». С другой стороны, прослеживается ориентация

на «потребительское славянофильство». В интервью воспроизводятся референции к стилистическим образцам русской дворянской усадьбы XIX в. (представления о «хорошем образовании», «верные Арины Родионовны» и пр.), которые часто также мифологизированы. Кроме того, при общей направленности среднего класса на приобретение долгосрочных товаров и услуг огромное значение придается комфорту и гедонистической интерпретации потребления.

Новый быт — это новое домашнее пространство. Как показывает *Лариса Шпаковская*, приватное домашнее пространство противопоставлено публичному. Оно ассоциируется с отдыхом, досуговыми практиками и интимным общением. Особый тип «домашнего», естественного поведения отличается от публичного. Пространственная организация современного дома связана с наличием внешней и множества внутренних границ, отражающих ролевые разделения в семье, а также статусы ее членов. Существование современного дома конституируется различными, в том числе противостоящими друг другу, домашними практиками, напряжение между которыми ощущается информантами. Дом предполагает отдых, совместный досуг, общение. Но он становится и местом конфликтов по поводу разделения домашнего труда и домашнего пространства. Дом рассматривается как личное пространство членов семьи, но быт невозможен без присутствия «посторонних людей» — наемных работников (няни, домработницы, рабочие, ремонтные рабочие). С одной стороны, дом является семейным проектом и в этом смысле представляет возможность реализации личных вкусов, пристрастий его обитателей, а с другой — этот проект является примером стандартизированного потребления, навязанного медийными образцами.

Важнейшим средством строительства нового быта является реконструкция жилья. *Татьяна Андреева* рассматривает ремонт как стратегию обустройства домашнего пространства. При строительстве нового быта средний класс ориентируется на так называемый евростандарт. Конвенциональные представления о западных образцах обустройства пространства становятся эталонными, они рассматриваются как символы современности, достойного уровня жизни и успешности. Для их достижения необходимо дистанцировать себя от советского стиля потребления, уйти от обстановки дефицита. Желание продемонстрировать принадлежность к определенной социальной группе, идентифицировать себя с европейским потребителем побуждает многих информантов реорганизовать свою до-

машинную сферу. При этом новый стиль сохраняет черты советского наследия, о чем свидетельствует поиск специалистов «по знакомству», осуществление ремонтных работ «своими силами», отсутствие правового оформления сделок. Стратегии привлечения специалистов тяготеют к использованию ресурсов неформальных связей и характеризуются большим количеством рисков и конфликтов. Демонстративность потребления сочетается со стратегией экономии, когда осуществляется попытка достичь желаемого с наименьшими финансовыми затратами. Смешение стилей и эпох, привнесение новых элементов в «старое» пространство отражают противоречивость не до конца сформировавшейся потребительской культуры.

Третья часть монографии посвящена изменениям в сексуальной и репродуктивной сферах.

Изменения повседневности подразумевает трансформацию сферы интимности. Новые проявления сексуальности — рефлексивны, индивидуалистичны и плюралистичны. Они ориентированы на ценность удовольствия. Однако в этой сфере, как и в других, происходит наложение и попытки переговорного согласования старых и новых образцов. Это сфера морализаторства и диктата профессионалов, экспертных оценок и индивидуального выбора, подсчета затрат и выгод, оценки ситуации и выбора оптимальной стратегии.

Наталья Яргомская показывает, что в среднем классе — авангардном в сексуальных практиках — женщина обретает субъектность, расширяет возможности реализации своих сексуальных потребностей и желаний. Изменяются роли женщины и мужчины в сексуальном дебюте. Дискурс о гименопластике представляет женщину как субъекта, который получает возможность управлять своей сексуальной биографией, приспосабливаясь к культурным контекстам, которые часто оказываются патриархатными и предполагают двойной сексуальный стандарт. Инструкция по «правильной дефлорации» задает рамки поведения партнера в ситуации первого сношения. Сексуальная эмансипация приводит к изменениям мотивации сексуального дебюта. В гендерно асимметричном дебюте женщина выступает либо как альтруистка, приносящая в дар свою девственность, либо как собственница дорогого и редкого в современном обществе товара. Новый сценарий сексуального дебюта оказывается более «культурно теплым», чем традиционный брачный, так как субъективизирует женское удовольствие, лишает девственность ценности, вовлеченной в обмен, и востребует эмоциональную работу обоих партнеров. Если

женщина преодолевает отчуждение по отношению к своему телу, то расставание с невинностью перестает быть травматичным опытом смены сексуального статуса, а становится шагом на пути создания ответственных сексуальных отношений.

Мери Лариваара анализирует повседневную работу гинекологов женских консультаций Санкт-Петербурга. Взгляды и практики гинекологов транслируют представления о «правильной» женственности, которые и стары и новы одновременно. Врачи продвигают представление об ответственной и сознательной матери, прилагающей все усилия для поддержания благополучия в семье. Но не все женщины ответственно относятся к репродуктивному здоровью. Гинекологи считают, что корни проблем следует искать в общем неудовлетворительном состоянии здоровья женщин, их невежестве, равнодушии к своему здоровью, в моральных проблемах. Врачи предъявляют моральные требования к современной женщине — ответственное отношение к здоровью и нравственный уровень женщины оказываются в их представлениях неразрывно связаны. Ожидается, что «культурная современная женщина» будет следовать советам экспертов о подходящих способах контрацепции, а прерывание беременности должно иметь причины, легитимные с точки зрения врача. Лишь немногие, преимущественно молодые врачи, ориентируются на индивидуальный опыт женщины. Однако внимание врачей в целом фокусируется именно на женском опыте: прерывание беременности рассматривается с точки зрения женщины, без привлечения, например, мужа, расширенной семьи или интересов нерожденного ребенка. Гинекологи не используют риторику «вымирания нации» или дискурс «в защиту жизни».

Рефлексивная сексуальность предполагает взаимный контроль и безопасность. *Настя Мейлахс* анализирует практики предохранения в зависимости от режима отношений между партнерами. Исследовательница выделяет режим случайных связей и режим привычной сексуальной близости. Контекст случайных связей предполагает иерархию сексуальных статусов партнеров по критерию доверия. В этом случае действуют конкретные механизмы и индикаторы «надежности» партнера, благодаря им индивидам удастся создать иллюзию снижения сексуальных рисков. В режиме привычной близости осознание риска незапланированной беременности значительно снижается, а риски, связанные с заболеваниями, передающимися половым путем (ЗППП), считаются несуществующими. Коммуника-

ция между постоянными партнерами предполагает «понимание без слов», а не ведение открытых переговоров, уместных в публичных ситуациях. При этом «незаметность» переговоров не свидетельствует об отсутствии соглашения или о пренебрежении ответственностью со стороны одного из партнеров. Выбор средств предохранения и воспитание взаимной ответственности формируются во время постепенного приспособления партнеров к физическим и психологическим особенностям друг друга и в процессе разделения гендерных ролей.

Строительство нового быта и новой интимности мы связываем в первую очередь с новым средним классом. Однако изменения происходят и в других социальных слоях, процесс формирования новой приватности оказывается социально стратифицированным. Новому быту среднего класса противопоставлены интимные практики бедных слоев. Как показывает *Светлана Ярошенко*, инерция гендерного разделения обязанностей в домашней сфере, «классовые» ограничения в исполнении роли основного кормильца в слое «новых бедных» повлекли за собой кризис семьи, невозможность компенсировать женские чувства и заботу более высокой заработной платой мужа. Домашняя экономика выживания, с одной стороны, потребовала объединить усилия партнеров в преодолении нужды, а с другой — выявила социальные пределы эмоциональной и чувственной близости. Обменные отношения начали распространяться на сексуальную сферу. В условиях бедности происходит переосмысление любви и секса, которые становятся «прагматически ориентированными». Вынужденное нарушение гендерных норм, сохранившихся с советского времени, обозначило возникшую дистанцию между браком, сексуальностью и любовью. Разрыв между прежними требованиями и условиями выживания становится все более заметным. «Доверие» и «надежность» партнера остаются значимыми для женщин, а женская «внешняя привлекательность» и «домовитость» — для мужчин. Однако прежние основания близости оказались подорванными из-за несостоятельности мужчин в роли кормильцев и в качестве сексуальных партнеров. Женщины проявляют недовольство инерционностью мужей и их неспособностью соответствовать гендерной роли. Такое недовольство не только означает кризис, но и становится стимулом для переосмысления любви в сложных экономических и семейных условиях и гендерного уклада семьи в целом. Если семьи «выживают», то семейные роли начинают меняться в сторону эгалитарности.

В процессе переосмысления и реорганизации приватности как интимности претерпевают изменения репродуктивные практики, институты и дискурсы. Современные женщины изменяют отношение к деторождению и уходу за новорожденным. Мужчины более активно включаются в эмоциональную работу и заботу. Практики становятся более осознанными и вариативными. Однако не существует конвенциональной модели репродуктивного поведения. Стратегии остаются ситуационными, тактическими, их пределы задают институциональные и политические рамки. Медицина остается институтом, диктующим свои правила. Однако и в ней возрастает чувствительность по отношению к потребностям новых, более требовательных, клиентов медицинских услуг.

Тему репродуктивного поведения продолжает статья *Анны Роткирх* и *Кати Кессели*. На материалах демографической статистики и биографических интервью они анализируют решения петербургских женщин по поводу деторождения. Авторы интересуются, как обосновывают женщины свои решения в биографических интервью и как их ответы выглядят в контексте падения рождаемости в России, и в особенности в Петербурге, в 1990-е гг. Особенное внимание уделяется влиянию социальной среды на представление людей о том, сколько детей «можно» и нужно иметь. В современном российском обществе наблюдаются сдвиги в оценках желаемого количества детей и их места в жизненном цикле. Меняется представление о том, что естественно и нормально в репродуктивной сфере, о том, когда рано и когда поздно «заводить детей». Исследование показывает: несмотря на то что отношение к материнству стало более гибким и рефлексивным, рождение первого ребенка практически не планируется и не проблематизируется. Второй ребенок — это дело тщательного планирования и серьезных рациональных калькуляций. Появление же третьего ребенка воспринимается двойственно: как потенциальная угроза социальному благополучию семьи или как признак ее высоко-го социального и морального благополучия.

Анна-Мария Исола исследует официальный российский демографический дискурс о семье. Снижение численности населения в России вызвало сильную озабоченность проблемами рождаемости на федеральном уровне, среди представителей неправительственных организаций и в повседневном дискурсе. В 2006—2007 гг. была сформулирована новая национальная программа, направленная на улучшение, семейной политики и повышение семейных пособий.

Исследовательница анализирует политическую риторику проблем рождаемости и семьи. Обсуждая проблемы рождаемости, российские власти придерживаются прагматической точки зрения. Для повышения в будущем репродуктивного потенциала они стремятся, с одной стороны, адресовать бóльшую экономическую поддержку семьям, с другой стороны, расширить спектр социальных возможностей подрастающего поколения. Сконструированные категории, такие как «неблагополучные семьи» и «талантливые дети», и подкатегории, такие как «семьи с одним родителем» и «многодетные семьи», помогают адресовать экономическую и социальную поддержку непосредственно целевым группам. Сравнение дискурса об идеальной двухдетной семье с дискурсом о многодетных семьях показывает, что ассоциации, связанные с многодетными семьями, обычно негативные и стигматизирующие. Вследствие этого риторически идеальная семья — это двухдетная матрифокальная семья, а не семья с большим количеством детей, т. к. именно в ней сконцентрированы экономические трудности, проблемы со здоровьем и низкая культура родительства. Такой идеал позиционируется политиками как прагматически достижимый. В этом смысле прагматическая демографическая политика властей и их риторика не противоречат желаниям российских женщин, которые в большинстве своем ориентированы на материнство.

Материнство конструируется экспертными институтами. Риторика политиков и экспертиза врачей вносят свой вклад в конструирование материнского опыта.

На материалах самоэтнографии *Ольга Бредникова* размышляет о смыслах, приписываемых *молодости* и *старости* в процессе беременности—родов, и рассматривает отношения власти, которые реализуются при использовании этих номинаций. *Старость* проблематизируется через тело, а *молодость* через дефицит опыта субъекта. *Старость* более уязвима, поскольку опыт и компетенция достижимы, а порог *старости* в репродуктивной медицине отодвинуть гораздо сложнее. Возрастные категории позволяют манипулировать статусом беременной, вызывая у нее соответствующие когнитивные и аффективные реакции и направляя на осуществление «правильных» действий. После родов «старородящая» женщина приобретает статус молодой матери, и это превращение делает ее объектом обучения авторитетных врачей и затрудняет осуществление автономных стратегий самоконтроля. Новые тенденции автономной женщины предполагают сознательный контроль своего выбора и действий, а также

контроль над публичными институтами, испытывающими дефицит доверия со стороны граждан.

В России за последние десять лет все большее распространение получили семейные роды. Со второй половины 1990-х гг. появились новые институциональные возможности, позволяющие обеспечивать более активное вовлечение отца в эти процессы. Как показывают *Евгения Ангелова* и *Анна Тёмкина*, существуют разные модели участия отца в родах — активное участие как сознательный гендерный проект и ситуативное (формальное) участие. Для обеих моделей характерно стремление восполнить дефицит институционального доверия, связанный с системой родовспоможения. Однако способы преодоления недоверия различаются. В модели гендерного проекта в дородовый период партнеры занимаются поиском информации, посещают курсы подготовки к родам, устанавливают доверительные отношения с акушеркой. Ко времени наступления родов недоверие уже во многом преодолено. Отец в такой ситуации — это партнер, эксперт, его присутствие означает совместное переживание опыта, который осознается как значимый для дальнейшей жизни семьи. Оно компенсирует недостатки организации ухода в родильном доме. Для модели ситуативного участия характерна стратегия получения формальных гарантий. Проблема недоверия остается актуальной во время родов, присутствие отца в роли контролера или наблюдателя имеет важное функциональное значение обеспечения надзора и достижения безопасности. Меняется структура родительства — роли матери и отца перестают быть жестко заданными. В первом случае для пары характерно отсутствие жесткого гендерного разделения труда, родительские роли выступают предметом постоянных переговоров и сотрудничества между супругами. Для второй модели характерно более традиционное гендерное разделение ролей, поляризация материнства и отцовства.

В сфере репродуктивных практик и практик по уходу за новорожденным существуют малозаметные изменения, оставшиеся за пределами публичного обсуждения. *Дарья Одинцова* в своей статье анализирует отказ от пеленания новорожденных как симптом культурного переосмысления категории новорожденного, изменения логики взаимодействия матери и медицинских институтов, а также перехода к новому стилю потребления, включающего использование широкого ассортимента товаров для грудных детей. Более полувека тому назад М. Мид сформулировала знаменитую «пеленальную гипотезу», утверждая, что необычайно длительный период пеленания младенцев

оказывает существенное влияние на складывание русского национального характера. Такого рода влияние производится этой практикой в том случае, если она вписана в контекст общих культурных стандартов (Mead, 1954: 395, 398). Д. Одинцова рассматривает практики пеленания советского и современного периодов в контексте медицинского знания, институциональных правил медицинских учреждений и бытового обоснования пеленания. Патернализм медицинских институтов и бытовой минимализм, характерные для советского общества, сказались и в практиках ухода за младенцами. Индивидуализация ухода за новорожденным, переход к новому стилю потребления обусловили реконфигурацию практик ухода. Отказ от пеленания предполагает изменение культурной модели младенчества. С первых дней жизни новорожденный мыслится как лицо, наделенное индивидуальными потребностями, схожими с потребностями взрослого человека, и соответствующими правами. Все короче период пеленания, все меньше распространена эта практика. Одевая младенцев в соответствии со своими вкусами и возможностями, родители демонстрируют свой статус и свои представления о надлежащем уходе за младенцем.

В монографии анализируются разные аспекты нового быта — от организации домашнего пространства до пеленания детей. Все они свидетельствуют о формировании буржуазной приватной сферы, существование которой подразумевает личную свободу, развитие рынка социальных услуг, ценность интимности и изменение гендерных ролей. Этот проект захватывает авангардный слой городского среднего класса и развивается на фоне социального расслоения, иерархизации заботы и коммерциализации повседневности. Социальные конфликты будут пронизывать новый быт, но этот проект имеет гораздо больше шансов на реализацию, чем утопия коммунистического нового быта, о котором мечтала Александра Коллонтай. Она могла бы ужаснуться, увидев господство индивидуализма и отсутствие солидарности, жесткую конкуренцию и классовую поляризацию в современной России. В то же время рефлексивные поиски молодых людей, изобретательность женщин нового тысячелетия обрадовали бы и удивили ее.

Елена Здравомыслова, Анна Роткирх, Анна Тёмкина

Литература

- Бек У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Волков В. (1997). Общественность: забытая практика гражданского общества, *Pro et Contra*, т. 2, № 3, с. 77—91.
- Гидденс А. (2004). *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер.
- Коллонтай А. (1923). Революция быта, в кн.: *Труд женщины в эволюции хозяйства*. М.; Пг. Перепечатано в кн.: *Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай*. Тверь: ФеминистПресс—Россия, 2003.
- Лотман Ю.М. (1994). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. СПб.: Искусство—СПб.
- Малеева Т., ред. (2003). *Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии. Центр Карнеги*. М.: Гендальф.
- Радаев В. (2003). Введение, в кн.: *Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии. Центр Карнеги*. М.: Гендальф.
- Сеннет Р. (2002). *Падение публичного человека*. М.: Логос.
- Тёмкина А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4—15.
- Хархордин О. (2002). *Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности*. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад. (Труды ф-та политических наук и социологии; Вып. 5).
- Яницкий О. (2004). *Социология риска*. М.: LVS.
- Bailey J. (2000). Some Meanings of 'the Private' in Sociological Thought, *Sociology*, N 34, p. 381—401.
- Crompton R. (1999). Discussion and Conclusions, in: R. Crompton, ed., *Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner*. Oxford; New York: Oxford University Press, p. 200—214.
- Hochschild A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work*. Berkeley; London: University of California Press.
- Lan P.-Ch. (2002). Among Women: Migrant Domestic Workers and Their Taiwanese Employers Across Generations, in: B. Ehrenreich, A. Hochschild, eds., *Global Women. Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books, p. 169—189.
- Mead M. (1954). The Swaddling Hypothesis: Its Reception, in: *American Anthropologist. New Series*, vol. 56, N 3 (June), p. 395—409.
- McCarthy Edwards (2001). Illuminating Meanings of «the Private» in Sociological Thought: A Response to Joe, *Sociology*, N 35, p. 765—777.
- Weintraub J. (1997). The Theory and Politics of the Public/Private distinction, in: J. Weintraub, K. Kumar, eds., *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, p. 1—42.

Часть 1

**НОВАЯ ЖЕНЩИНА:
ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ
ДОМАШНЕГО ТРУДА**

Анна Тёмкина

НОВЫЙ БЫТ, СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

В данной статье я обращаюсь к проблеме гендерных различий и неравенства в сфере сексуальных отношений в России начала 2000-х гг. На основе анализа биографических интервью осуществляется реконструкция гендерных предписаний, идентичностей, практик и способов взаимодействия.² Эмпирические данные показывают, что в со-

¹ Многие идеи данной статьи обсуждались на проектных семинарах в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) и в Хельсинки, за что я благодарю всех участников. Я особенно признательна Е. Здравомысловой, А. Роткирх и И. Тартаковской за комментарии.

² В данной статье используются материалы, полученные в рамках проекта «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность (Санкт-Петербург, начало XXI в.)», его финансовая поддержка осуществлена Гендерной программой факультета политических наук и социологии ЕУСПб, 2005 год. Сексуальные биографии двадцати женщин и десяти мужчин двух возрастных когорт (от 17 до 25 лет, от 30 до 45 лет) были собраны методом глубинных интервью. Из тридцати опрошенных 20 человек принадлежат к среднему классу (12 женщин и 8 мужчин), 10 — к низшему среднему классу. Дополнительно мной было проведено 4 интервью с молодыми женщинами (20—25 лет) в Челябинске в марте 2005 г., за помощь в организации которых я признательна Ольге Никоновой. В интервью были включены блоки, касающиеся следующих тем: первые сексуальные воспоминания, сексуальный дебют, знания о сексуальности, стабильные и нестабильные отношения, любовь, брак, развод, внебрачные связи, разговоры о сексе с партнером, оргазм, беременность, роды, аборты, деторождение, контрацепция, заболевания и лечение. В интервью был включен также ряд оценочных вопросов (отношение к бездетности, одинокому материнству, многодетности, изменениям в сексуальной сфере и пр.).

временной России наблюдается тенденция повышения активности, ответственности и компетентности женщин, возрастает значимость партнерских (эгалитарных) отношений. Эта тенденция отчетливо прослеживается в сфере сексуальных отношений, столь значимых для организации гендерного порядка. С другой стороны, сохраняется двойной гендерный стандарт и гендерная поляризация (неравенство).

Под двойным гендерным стандартом исследователи понимают различия предписаний по признаку пола, влекущие за собой структурное неравенство групп, выделяемых по гендерным признакам, прежде всего мужчин и женщин. В сфере (гетеро)сексуальных отношений двойной стандарт предполагает, что нормы мужской сексуальности являются более либеральными, чем нормы женской. При патриархальном гендерном устройстве общества женская сексуальность жестко контролируется семьей, сообществом и государством; она нормативно связана преимущественно с репродукцией, от женщин требуются «чистота» и «верность». На мужчин эти нормы распространяются в гораздо меньшей степени. Гендерное неравенство в сексуальной сфере означает иерархию статусов, при которой женские сексуальные потребности считаются вторичными по сравнению с мужскими. В постпатриархальных западных обществах, переживших сексуальную революцию и существенные изменения гендерных ролей, сфера сексуальности становится относительно автономной областью удовольствия и рационального выбора, ответственного отношения к сексу и планирования репродуктивного поведения, выравнивания гендерных стандартов. Происходит «повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т. д. Положение в разных странах зависит... от степени социального равенства полов» (Кон, 2002: 28).

Однако социальное равенство полов, продвигаемое в публичной сфере, не уничтожает полностью неравенства и гендерного конфликта в сфере приватной жизни и сексуальности. У. Бек пишет о характерной для Европы «глубокой нестабильности, уязвимости и “воору-

При написании данной статьи были привлечены некоторые материалы из проекта «Новый быт» (2004–2005 годы, финансовая поддержка Финской АН), а также материалы из исследования сексуальности в Санкт-Петербурге в 1995 г. (см.: Здравомыслова, Тёмкина, 2002а).

женной растерянности” мужчин и женщин, противостоящих друг другу в буднях брака и семьи» (Бек, 2000: 148). Это объясняется тем, что приватная сфера, включающая и сферу интимных отношений, является консервативной. Изменения в ней происходят неравномерно и не прямо повторяют тенденции изменения гендерного устройства публичной сферы. В сфере интимных отношений создаются и воспроизводятся натурализованные гендерные различия (т. е. те различия, которые признаются природными и естественными).

Здесь мы обратимся к вопросу о том, как меняются гендерные отношения в сексуальной сфере в современном российском обществе, которое пережило радикальные изменения, обозначаемые метафорой «сексуальная революция».³ В западных обществах сексуальная революция 1960—1970-х гг. была связана с институциональными (в первую очередь с развитием рынка контрацепции) и политическими изменениями (с феминистским и другими политическими движениями), с общественными дебатами (Rotkirch, 2000; Кон, 2002; Гидденс, 2004). В России изменения в повседневности опередили публичную артикуляцию и изменения институтов. Применительно к России исследователи выделяют два этапа радикальных изменений в сфере сексуальности (Rotkirch, 2000: 24). Первый этап, или «*сексуальная революция в повседневности*», пришелся на позднесоветский период и был связан с либерализацией сексуальных практик. Второй этап, или «*дискурсивная сексуальная революция*», начался в период перестройки/гласности и был ознаменован артикуляцией сексуальности в публичных дискурсах и ростом институциональной рефлексивности по отношению к сексуальным практикам.

³ Под «сексуальной революцией» в западных индустриальных обществах понимают радикальные изменения практик и дискурсов, произошедших в 1960—1970-е годы. И. Кон указывает, что тенденции сексуальной либерализации являются сходными для большинства индустриальных обществ. К ним относятся более раннее сексуальное созревание и пробуждение эротических чувств у подростков и начало сексуальной жизни; социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожителства; сужение сферы запретного в культуре и рост общественного интереса к эротике; рост терпимости по отношению к необычным, вариативным и девиантным формам сексуальности; увеличение разрыва между поколениями в сексуальных установках, ценностях и поведении, а также уменьшение двойных гендерных стандартов (Кон, 1997, 2005).

В позднесоветский период разрыв либеральных практик сексуальной жизни и репрессивной советской идеологии по отношению к сексуальности приобрел системный и рутинный характер, что позволило исследователям назвать такую сексуальность «лицемерной» (Zdravomyslova, 2001). На фоне публичного умолчания сексуальности менялись повседневные практики. Официально декларировалась норма моногамной советской семьи, в повседневности добрачный и внебрачный секс был широко распространенным и среди мужчин, и среди женщин. Происходило постепенное изменение норм женской сексуальности, которая теряла эксклюзивно репродуктивный характер, но относительно которой сохранялся двойной стандарт. Наши предыдущие исследования показали, что в позднесоветский период мужчинам и женщинам приписывались разные сексуальные потребности, сексуальность репрезентировалась как гендерно поляризованная и иерархизированная. В повседневности утверждалась сексуальная активность и биологическая полигамность мужчин, относительная пассивность женской сексуальности (Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2007). Гендерная поляризация воспроизводилась и в сфере репродуктивного поведения. Аборты и роды считались *исключительно*, а использование контрацепции — преимущественно женскими практиками (как в браке, так и вне брака); устройство социальных институтов и гендерные стереотипы способствовали дистанцированию мужчин от данной сферы жизни (Бараулина, 2002).

Для второго этапа изменений — периода перестройки — характерен рост институциональной рефлексивности в отношении либеральных сексуальных практик, т. е. доступность экспертного знания, масс-медийное и рыночное обеспечение потребностей, возникающих в сексуальной сфере, институциональная поддержка репродуктивного планирования и пр. Сексуальность озвучивается в публичных дискурсах как сфера удовольствия и риска, повышается значимость сексуальной привлекательности, которая становится ресурсом, увеличивающим жизненные шансы индивидов. В повседневности получают распространение гедонистические и рыночные сценарии сексуальности (Тёмкина, 2002). Как и на первом этапе, сохраняется двойной гендерный стандарт (Rotkirch, Haavio-Mannila, 2000; Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2007).

Исследования выявляют противоречивые тенденции. Фиксируется рост толерантности в отношении добрачных связей как для муж-

чин, так и для женщин, но одновременно сохраняется меньшая терпимость в отношении женских супружеских измен по сравнению с мужскими (Анурин, 2000: 92; Здравомыслова О., 2003: 81–83 и пр.; Анурин, 2004; Кон, 2005: 296). С точки зрения С. Голода, массовые опросы выявляют следующую тенденцию: «С одной стороны, прорисовывается специфика каждого из полов, с другой — их поведение сближается по мужскому традиционному варианту» (Голод, 1996: 95–96). На основе данных опроса в Санкт-Петербурге (1996) Э. Хаавио-Маннила и А. Роткирх показывают гендерную поляризацию в практиках внебрачных связей и в отношении к ним. Такая поляризация связана с постсоветским акцентированием *различий* полов. Вместе с тем молодые люди по сравнению со старшими более гендерно эгалитарны в оценке женской сексуальной активности и принятии гомосексуальности. Сравнивая процессы либерализации сексуальности в Финляндии, Швеции и России, авторы описывают общую тенденцию к эгалитарности или выравниванию гендерных стандартов (Haavio-Mannila and Rotkirch, 2005).

На этом этапе роста институциональной рефлексивности «сексуальная революция» в России остается незавершенной, поскольку по-прежнему сохраняется двойной гендерный стандарт. По мнению И. Кона и других исследователей, «сексуальная революция» на Западе была прежде всего женской революцией,⁴ в ходе которой значительно изменились интерпретации и практики женской сексуальности и стало ослабевать гендерное неравенство (Кон, 2002). Признание гендерных различий сопровождалось развитием дискурса равных возможностей.

В данном контексте нас интересует, происходит ли в настоящее время в России (начало XXI в.) третий — *гендерный* — этап сексуальной революции, следующий за поведенческим (1970–1980-е гг.) и дискурсивным (1990-е)? Далее мы обращаем внимание в первую очередь на изменения в практиках женской сексуальной жизни, поскольку именно с ее регулированием связано воспроизводство гендерного неравенства в сфере сексуальности. Преодоление двойного гендерного

⁴ Меняются и представления о мужественности, и предписания мужчинам в сфере сексуальных отношений: «Современные молодые женщины ожидают от своих партнеров не только высокой потенции, но и понимания, ласки и нежности, которые в прежний мужской джентльменский набор не входили» (Кон, 2002: 28).

стандарта предполагает в первую очередь либерализацию поведения женщин и открытость общества к новым образцам поведения. Однако гендерные изменения очевидно касаются и мужчин, практики которых соотносятся с изменениями в позиционировании женщин.

Эмпирически о радикальных гендерных изменениях в сфере сексуальности в начале 2000-х гг. свидетельствуют следующие тенденции:

— Рационализация, контроль и планирование женщинами своей сексуальной жизни, повышение активности и компетентности женщин в сфере сексуальных отношений, ответственное отношение женщин к репродуктивному здоровью, позиционирование женщинами себя в качестве субъекта сексуального желания и удовольствия.

— Распространение ответственного отношения мужчин и женщин к сексуальным практикам.

— Ориентация на партнерство в сексуальных отношениях.

Автономизация женской сексуальности, ее отрыв от репродукции и «женской судьбы» окончательно легитимированы в России. В начале 2000-х гг. это признается как женщинами, так и мужчинами.⁵ Происходит выравнивание гендерных стандартов, повышается значимость партнерства. Однако эти тенденции захватывают общество неравномерно. Они отчетливо выражены у образованного городского слоя и проявляются в разных сферах жизни (в сфере межличностных взаимодействий, в разделении домашнего труда, в распоряжении деньгами, в воспитании детей и пр.), в том числе и в сексуальной. Сексуальное взаимодействие и репродуктивные практики описываются партнерами как предмет планирования и переговоров, учитывающих индивидуальные различия и взаимные потребности. Например, совместное принятие решения о рождении ребенка, включенность отца на всех стадиях беременности и участие в родах означает частичное преодоление гендерной поляризации (разрыва между «женским» и «мужским» миром) в репродуктивной сфере, выработку средств постоянной коммуникации между партнерами. Это может приводить

⁵ Разделенность сексуальной жизни и брака отмечалась почти всеми нашими информантами. Однако, разумеется, у молодых людей существуют и другие мнения. Например: *«Все-таки я придерживаюсь того идеала, что не должно быть... сексуальных отношений до брака, потому что это, я считаю, что это отношения, разрушающие личность человека, а не создающие ее»* (Оксана, 25 лет).

к гендерному выравниванию представлений о родительских ролях и практик по уходу за ребенком (Ангелова, 2005).

Однако на фоне рационализации и либерализации сексуального поведения сохраняется гендерная поляризация женского и мужского миров, или гендерные границы. Культурная поло-типизация практик в условиях гендерного неравенства означает, что женские практики и сферы компетентности обладают более низким статусом по сравнению с мужскими. О. Здравомыслова на основе исследований, проведенных в 1990-е гг., анализирует гендерные границы, устанавливающие различия и конфликтные зоны в отношениях мужчин и женщин. Как показывает автор, сущность многих гендерных практик в современной России, несмотря на модернизацию, остается традиционной. Замкнутость границ мужской и женской культур способствует конфликтности отношений и неразвитости партнерства. Существуют практики, по поводу которых идет «борьба полов» за их поддержание и переопределение. Такие практики относятся в том числе к сфере сексуальной свободы (Здравомыслова О., 2003: 80–82). Наш эмпирический материал также показывает, что в настоящее время гендерная поляризация в сфере сексуальности сохраняется. Признается приоритет мужских сексуальных потребностей над женскими; большинство репродуктивных практик (использование контрацепции, практики беременности и деторождения, забота о репродуктивном здоровье) считаются сферами женской ответственности, из которой молодые мужчины самоустраиваются или в которую они не допускаются так же, как и их отцы. От мужчин ожидается выполнение традиционных ролей материального обеспечения (добытчика или спонсора) и обеспечения безопасности. От женщин — материнство и домашнее обслуживание семьи и мужчины.

Далее на материале проведенных исследований мы рассмотрим гендерные изменения, которые связаны с активной и рациональной позицией женщины и формированием партнерства в сексуальных отношениях. Затем мы реконструируем пассивное позиционирование женщины, отношение женщин и мужчин к сексуальной жизни как к судьбе и воспроизводство гендерной поляризации и гендерных границ. Исследования трансформации сексуальной жизни помогут нам понять тенденции изменения гендерного порядка в целом. Сексуальная жизнь для нас — это часть повседневности, признанная, легитимная часть быта. Изменения сексуальности, изменения быта, изменения гендерного порядка — вот понятийная цепочка, которая организует наши рассуждения.

В данном исследовании речь идет о современном этапе сексуальной революции, поэтому в центре внимания — биографии наиболее молодых информантов, собранные весной 2005 г. в Санкт-Петербурге и Челябинске (11 женщин в возрасте 19–26 лет, 7 мужчин в возрасте 17–26 лет). Наши информанты относятся к постсоветскому поколению. Их годы рождения приходятся на начало 1980-х гг., формативные годы сексуальной жизни — на вторую половину 1990-х гг., т. е. на период дискурсивной революции. Как возрастная группа, эти люди находятся в стадии поиска в сфере сексуальных отношений и обретения опыта и знаний. По социальному составу информанты — это студенты, аспиранты, секретари, менеджеры низшего звена, недавно работающие специалисты, безработные. В выборку включены люди с высшим образованием (или обучающиеся в вузах — 14 человек) и без высшего образования (4 человека). Из восемнадцати опрошенных двое недавно женаты, у одной информантки есть ребенок.

Сексуальная жизнь как проект и партнерские отношения

Я сама готова нести за это [сексуальные отношения] ответственность. За этот шаг, за эти последствия.

Из интервью

Это [секс] нужно не только тебе, но и мне.

Из интервью

В биографиях представителей самой молодой возрастной когорты четко очерчиваются рамки новой женской субъектности и рационального⁶ отношения к сексуальной жизни. Как указывает Э. Гидденс,

⁶ «Способность человека действовать рационально, т. е. способность человека в своих повседневных делах рассчитывать, действовать обдуманно; выработать альтернативные планы действий; заранее определять условия, в которых он последует одному или другому плану; при выборе средств отдавать предпочтение наиболее эффективным; придавать значение прогнозируемости событий, предпочитая при этом «некоторый элемент неожиданности»; отдавать предпочтение предварительному анализу альтернатив и последствий перед импровизацией; придавать большое значение вопросу о том, что необходимо сделать и как; осознать, осуществлять выбор и

характеристикой современных интимных отношений является добровольный выбор из различных возможностей, необходимый для осуществления рефлексивного проекта собственной жизни (Giddens, 1991: 87–88). Современные молодые женщины в России стремятся к контролю над своей жизнью, в том числе сексуальной. Контроль обеспечивается обретением знаний, превентивной заботой о здоровье, планированием сексуального дебюта, выбором партнера (мужа), «работой над оргазмом», информированным использованием контрацепции, планированием и организацией рождения детей и пр. Такие женщины знают, чего они хотят в своей сексуальной жизни и в жизни в целом, и как этого добиться.⁷ Эти женщины обладают экономической и профессиональной независимостью или стремятся к ней.

Современная молодая женщина выстраивает стратегию создания семьи. Она определяет те обстоятельства, которые считает необходимыми и достаточными для семейной жизни. Она имеет представление о собственной позиции и о соотношении ролей в будущей семье. С точки зрения двадцатидвухлетней женщины, прежде чем вступить в супружеские отношения, необходимо обеспечить себе карьерный рост и полную экономическую независимость. Нести ответственность за семью должны оба супруга:

Я бы не сказала, что это [семья] сейчас стоит... на моей повестке дня... хочу достигнуть определенного карьерного роста и какой-то определенной финансовой стабильности, и после чего я бы уже думала о семье, хотя... не считаю, что женщина должна быть тем человеком, который содержит семью, но, собственно... надо быть абсолютно независимой (Людмила, 22 года).

стремиться к нему: настаивать на «детальной» в противовес «обобщенной» характеристике ситуаций, расцениваемой в качестве важной и реалистической информации, и так далее — причем эта способность базируется на способности человека воспринимать как нечто само собой разумеющееся, принимать на веру широкий диапазон характеристик социального порядка» (Гарфинкель, 2007: 179).

⁷ Данный достаточно новый для России феномен с трудом воспринимается средним и старшим поколением, ориентирующимся на патриархатную риторику. Сексуально активная женщина воспринимается в качестве угрозы гендерному устройству общества, и возникают самые разнообразные протесты — от определения женщины как «стервы» и роста области «стервологии» до агрессивной критики феминизма (см., например: Никонов, 2005).

Женщина готова нести ответственность за свою репродуктивную и сексуальную жизнь. Для этого ей необходима соответствующая информация. Она осваивает специальную литературу, планирует репродуктивное поведение, контролирует свое здоровье, регулярно посещает гинеколога, предохраняется от нежелательной беременности и заболеваний. Она становится социально компетентным агентом в поле сексуальных взаимодействий. Наша информантка рассказывает:

Я тщательно проштудировала всю литературу, какую только возможно, по поводу контрацепции. Более того, мне оказалось мало, я пошла к нескольким разным врачам на прием, вот, и все они мне сказали совершенно разные вещи... Я поняла, что я сама, главное, я сама готова нести за это [сексуальные отношения] ответственность. За этот шаг [дебют], за эти последствия (Алёна, 22 года).

Женщина выступает инициатором использования контрацепции, на что соглашается (или не соглашается) мужчина:

Когда было в первый раз, я сразу поставила, что я без презерватива не хочу и ничего делать не буду. Вот. Он, собственно, согласился и все, и сейчас это в порядке вещей (Наташа, 22 года).

Она выступает инициатором контроля сексуального здоровья пары, настаивает на том, чтобы партнер также гарантировал свое здоровье:

Перед тем как, там, заняться со мной сексом, он сдал кучу анализов, что он здоровый... Он не мог мне перечить. ...Он не мог мне сказать — нет. А как? Я так хочу! Я вот, я вся чистая, здоровая, и все, и я хочу быть уверена в тебе. Вот у тебя, там, куча, немерено этих женщин было... (Яна, 19 лет).

Для этих женщин характерно изменение отношения к абортam. Аборты перестают быть травматичными с медицинской точки зрения, но одновременно они утрачивают свойства рутинизированной нормальной практики. К этому средству контроля репродукции прибегают гораздо реже по сравнению с советским временем, отношение к абортam становится более негативным. Проблематизация абортов выражается в разной форме — от вреда здоровью до совершения

убийства (подобная интерпретация практически отсутствовала в советское время). Появляются категории «вины», «стыда», «греха», «некультурности», связанные с прерыванием беременности. Контрацептивная культура перестает быть абортной, хотя нежелательные беременности и аборты все еще остаются распространенным опытом (см.: Здравомыслова, 2005).

Признается (и осознается) наличие у женщины сексуальных потребностей. Женщина стремится испытывать сексуальное удовольствие, оргазм, обсуждает это с партнером, «работает» над достижением удовольствия. Оргазм становится одной из важных целей сексуальных отношений.⁸ В дискурсе появился нарратив об оргазме, который воспроизводится в биографических историях (озвучивается ценность оргазма, способы его достижения, сравнение разных типов, интенсивности, качества и пр.). Истории о женском оргазме в качестве инструкций широко представлены в масс-медийной продукции. Женщина не видит смысла в имитации сексуального удовлетворения и расстается с тем партнером, с которым не достигает оргазма. Она считает, что невозможность достигнуть удовлетворения, обсудить эту проблему с партнером и найти определенный способ ее решения является показателем низкого качества отношений в целом. Это показатель отсутствия заинтересованности друг в друге и недостатка доверия между партнерами. Она отказывается от одностороннего сексуального обслуживания, не приносящего ей удовлетворения. Такие отношения не имеет смысла сохранять. Приведу характерные цитаты.

...Мы с ним начинаем заниматься сексом, проходит пять минут, и я говорю: «Все. Давай. Хватит». Он такой: «Что?» Я такая: «Все, я не хочу. Мне не интересно»... Никаких... ощущений. Я такая:

⁸ Французский социолог А. Бежен пишет о том, что современная сексуальность становится «рационализированной», «финализированной», «технизированной», «профессионализированной», ее «стали характеризовать по одному из ее результатов, частому, но не строго необходимому, а именно — по удовольствию, которое она может доставить», в ней ведется постоянный учет сексуального удовольствия (Бежен, 1997: 15–16). «Оргазм становится одновременно и почти неизбежным атрибутом и эталоном измерения сексуального удовольствия» (Там же: 17). Учет сексуального удовольствия говорит о распространении целерациональности на сферу сексуальности.

«А чё?» Чтобы он получал удовольствие? Я не готова, чтобы удовлетворять какого-то мужчину. Ты вот не можешь, вот, доставить мне удовольствие? Все, давай, пока. Как бы, мне это не интересно (Яна, 19 лет).

Это глупо, когда женщина начинает симулировать оргазм... Если у вас какие-то близкие отношения, если он не может тебя довести до оргазма, простите, это проблема, это надо решать, надо что-то делать, надо друг о друге заботиться... ты всю жизнь так и будешь ходить неудовлетворенной? Смысл? У вас же и отношения из этого будут строиться совершенно другие, потом это же означает, что вы друг другу как-то не особо доверяете, зачем ты будешь симулировать оргазм? Ты не доверяешь ему, ты не можешь ему сказать, ты знаешь, дорогой, мне это не нравится, а попробуй со мной сделать это, я хочу так вот (Виктория, 24 года).

Допускается проявление женщиной инициативы в сексуальных отношениях. Она выбирает партнера, контролирует время и ситуацию сексуального дебюта. Она ищет подходящего сексуального партнера: любовника/мужа/отца ребенка в перспективе. Она обладает высоким уровнем рефлексии, свободно рассказывает о том, что ее устраивает или не устраивает в конкретных сексуальных отношениях. Сексуально эмансипированная женщина часто является и инициатором разрыва, и в этом она сходна с «поколением матерей» (поколением поведенческой революции). Однако причиной разрыва может быть то, что молодую женщину не устраивают собственно сексуальные отношения. Такая мотивация в поколении матерей встречалась гораздо реже.

Женщины, сознательно выстраивающие свою сексуальную жизнь, ориентируются на **партнерство**. Такие отношения предполагают взаимную заинтересованность, равноправие, наличие обоюдных сексуальных потребностей и переговоры по поводу отношений. Информантка рассказывает:

Я всегда, вступая с кем-либо в половую связь, я, как бы, стараюсь расставлять такие акценты, что это нужно не только тебе, но и мне. И поэтому это как-то: никто здесь не подчиненный, и никто здесь не оплачивает и не оплачиваем, то есть как-то это все на взаимовыгодных каких-то моментах построено (Людмила, 22 года).

Партнеры должны быть одинаково информированы или вместе приобретать необходимые знания. Предохранение, беременность не считаются эксклюзивно «женскими проблемами». Как полагает одна из информанток, в процессе сексуального просвещения нужно особое внимание уделять мальчикам, они должны знать не только, как функционирует их тело, но и особенности женского организма.

Мальчики, например, тоже должны знать, я не считаю, что, если вот девочка залетела... это не только проблема девочки. О том, что, как надо предохраняться, это не только проблема девушки. О том, что у девушки, оказывается, бывает менструация, это не только девушка должна об этом знать (Виктория, 24 года).

Для партнерских пар характерен коммуникативный сценарий сексуальных отношений, в нем сохраняются те основные характеристики, которые были описаны для старшего поколения (а именно — значимость взаимопонимания, дружбы, общения, взаимных интересов, общего круга, нацеленность на совместные действия и эмоциональный контакт — Тёмкина, 2002). Однако по сравнению со старшими поколениями отношения становятся более рефлексивными, а сексуальная сфера — более артикулированной. Коммуникативный сценарий молодых людей и девушек включает обсуждение вопросов сексуальной сферы и взаимодействий, знание сексуальных потребностей друг друга, признание значимости сексуального удовольствия в равной степени для обоих партнеров. В целом партнерские отношения противостоят двойному стандарту.

Молодые мужчины в этом случае так же, как и женщины, стремятся учесть индивидуальные и взаимные потребности в сексуальных отношениях, заботятся о безопасном сексе и предохранении от беременности, планируют семью и воспитание детей и пр. От них ждут ответственности за разные стороны интимной жизни, в том числе заботы о сексуальном удовлетворении партнера, использовании контрацепции и ориентации на безопасность в сексуальных отношениях. Такой мужчина знает сексуальные потребности подруги, заботится о ее самочувствии, «работает» над ее оргазмом и пр. Для мужчин становятся нормальными переговоры по поводу сексуальных чувств и практик, использование эффективной контрацепции, забота друг о друге. Эмпирические данные показывают, что часто

молодые мужчины ответственно относятся к сексу и пересматривают взаимоотношения под влиянием или давлением девушек, а не по собственному выбору.

Рассмотрим, каким образом в партнерских отношениях выстраиваются контрацептивные практики и практики репродуктивного поведения, как происходит накопление знаний и опыта, как осуществляется сексуальное взаимодействие между мужчиной и женщиной, какое место во взаимодействиях занимает сексуальное удовольствие и удовлетворение.

Пара обсуждает сексуальный дебют или начало интимной жизни, при этом важным считается мнение женщины. Информантка рассказывает: «[Я] ему объяснила, что должно пройти какое-то время, что не сразу все. Он, как бы, понял все и сказал: "...когда скажешь сама, тогда и будет"» (Ирина, 20 лет). Ирина и ее партнер совместно приняли решение о том, чтобы проверить свое здоровье перед началом половой жизни и осуществили этот план. Аналогичную историю о начале сексуальной жизни рассказали нам и некоторые другие женщины. Ирина продолжает рассказ об освоении сексуальных знаний со своим гражданским мужем, о превращении этого процесса в игру, доставляющую удовольствие им обоим.

— Кино? Ну, изредка. Так... книжки мы читаем, вместе [смеется].
Вслух.

— Вслух, да? Какого типа?

— ...«Эммануэль» мы читали. А так — мы читаем обычно вслух «Как побить сексуальную скуку», допустим, пособия различные, такого содержания.

Эта пара обсуждала начало интимных отношений, предохранение, они вместе посетили врача, приняли решение об использовании гормональной контрацепции, которое устроило их обоих. Регистрацию брака и рождение ребенка они откладывают до окончания учебы и собираются предпринять меры по улучшению здоровья перед зачатием. В совместном быте у них нет гендерно маркированного разделения труда, Ирина говорит о совместности всех интересов и действий. Она не понимает, как партнер мог бы сделать что-то, не поставив ее в известность: «Я не представляю, как так, что мой муж не обсудил со мной даже покупку каких-то элементарных джинсов... это все у нас обсуждается в семье». Однако инициатором равноправия выступает

она, и иногда ей приходится преодолевать сопротивление партнера: *«Я приветствую равноправие. Ну, мне очень нравится, что я... я не считаю, что я должна быть беременная, босая, в кухне, он мне очень помогает»*. Заметим, что логика развития партнерских отношений предполагает, что мужчина ориентируется на участие в родах, однако в данном случае этого не происходит. Ирина сама не хочет присутствия мужа, опасаясь, что он потеряет к ней сексуальный интерес. Для нее роды остаются эксклюзивной женской практикой. Мы делаем вывод, что эгалитарные сценарии отношений не являются когерентными, хотя во многих историях присутствуют фрагменты партнерских отношений.

Приведем еще один пример. Молодой мужчина, Дмитрий (22 года), рассказывает о том, как со своей постоянной девушкой они экспериментировали в технике секса, обсуждали взаимные ощущения и предпочтения. При подозрении на беременность партнеры предприняли ряд совместных шагов: *«мы купили тест в аптеке», «мы решили, что не готовы еще иметь детей», «мы прошли курс лечения... и сделали аборт»*. Частную клинику нашел сам Дмитрий, а для оплаты аборта продал свою дорогую куртку. После этого, пережив разные трудности, они стали использовать более надежную контрацепцию, в том числе гормональную. После распада гражданского брака у Дмитрия бывают случайные партнерши, в отношениях с которыми он всегда пользуется презервативами. По его словам, к предохранению он относится серьезно: *«Я не буду рисковать и все равно одену презерватив»*. В его суждениях выражена установка на эгалитарные отношения. Дмитрий считает, что женщине необходим секс как удовольствие, в частности, если она развелась, то *«имеет право жить с другим мужчиной, получать кучу удовольствия»*.

Молодые мужчины говорят о значимости удовольствия для женщины. Информанты убеждены, что *«и мужчины, и женщины обязаны работать... над тем, чтобы оргазм был гораздо выше»* (Пётр, 20 лет). Пётр говорит также и о том, что считает себя обязанным помогать девушке в ситуации нежелательной беременности. Другой молодой человек, имея в виду женский оргазм, говорит: *«Надо бороться за качество... тем или иным способом, но этой кульминации добиться надо»* (Владимир, 26 лет).

Ориентация на партнерство присутствует в рассказах многих молодых женщин и мужчин 1980-х гг. рождения, которые существенно отличаются от поколения матерей и отцов. Тенденция к партнерству

в сексуальной сфере, отношение к сексуальной жизни как к совместному рефлексивному эгалитарному проекту свидетельствуют о том, что в сфере сексуальности происходят существенные изменения. Эти изменения отчасти обеспечены институциональной поддержкой — доступом к экспертным знаниям, насыщенным рынком контрацепции, медицинским обслуживанием. Они связаны также с повышением ценности экономической и профессиональной независимости для многих молодых женщин. Однако трудно сказать, обладают ли эти тенденции устойчивостью. Партнерские отношения являются достаточно хрупкими в гендерной культуре современной России. Росту активности и инициативности женщин противостоит дискурсивный поток, прославляющий традиционную поляризацию женственности и мужественности⁹ и советское наследие разделенных гендерных миров.

⁹ В результате гендерные «идеалы» включают как традиционные, так и эгалитарные качества. «Идеальный мужчина», в соответствии с описаниями в интервью, выполняет одновременно две функции — инструментальную и эмоциональную. Он зарабатывает деньги, обеспечивает безопасность и одновременно оказывает эмоциональную поддержку жене/партнерше, не предъявляя к ней тех требований, которым она не хочет или не может соответствовать. Женщине предоставляются широкие возможности выбора. Она может работать и быть активной в публичной жизни (при этом статус ее работы и доход ниже, чем у мужчины). Однако она может себе позволить не работать, т. е. ее занятость мотивирована ее потребностями и выбором, а не экономической необходимостью при наличии богатого мужа / партнера. Этот идеальный тип отношений предполагает, что компетенция в сексуальной жизни разделяется обоими партнерами, мужчина заботится о сексуальном благополучии женщины, он имеет соответствующие знания и намерения. Такой мужчина обладает большими ресурсами и более высоким экономическим статусом, чем его партнерша, его социальная позиция позволяет эффективно осуществлять материальную поддержку. Одновременно, как субъект сексуальных отношений, он активен, заинтересован и компетентен. В советские времена женщины описывали такого партнера как «редкий счастливый случай» и «необыкновенное везение» (Тёмкина, 2001, 2002). Сейчас отношения такого типа дискурсивно выступают идеалом для многих женщин, хотя в практической жизни они остаются достаточно редкими и фрагментированными.

Сексуальная жизнь как судьба и гендерная поляризация

Женщинам лучше об этом знать...
им же рожать.

Из интервью

Они [мужчины], сволочи, как бы,
думают только о себе.

Из интервью

Другая модель сексуальной жизни современной молодой женщины имеет гораздо большую преемственность по отношению к советскому периоду. Напомню некоторые особенности биографий поколения «матерей» наших информанток (женщин 40–50 лет, 1960-е гг. рождения) — поколения поведенческой сексуальной революции, которые были описаны нами в предыдущих исследованиях (Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2002а).

Во-первых, женщины этого поколения (так же, как и предшествующих) позиционируют себя в сексуальных отношениях как реципиенты. В нарративах они описывают себя как пассивных, не обладающих изначально сексуальным желанием, а лишь отвечающих на него. Многие из них испытывали сложности и дискомфорт в сексуальных отношениях. Ситуацию мог изменить только «счастливый случай» — опытный и заинтересованный возлюбленный, который обучает женщину, с помощью него она познает свое тело. Такая женщина не проявляла выраженной инициативы, сексуальные отношения в ее жизни либо складываются «сами собой», либо инициируются партнером.

Во-вторых, эти женщины не имели достаточных знаний и компетенции в сфере сексуальных отношений и не выстраивали специальной стратегии их обретения; знания приобретались спонтанно и ситуативно. Женщины часто пользовались недостаточно надежными народными средствами предохранения, модальный репродуктивный сценарий предполагал опыт абортов.

В-третьих, стратегия сексуального/репродуктивного поведения женщин старшего поколения чаще всего является спонтанной и «естественной». Цели не эксплицированы, способы достижения не являлись предметом рефлексии. Отношения складывались «сами собой», они не подлежали расчету, воспринимались как судьба или стечение

обстоятельств. Влюбленной романтической женщине претили рациональные расчеты в сексуальном поведении. В отношении контрацепции и заболеваний она часто полагалась либо на партнера, либо на «случай» и «судьбу», либо на «народные знания» и опыт подруг. Не были распространены практики превентивных проверок сексуального и репродуктивного здоровья, к врачу чаще всего обращались, когда уже наступила беременность или возникла проблема со здоровьем. Женщины часто испытывали трудности с оргазмом и имитировали его в сексуальных отношениях. Тема сексуального удовлетворения редко подлежала обсуждению между партнерами.

Такое позиционирование характерно и для женщин 1970-х гг. рождения, несмотря на то, что их формативные годы пришлось на период дискурсивной революции, когда получили распространение рыночные, гедонистические и коммуникативные сценарии сексуальности. Женщины либо оставались объектом сексуальной инициативы мужчин, либо их активная позиция в сфере сексуальности не имела достаточной легитимности. Гендерная идентичность «сексуально раскрепощенной» женщины находилась под угрозой как не соответствующая массовым общественным ожиданиям. Про себя одна из таких женщин говорила, что ее считают «феминисткой», «дрянной бабой», «дьяволом в женской юбке» (Здравомыслова, Тёмкина 2002б: 557). И в настоящее время не всегда и не везде сексуальная эмансипация женщин обладает легитимностью. В интервью некоторые молодые женщины, имеющие многочисленных партнеров и проявляющие активность, пытаются убедить слушателя в том, что они не являются «шлюхами» («я никакая там не шлюха» — Яна, 19 лет).

Сексуальная жизнь многих советских женщин может быть охарактеризована как «судьба», когда женщины мало что выбирают и от них немного зависит.¹⁰ Альтернатива нежелательной беременности сводилась к абортам, при этом в условиях патриархата и карательной медицины женщинам приходилось «дорого платить» за сексуальную свободу, не подкрепленную знаниями и доступными средствами пре-

¹⁰ Сходную интерпретацию предлагает Л. Мягкая при анализе автобиографических устных историй русскоязычных женщин Таджикистана старшего поколения. Автор показывает, что у многих пожилых женщин звучит «тема “судьбы” как их горькой доли, которую нельзя изменить, которая каким-то образом была предопределена им “свыше”» (Мягкая, 2005: 139).

дохранения (Здравомыслова, 2005). Женщины полагаются либо на мужчину, либо на природу, либо на поддержку социальных сетей (блатные врачи, опыт подруг и пр.). Во многом сходные ориентиры представлены и в биографиях некоторых молодых женщин и мужчин 1980-х гг. рождения. Женщинам не удается взять свою сексуальную жизнь под полный контроль. Поиск подходящей контрацепции не всегда приводит к результату, им не удается контролировать здоровье, не хватает знаний, планирование репродуктивных практик оценивается как неэффективное и бессмысленное. Ситуация осложняется и тем, что эмоциональную сферу и управление чувствами трудно взять под полный контроль, хотя эмоции и регулируются определенными правилами (Hochschild, 1983). Контроль над сферой чувств и сексуальности становится особенно значимым в связи с осмыслением новых рисков (СПИД, ЗППП, пр.) и с расширением рамок свободы и ответственности. В отличие от поколения матерей эти девушки не находятся в ситуации информационного дефицита и недостатка институциональной поддержки, однако их сексуальная жизнь во многом определяется внешними обстоятельствами. Такие траектории присутствуют во всех классах, и мы можем предположить, что различие в отношении к сексуальной жизни соответствует двум типам биографических нарративов. Сексуальная жизнь как проект вписывается в стратегически ориентированный, рациональный жизненный проект. Сексуальная жизнь как судьба — в жизнь, которая стратегически не планируется, а контроль над обстоятельствами имеет ситуационный характер.

С точки зрения некоторых молодых информантов, деторождение планировать бессмысленно: *«дети — это богово дело. И их не обманешь ни противозачаточными, ни презервативами»*.¹¹ Столь же бессмысленно контролировать здоровье: *«врач — это потеря»* (Анна, 26 лет). Секс не столько приносит удовольствие, сколько создает проблемы (сложности в предохранении и в коммуникации с партнером, отсутствие необходимой информации, нежелательные беременности, заболевания, неудовлетворенность сексуальными и личными отношениями и пр.).

Большие сложности вызывает предохранение от нежелательной беременности. В использовании контрацепции зачастую сохраняют-

¹¹ Здесь речь не идет о религиозных семьях, где отказ от предохранения является целенаправленным действием.

ся «народные» практики и предубеждения против современной гормональной контрацепции. Оральные (гормональные) контрацептивы пугают информанток вредом для здоровья, рисками для внешности (оволосение, прибавка в весе), невозможностью забеременеть в дальнейшем. Некоторые из молодых женщин прибегают к народным средствам — мылу, лимонной кислоте, аспирину, апельсиновым долькам и пр. Приведем пример подобного отношения:

Интуитивно, само собой. Вот. Тогда же я получила опыт этого предохранения, и в итоге просто, не было предохранения в принципе, это когда я засунула внутрь, по-моему, две таблетки аспирина и дольку апельсина, потом три дня не могла ходить, потому что слизистую пережгло напрочь просто (Анна, 26 лет).

Лимонная кислота, что-то там. Я не помню, но как бы щепотка просто разводится, и спринцевание. Либо можно заменить таблеткой аспирина, тоже, как бы, ее разболтать в водичке... нужно кислую, вот, щелочную среду, чтобы кислое такое (Валерия, 25 лет).

На фоне доступного многообразного знания о сексуальности сохраняется дефицит необходимой персонализированной информации. О поиске контрацепции и нехватке информации рассказывает молодая женщина:

Где-то в Интернете час, несколько часов, полдня точно просидела в Интернете, что смогла, то нашла, но там ужасно все написано. То есть я уже, там, я заволновалась, какой там период, какая там [овуляция], что это такое... Я постоянно ощущаю какой-то недостаток знаний, недостаток информации, то есть смешно, хотя не знаю, насколько это смешно... (Виктория, 24 года).

Нехватка информации, отсутствие подходящей контрацепции, как и в советское время, приводят к тому, что безопасность может быть обеспечена лишь при доверии к партнеру и наличии знаний о нем и о его образе жизни:

Но простите, это не совсем люди с улицы, и у тебя есть на каком-то достаточно простом уровне доверие такое, что ты понимаешь, что эти люди, они тоже не совсем беспорядочную половую жизнь ведут (Виктория, 24 года).

Контроль сексуального и репродуктивного здоровья сталкивается с недоверием к врачам, которые, с точки зрения пациентов, реализуя коммерческие интересы, ставят гипердиагнозы относительно генитальных инфекций. Информантки не всегда понимают, были ли у них заболевания и от чего их лечили. При такой позиции оправданным становится как отсутствие предохранения от ЗППП, так и бессмысленность их диагностики и лечения. В дискурсе циркулирует коллективный нарратив о недобросовестных врачах, обращение к которым лишено практического смысла. Истории, аналогичные цитируемой ниже, рассказывают и другие женщины.

Уроды — врачи, негодяи... существует вероятность того, что я, в принципе, ничем и не болела таким страшным. То есть никакими там заболеваниями, передающимися половым путем. А просто люди разводят на деньги, чтобы там дольше лечиться... Ну вот, хотя бы за ежедневное, ну, вот, как бы, за прием. Я же тоже плачу деньги, там, за анализы какие-то. То есть я понимаю, что все эти, там, хламидиоз, там, трихомонады очень сложно обнаружить их, поэтому нужно проводить несколько анализов. Но, там, я не знаю, когда три-четыре анализа делают — у тебя ничего нет, а вот на пятый раз — о! вот оно! Вы больны, любимая. Там все. То есть такие были тоже ситуации не очень приятные. Поэтому сейчас я не уверена, была ли я чем-либо больна или нет (Аня, 25 лет).

В условиях недоверия к экспертам и недостатка экспертной информации попытки найти и использовать эффективную контрацепцию не приводят к желаемому результату. В результате молодые люди либо полагаются на случай, либо ориентируются на *персонифицированное доверие* к знакомым людям (как к партнерам, так и к медикам), действия которых могут подлежать мониторингу и контролю. В результате ни предохранение от беременности, ни предохранение от ЗППП не могут быть гарантированы — всегда остается широкое пространство для случайности и действия внешних неподконтрольных обстоятельств. Аборты, случайные беременности и деторождение, вынужденные браки соединяют в себе наследие советского времени, недостаточность современной институциональной рефлексивности (в частности, недоверие к экспертным системам). Двадцатидвухлетняя Алёна замечает:

В России, на мой взгляд, вот в этом планировании все-таки присутствует какое-то идиллическое восприятие, идеализация и хаотичность. Нет логики в этом планировании. Потому что планирование в России, насколько я понимаю, оно отличается от непланирования только фразой: «Давай заведем ребенка» (Алёна, 22 года).

Планирование и организация родов также зачастую срываются из-за внешних обстоятельств, систематически возникают непредвиденные ситуации (например, роддом закрывается раньше срока, врач не выходит на работу, оплачивается один вид услуг, а востребованы оказываются другие, и пр.).

Получение удовольствия от сексуальных отношений является для женщин проблемой. Не всегда партнер является заинтересованным в качестве сексуальных отношений, хотя в большинстве случаев и мужчины, и женщины говорят о необходимости удовлетворения и взаимном удовольствии. Имитация оргазма продолжает оставаться распространенной женской практикой. Между женским и мужским миром существует также проблема «эмоционального обмена», когда и мужчины, и женщины устраниваются от эмоциональной поддержки и заботы друг о друге. Мужчины исключаются из эмоциональной работы как не соответствующей мужской роли, они не обладают достаточными навыками и компетенцией. Женщины отстраняются от эмоциональной поддержки партнера в процессе индивидуализации и субъективации (ср.: «похолодание отношений» и утрата навыков заботы в описании Арли Хохшильд — Hochschild, 2003). Информанты в своих рассказах описывают **поляризацию/сегрегацию гендерных миров** и систематически воспроизводимые сложности коммуникации между этими мирами.

У многих молодых мужчин (так же, как и у некоторых девушек) сексуальная жизнь на стадии формирования является спонтанной и ситуативной. Фатализм и отсутствие контроля над жизнью — характерные особенности многих мужских нарративов. «Свою интимную жизнь я пустил на самотек», — говорит Николай (24 года). Юноши проявляют меньшую социальную компетентность и информированность по сравнению с девушками данной возрастной группы. Приватная сфера для мужчин вторична по сравнению с публичной сферой, поэтому личная жизнь не рассматривается как предмет постоянного контроля и просчета, в ней допускается фатальность. Недостаток компетенции в интимных отношениях зачастую не проблематизиру-

ется. Некоторые мужчины затруднялись говорить о сексе с партнершей, знания о сексе кажутся им избыточными и навязчивыми (таких случаев не встречалось при интервьюировании женщин). В сексуальных биографиях молодых мужчин субъектность («я» — субъект желания и действия) сочетается с ориентацией на судьбу, обстоятельства, природу.

Репродуктивные и семейные планы молодых мужчин и девушек, ориентирующихся «на судьбу», имеют достаточно расплывчатый и генерализованный вид, сводясь к тому, что в будущем они хотели бы иметь постоянную подругу/друга, жениться, завести детей. Реальное сожительство складывается случайно: «*Мы приняли решение жить вместе, это было абсолютно случайно*» (Дмитрий, 22 года). Намерение «завести ребенка» также описывается как ситуативное. Оно связано со стечением обстоятельств или с внезапно вспыхнувшей страстью. И первое и второе плохо поддается контролю: «*Планирование — это хорошо. Но я считаю, что гораздо лучше, когда ребенок появляется в период горячей любви, в период страсти*» (Николай, 24 года). И в этом мужчины сходны в ориентирах с поколением позднесоветских отцов, а отчасти — и матерей. Однако в отличие от них к молодым мужчинам информация о сексуальной сфере «сама попадает в руки» (часто из порнопродукции), поэтому они не испытывают потребности в специальном поиске. Молодые мужчины редко следуют специальной стратегии предохранения (так же, как у их отцов, исключение составляет предохранение от заболеваний при контактах со случайными партнерами), не знают о различных видах контрацепции, часто избегают пользоваться презервативами, если не настаивает женщина. Превентивный контроль сексуального здоровья они осуществляют преимущественно по настоянию девушек. Молодые мужчины не всегда осведомлены о том, какими средствами предохранения пользуются их партнерши, делали ли они аборт, каковы их чувства и потребности, а также каковы их проблемы и интересы за пределами сексуальной сферы. Для рассказов о сексуальном опыте молодого мужчины характерно «(само)устранение» из многих сфер отношений.

Далее рассмотрим более подробно поляризацию гендерных миров в сфере сексуальности, связанную с «(само)устранением» мужчин из организации сексуально-интимных отношений, со сложностями женской субъективации и с проблемами коммуникации между партнерами. Подчеркнем еще раз, что эта конструкция является одной из

возможных в поведении молодых людей, находящихся в процессе самоопределения сексуально/маритального статуса и социального статуса в целом. Гендерная поляризация особенно заметна в нестабильных или конфликтных отношениях; в стабильных отношениях ее зоны сужаются, а границы между мирами становятся предметом переговоров и изменений. В таком случае, например, контрацепция является предметом согласования, а деторождение остается «делом женщины», в котором мужчина не принимает прямого участия.

Гендерная поляризация (сегрегация) в рассказах молодых людей выражена следующим образом. Различия в ожиданиях и предписаниях мужчинам и женщинам в сфере сексуальных отношений, особенно в сфере репродукции и здоровья, касаются сексуальных потребностей, использования контрацепции, предохранения и лечения от ЗППП, отношения к абортам, планированию деторождения и принятию решения в случае беременности. Гендерные миры разделены границами ролей и предписаний по признаку пола, которые воспроизводят гендерное неравенство. Отстранение мужчин от интимной сферы может приводить к женским депривациям, в результате чего женщины чувствуют себя жертвами обстоятельств и действий мужчин. Мужчины при этом остаются мало компетентными в области репродукции и здоровья и полагают, что могут стать объектом обмана или манипуляции со стороны женщин.

В сфере сексуальных отношений признается, что сексуальные потребности мужчины и женщины различаются, при приоритете мужских и допустимости мужского промискуитета. Более выраженными сексуальными потребностями, с точки зрения информантов обоего пола, обладает именно мужчина. Такая интерпретация предполагает развитие женской стратегии, направленной на удовлетворение мужских потребностей:

Я вообще считаю, что мужчине в сексе отказывать нельзя. Никогда. Э... потому что мужчине это нужно больше, чем женщине... [женщина] больше все-таки эмоции выносит из секса... мужчине необходима именно конкретная физическая разрядка (Анна, 26 лет).

Мужчины выстраивают систему историко-социальных, натурализованных объяснений гендерных различий в сексуальных потребностях и, как их следствие, — различий в интерпретации супружеской неверности. Рассуждает двадцатипятилетний мужчина:

Можешь меня как угодно называть: шовинистом, кем угодно, но скорее — нет, чем — да, и все-таки я объясню, почему, с моей точки зрения, это так... Так сложилось, наверно, в человеческом обществе, что женщина — это... хранительница очага... вокруг нее в большей степени семья и сосредоточена. Мужчина... бегаёт мамонта убивать, а именно женщина поддерживает огонь в очаге, проводит больше времени с потомством... Мужская особь природой и запрограммирована на то, чтобы свои гены распространять как можно шире, и ничего с этим по большому счету не поделаешь... Если рассуждать о природе неверности, скажем супружеской со стороны мужа и со стороны жены, то мы говорим все-таки о разных явлениях. Если имеет место неверность со стороны мужа, то здесь он попросту в какой-то мере находится в плену у своей природы охотника... Когда муж где-то на стороне гуляет, то он все равно возвращается к жене. В большинстве случаев неверные мужья, они своих жен так или иначе все равно любят, и они к ним возвращаются и чаще стараются сохранить отношения, но, конечно бывают разные случаи (Владимир, 26 лет).

Заметим, что Владимир не хочет выглядеть откровенным сексистом, поэтому ему нужна аргументация, которая призвана показать естественность и неизбежность гендерной поляризации. Таковую аргументацию принимают и женщины. Наташа пересказывает убедительные для нее объяснения мужа, оправдывающего свою измену: *«Я же мужчина, я ничего к ней, ну в общем, ничего не испытываю. Я тебя люблю»* (Наташа, 22 года).

Сексуальные потребности мужчины признаются первичными, потребности женщины — не настолько выраженными и значимыми для нее. Сексуальное удовлетворение женщины, хотя и считается важным, достигается не всегда. Иногда мужчины не интересуются этим, иногда женщины имитируют оргазм. Они не хотят «портить отношения», «обижать партнера». Отсутствие оргазма женщина оценивает как «свою проблему»:

Я ему внушила, что я получаю удовольствие от него. Я внушила, что вот каждый раз... и он уже настолько старается... но я не могу. Может быть, я не могу расслабиться до конца? Может, я сама там делаю что-то, а, может быть, надо расслабиться. Я не могу еще пока (Яна, 19 лет).

С точки зрения мужчины, имитация оргазма — это проблема женщины и ее сознательный выбор.

— *А может такое быть, что они имитируют?*

— *Имитируют? Абсолютно может быть, но это уже не моя проблема... если им так нравится или если они хотят (Пётр, 20 лет).*

Пётр считает, что девушки имитируют оргазм, если им что-то не нравится, или они хотят сократить продолжительность полового акта. Они также могут ориентироваться на удовлетворение самолюбия партнера и поэтому «играют». Подобное поведение не является «проблемой» мужчины. Это «проблема женщины». Хотя многие мужчины признают значимость оргазма у партнерш, существующие сложности переговорного процесса по поводу сексуальных отношений препятствуют достижению женщинами сексуального удовлетворения. По сравнению с предшествующими поколениями, для которых также характерны подобные практики, современная ситуация отличается резким возрастанием дискурсивной и практической ценности сексуальной жизни и связанных с ней удовольствий, соответствующим возрастанием ценности оргазмического удовольствия для женщин, а также нежеланием все большего числа женщин мириться с его отсутствием.

Использование контрацепции также описывается многими как «женское дело», поскольку считается, что именно женщина заинтересована в предохранении от нежелательной беременности. Она должна отвечать за обеспечение пары контрацептивными средствами и в случае использования презервативов:

Когда... мы предохранялись вот этими таблетками, то их покупала я... для меня вот это было не в напряг. Потому что... это же женские контрацептивы. Значит, ну, я могу их купить. А когда потом, ну, во-первых, там какие-то не подходили, потому что они там неприятные ощущения вызывали... могли вызвать вот молочницу... От них пришлось отказаться. Ну, нужно было покупать там презервативы. И обязанность покупать их повесили на меня... То есть я взяла первые, какие там были в аптеке... А потом, когда я их принесла, мне сказали: ой, классические, а надо было купить там, я не знаю, какие-то, ну, там элитные или там комфорт... И потом никак я не могла с себя вот эту

обязанность, как бы, стихнуть, потому что мне постоянно тыкали: вот я же там, я же тебя там кормлю, а вот почему ты не можешь их купить (Аня, 25 лет).

Аня берет на себя ответственность за предохранение, поскольку ее партнер не проявляет в этом заинтересованности. Он считает, что о контрацепции должна заботиться женщина, поскольку именно она является потенциальной матерью. Данной проблеме посвящен большой фрагмент интервью, показывающий, что Аня не удовлетворена таким распределением обязанностей и испытывает из-за этого фрустрацию. Другая информантка не ставит под сомнение выполнение таких обязанностей. Она полагает, что женщина должна заботиться о контрацепции, поскольку мужчина не всегда может себя контролировать в сексе, а беременность, в конечном счете — «это ее проблемы»:

Я считаю, что мужчины больше отдаются в сексе, чем женщина, всегда. Женщина может себя контролировать... в конце концов, это [контрацепция] твои в первую очередь проблемы. Даже в браке. Это твои проблемы, и ты должна, как бы, в первую очередь об этом заботиться (Юля, 20 лет).

Такую позицию разделяют и многие мужчины. Женщины обретают знания и навыки в области контрацептивного поведения, однако часто они не могут согласовать его с партнером, продолжая ожидать от него инициативы в том, в чем он не является компетентным и не хочет быть инициатором.

Принятие решения о деторождении, с точки зрения многих информанток и информантов, — это также в конечном счете «дело женщины». Приведем пример. Девятнадцатилетний Николай считает женщин более компетентными и заинтересованными в этом вопросе; со своей подругой он не обсуждает возможное рождение ребенка. От мужчины компетентности не требуется, поскольку «им же [женщинам] рожать». Он полагает, что решение родить ребенка его постоянная партнерша примет самостоятельно. Он не считает себя вправе что-то советовать ей, и в любом случае оставляет последнее слово за женщиной. На этом примере видно, насколько тонкая грань разделяет отношение мужчины, не считающего себя вправе оказывать давление на женщину, и его отчуждение/отстранение от мира «женских проблем», в котором совсем молодой мужчина не хочет или не может

принимать участие из-за недостатка компетенции. (Возможно, этот молодой человек пока не мыслит себя потенциальным отцом, в будущем его позиция может быть переопределена и он будет говорить о том, что женщина должна советоваться с ним.)

Аналогичную позицию по поводу использования контрацепции высказывает другой молодой мужчина. Женщина, с его точки зрения, должна сама принимать решение.

Я не стану же навязывать что-то, потому что мне в голову вот так вот взбрело... что таблетки это круто, нет, просто она же в любом случае свой организм знает лучше, чем ее знакомый... У каждого организма могут быть свои особенности, кому-то больше подходит один способ, кому-то другой (Вова, 26 лет).

Мужчина не хочет оказывать давление на женщину, но, как следует из дальнейшего рассказа, он не предполагает переговоров и участия в принятии совместного решения. С точки зрения многих женщин и мужчин, существуют сферы, которые являются эксклюзивно женскими (и эксклюзивно мужскими). Наиболее четко такая позиция выражена по поводу родов и возможного участия в них отца ребенка. Наши информантки комментируют:

Во-первых, мужчины очень стрессонеустойчивые... Во-вторых, есть моменты, которые все-таки... таинство; мужчина не должен об этом знать (Анна, 26 лет).

У многих мужчин потом пропадает сексуальное желание к женщине, после того как они наблюдают жену в родах (Ирина, 20 лет).

Мужчины в этом случае не рассматриваются как желаемые участники «женского мира» и осуществления «женского таинства». Пересечение границы гендерных миров, вхождение мужчины в «женский мир» чревато утратой мужественности, т. е. психофизических сил и потенции. Другой вариант — женщина хочет, чтобы муж присутствовал при родах, оценил ее «испытание», однако мужчина наотрез отказывается принять в них участие. В результате он не может информированно оценить значимость «женской работы»:

- *А муж хотел присутствовать при родах?*
- *Нет, нет. Я очень хотела, чтобы он присутствовал.*

— Он сказал «нет»...

— Нет. Он сказал «извините» [смеется]. «Такое счастье мне не надо». Я очень хотела... «Видел бы ты это, испытал бы ты это, что я испытала!» (Юля, 20 лет).

Проблемы коммуникации и разделение миров прослеживаются и в рассказах о заболеваниях, передающихся половым путем, и их лечении, когда партнеры не вполне информированы, какое лечение назначено другому, как оно осуществляется и какие приносит результаты. Молодая женщина, которая крайне недоверчиво относится к врачам и подозревает их в гипердиагностике (цитата приведена выше), рассказывает о лечении своего партнера:

Я не знаю, куда он ходил, к кому обращался... Было очень обидно, когда я приходила в больницу, а там люди, девочки приходили со своими мальчиками, они их там ждали или еще чего-то. У меня даже в мыслях не было такого, чтобы его позвать с собой. Потому что я знала его реакцию на это, он бы со мной не пошел однозначно (Аня, 25 лет).

Разделение женского и мужского миров в сфере сексуального и репродуктивного поведения поддерживается и женщинами, и мужчинами. Конечно, это не абсолютное правило, но, на наш взгляд, все еще доминирующее. В рассказах встречаются ситуации, когда женщины проявляют инициативу по вовлечению мужчин в мир «женских проблем», но они не достигают результата (примеры, когда муж отказывается принимать участие в родах или когда женщина не получает от партнера эмоциональной поддержки при аборте) и вынуждены сами заботиться о себе (пример, когда использование контрацепции является исключительно женской ответственностью). Из этого часто следуют нарушения коммуникации и конфликты. В результате более «эффективной» оказывается стратегия автономизации миров, которая позволяет женщинам иметь свой мир, сохранять в нем компетентность и авторитет. Однако разделение миров и ролей по признаку пола может приводить к недоверию с обеих сторон, когда и женщины, и мужчины чувствуют себя исключенными.

Коммуникация между жестко разделенными «женским» и «мужским» мирами при возрастании активности женщин может вызывать проблемы и конфликты, которые описываются в терминах безразли-

чия к потребностям и использованию друг друга.¹² Женщины не удовлетворены сексуальной жизнью, которой они не могут управлять на равных и которая зависит от обстоятельств или от мужчины. Однако в традиционалистской гендерной культуре у них часто не хватает ресурсов для изменения ситуации. В радикальном варианте сексуальные партнеры дискурсивно репрезентируются как сексуальные эксплуататоры и манипуляторы; при этом информанты используют обценную лексику.

Они [мужчины], сволочи, как бы, думают только о себе. Практически. Половина из них (Валерия, 25 лет).

И в любом случае мне поднимается вот этот вопрос. Что вот женщины — они потребляют мужчин. И вообще ты со мной встречалась, чтобы только потреблять и ничего больше, и все. И короче, я, там, последняя сволочь и последняя сука, потому что не могла принести ему пачку котлет и вообще на нем сэкономила (Аня, 25 лет).

Мужчине не только приписываются естественные сексуальные потребности, которые должна удовлетворять женщина (ему «нельзя отказывать в сексе»). От него ожидается выполнение традиционной инструментальной роли — добытчика, кормильца. Женщина, соответственно должна выполнять функции обслуживания (в том числе сексуального) и заботы. Такие ориентиры являются престижными среди определенных слоев молодежи (и не только молодежи). Наша информантка замечает:

¹² Один из агрессивных вариантов гендерного конфликта — оскорбление женщины, принуждение и насилие. В этом случае предполагается, что женщина должна удовлетворить сексуальные потребности мужчины абсолютно без всякого желания со своей стороны. Если она не согласна, ее могут принудить к сексуальным действиям против ее воли. Рассказывает молодая женщина: «Один из сотрудников, он стал ко мне приставать, причем было очень страшно, потому что, ну, во-первых, он меня обзывал. Ну, считай, девушке, когда ее называют: давай жирная, давай толстая, делай, чего ты выделяешься... Я, конечно, понимаю, что там было несколько девушек, которые, ну, реально там ни капли жира, очень тоненькие, стройненькие, все, я по сравнению была пухленькая, но это не повод, чтоб меня так обзывать... Он хотел, чтобы я ему минет сделала, вот. Силой, то есть силой реально заставлял меня что-то делать, пытался, меня просто охранник оттуда вытащил» (Лина, 23 года).

Мне известны девушки, которые начиная с восемнадцати лет инвестируют только в свою внешность с целью удачно выйти замуж, и, в общем-то, то есть это вот программа-максимум для нее, и соответственно после выполнения которой она может ни о чем не думать, не заботиться и сидеть дома и вышивать крестиком (Алёна, 22 года).

Иными словами, девушки могут сознательно выбирать «традиционную судьбу» и относиться к ней как к жизненному проекту, который требует инвестирования и определенных ресурсов. Однако осуществление подобных намерений в конкретных случаях вызывает у современных молодых женщин затруднения и проблемы. *«Он немножко убил во мне личность, — говорит двадцатилетняя Юлия, — на самом деле. Мою, вот. Я, может быть, с одной стороны, я жалею об этом, но, с другой стороны, я благодарна, что он поставил меня за плиту, сделал, как бы... он».* Женщины в этом случае ориентируются на жесткое разделение семейных ролей по признаку пола:

Источник дохода — муж. Для этого есть мужчина... Женщина в первую очередь должна очаг делать, и семью создавать, и растить детей... у меня вот ребенок [будет] и семья — это на первом плане, а работа... либо это нравится, либо это, может быть, из-за денег... Карьера, если она получится не в ущерб семье, я буду очень рада. Но пожертвовать карьерой ради ребенка я готова (Наташа, 22 года).

Итак, два гендерных мира в сфере сексуальности сопряжены с традиционными предписаниями для мужчин и женщин. От мужчины ожидается экономическая поддержка, в обмен на которую он получает от женщины сексуальное и иное обслуживание. Однако такая система традиционного гендерного разделения, которая в определенных обстоятельствах может устраивать представителей обоих полов, уже во многом сломана. Ее правила перестали быть безусловными, а поломки приводят к тому, что гендерные границы становятся договорными и подвижными.

Заключение

Подведем итоги. *Гендерный этап* сексуальной революции в России может быть охарактеризован следующим образом. Постсоветское поколение городских женщин проявляет в сексуальной сфере активность, рациональность, компетентность, ответственность и ориентируется на практики сексуального удовольствия. Сексуальная жизнь этих женщин выстраивается как проект, в отличие от поколения матерей, сексуальная биография которых во многом определялась судьбой и обстоятельствами. Данный проект ориентирован на партнерство. Это аргумент в пользу эгалитарных гендерных изменений. Однако и в этом поколении во многом сохраняются советские практики подчиненной сексуальности женщин, а их рациональное поведение сталкивается с барьерами, которые достаточно сложно преодолеть: женщинам не хватает знаний, они не доверяют врачам-гинекологам, не используют подходящую им контрацепцию; планирование сексуальной жизни и репродуктивных практик срывается из-за внешних обстоятельств, и пр. Сохраняется традиционализм и мужчин, и женщин, воспроизводится гендерная поляризация, а сексуальная жизнь оценивается как зависящая от судьбы и обстоятельств. В таких условиях практики безопасного секса и ответственного отношения к деторождению становятся проблемными. Поляризация воплощается в разделении гендерных миров, когда от мужчины ожидается функция кормильца, а от женщины — сексуальное и иное обслуживание. Гендерная сегрегация/поляризация поддерживается традиционалистскими дискурсами и практиками, институциональным обеспечением «работающей матери» и игнорированием мужской роли в приватной сфере (в том числе отцовства). Пример такой противоречивой гендерной идеологии представлен в ежегодном послании Президента Федеральному Собранию 2006 г., в котором определены приоритеты государственной демографической политики, направленные преимущественно на поддержку женщины-матери и лишь отчасти — молодых семей (Путин, 2006). Данная политика релевантна растущей независимости и активности молодых женщин, однако она не обеспечивает поддержку равноправного партнерства, а скорее будет и далее способствовать воспроизводству гендерных границ, отчуждению отцов от приватной сферы и росту этакратического (государственно-ориентированного) традиционализма в приватной сфере. Учитывая крайнюю непоследовательность в отношении сексуального образования в современной

России, следует отметить, что институциональная рефлексивность остается недостаточной для сознательного планирования деторождения и ответственного родительства. На фоне снижения возраста вступления в сексуальные отношения, распространения СПИДа и ЗППП усиливается лицемерие общества и государства, ограничивающих сексуальное образование как способствующее «моральному разложению», не замечающих нехватку знаний и безответственного отношения молодых мужчин и женщин к сексуальной жизни, интерпретирующих ее как свою неизбежную «судьбу».

Литература

- Ангелова Е. (2005). *Участие отца в репродуктивном процессе: новые практики и институциональное обеспечение*. Магистерская диссертация. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Анурин В. (2000). Сексуальная революция: двойной стандарт, *Социс*, № 9, с. 88–95.
- Анурин В. (2004). Сексуальная революция на марше (предисловие переводчика), в кн.: А. Гидденс, *Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер, с. 7–28.
- Бараулина Т. (2002). Моральное материнство и воспроизводство женского опыта в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 366–405.
- Бек У. (2000). *Общество риска: На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Бежен А. (1997). Рационализация и демократизация сексуальности, в кн.: С. Голод, науч. ред., *Социология сексуальности: Антология*. СПб.: Фиалиал Института социологии РАН.
- Гарфинкель Г. (2007). *Исследования по этнометодологии*. СПб.: Питер.
- Голод С. (1996). *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. СПб.: Алетейя.
- Гидденс А. (2004). *Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер.
- Здравомыслова Е. (2005). Гендерное гражданство в Советской России: практики аборт, в кн.: И. Григорьева, Н. Килдал, С. Кюнле, В. Минина, ред., *Развитие государства благосостояния в странах Северной Европы и России: Сравнительная перспектива*. СПб.: Скифия-Принт, с. 179–196.
- Здравомыслова О. (2003). *Семья и общество: Гендерное измерение российской трансформации*. М.: Едиториал УРСС.

- Здравомыслова Е., Тёмкина А., ред. (2002а). *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2002б). Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 549–558.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2007). От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, *Российский гендерный порядок: Социологический подход*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, с. 213–226.
- Кон И. (1997). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. М.: ОГИ.
- Кон И. (2002). Человеческие сексуальности на рубеже XXI в., в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 24–26.
- Кон И. (2005). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс.
- Мягкая Л. (2005). Феномен судьбы в женском представлении, в кн.: Э. Шишкарёва, отв. ред., *Женская устная история: Гендерные исследования*. Ч. 2. Бишкек: ОФ «Центр издательского развития», с. 128–189.
- Никонов А. (2005). *Конец феминизма: Чем женщина отличается от человека*. М.: Изд-во НИЦ ЭНАС.
- Путин В. (2006). *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации* [электронный ресурс]. М.: Президент России, официальный сайт, 10.05.2006. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>, свободный.
- Тёмкина А. (2001). К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность, в кн.: О. Хархордин, ред., *Мишель Фуко и Россия: Сборник статей*. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, с. 316–347.
- Тёмкина А. (2002). Сценарии сексуальности и гендерные различия, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 247–286.
- Naavio-Mannila E., Rotkirch A. (2005). *Sexual Patterns and Social Stratification Among Young Men in Petersburg and Finland*. Paper presented at the 7th conference of the European Sociological Association, working group Sexualities, Turun, 9–11.09.2005.
- Hochschild A. (1983). *The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

- Hochschild A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Giddens A. (1991). The Trajectory of Self, in: A. Giddens. *Modernity and Self-Identity*. Polity Press.
- Rotkirch A. (2000). *The Man Question: Loves and Lives in Late Twentieth Century Russia*. Helsinki: University of Helsinki.
- Rotkirch A., Haavio-Mannila E. (2000). Gender Liberalisation and Polarisation: Comparing sexuality in St. Petersburg, Finland and Sweden, *Idäntutkimus – The Finnish Review of East European Studies*, N 3–4, p. 4–25.
- Zdravomyslova E. (2001). Hypocritical Sexuality of the Late Soviet Period: Sexual Knowledge and Sexual Ignorance, in: S. Webber, I. Liikanen, eds., *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries*. Palgrave, p. 151–167.

Елена Здравомыслова

НЯНИ: КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ЗАБОТЫ¹

Посмотрите на буржуазное общество! В каком классе мы находим самых здоровых цветущих детей? В классе обеспеченном, но ни в коем случае не среди бедноты. Чем это вызвано? Тем, что буржуазные матери целиком отдавали себя воспитанию детей? Ничего подобного! Буржуазные маменьки очень охотно перекладывали уход за детьми на наемную трудовую силу: нянек, мамок, гувернанток. Только в необеспеченных семьях матери несут на себе все бремя материнства, но тогда обычно дети запускались и их воспитывал случай, улица.

Александра Коллонтай. Революция быта

Перемены в гендерном порядке включают прежде всего иерархизацию и коммерциализацию заботы. Выстраиваются границы между бесплатным и оплачиваемым домашним трудом. Забота стратифицируется: в домохозяйствах среднего и высшего класса значительная часть домашней работы обеспечивается наемным трудом. Спрос на услуги по уходу за домашним пространством и его обитателями предполагает развитие женского сегмента неформального рынка занятости. В данной статье анализируются правила, по которым воспроизводится неформальный сегмент гендерно маркированного рынка домашнего труда по уходу за ребенком.

В теоретическом плане нас интересует изменение гендерного порядка в современном российском обществе. Формирование новых моделей организации частной жизни — неотъемлемая часть гендерного

¹ Статья написана на основании данных проекта «Новый быт» (2004—2005 годы, финансовая поддержка Финской АН). Многие идеи данной статьи обсуждались на проектных семинарах в ЕУСПб и в Хельсинки, за что я благодарю всех участников. Я особенно признательна Тане Барчуновой, Тамар Раппопорт, Ане Роткирх, Ане Тёмкиной и Нонне Шахназарян за комментарии и обсуждение. Ранняя версия этого текста опубликована в: П. Романов, Е. Ярская-Смирнова, ред., *Социальная политика в современной России: реформы и повседневность*. М.: ООО «Вариант», 2007, с. 320—348.

порядка. Строительство нового быта рассматривается в данном эмпирическом исследовании на примере организации семейной жизни представителей среднего класса. Информантами являются в подавляющем большинстве женщины, потому что до сих пор в российском обществе воспроизводится гендерное разделение ролей, при котором женщины признаются экспертами в сфере быта. В данной статье мы остановимся только на одном сегменте этого диверсифицированного слоя, а именно на образованных работающих матерях, нуждающихся в оплачиваемых услугах нянь.² Основная тема — организация домашнего оплачиваемого труда нянь. Ключевой вопрос: на каких условиях воспроизводится неформальный контракт и почему в нем заинтересованы как работодатели, так и наемные работницы? Ответ на этот вопрос поможет понять, каким образом коммерциализация заботы сказывается на гендерном порядке.

Материалы исследования — глубинные биографические интервью с нянями (11) и нанимательницами (41), проведенные с жительницами Петербурга. Выборка — целевая, теоретическая. Способы поиска информантов — метод снежного кома, контакты на интернет-форумах. Среди нанимательниц были выделены группы, соответствующие трем разным типам семейной организации: одинокие матери с детьми, матери в полной нуклеарной семье, семейные женщины — домашние работницы. Все нанимательницы (исключение составляет один мужчина) — представительницы среднего класса: высшее образование (иногда два, плюс дополнительные профессиональные курсы), уровень доходов более 300 долларов на человека в домохозяйстве с ребенком, занятость в частном секторе экономики на позиции квалифицированного труда. Возраст от 28 до 40 лет (2 исключения); число детей 1–2, возраст детей до 13 лет. В работе используются материалы радиопередачи «Мамочки-мамаши» (радиостанция «Эхо Москвы», эфир 12.03.2006).

Развитие капитализма в России приводит к изменениям гендерных отношений, основных параметров гендерного контракта. Основной вопрос гендерного контракта — это вопрос о том, кто отвечает за

² Заметим, что контракт домашней хозяйки также предполагает использование наемного домашнего труда, но в данном случае мы оставляем этот вариант социальной организации семейного быта за пределами анализа, хотя интервью с домохозяйками использованы и при реконструкции отношений с нянями.

организацию быта (Crompton, 1999; Роткирх, Тёмкина, 2002). В современной России наблюдается устойчивый рост рынка социальных услуг, хотя спрос в этой сфере еще не удовлетворяется предложением (см.: Малева, 2003). Если советский гендерный контракт опирался на систему государственных учреждений, помощь старшего поколения родственников и социальные сети членов семьи, то в настоящее время все большее распространение получает оплачиваемый домашний труд. Он включает в себя различные виды занятости; основные из них: забота о чистоте и уюте домашнего пространства (о вещах) и забота о детях и других домочадцах. Мы остановимся здесь только на работе нянь. Коммерциализации заботы о вещах — труду домашних работниц — посвящена в этом сборнике статья Ольги Ткач.

Няни — это наемные домашние работницы, осуществляющие заботу о детях на постоянной основе (в отличие от бебиситтеров). Возраст детей варьируется от грудного до среднего школьного (иногда старше), количество детей — от одного до двух. Рынок нянь диверсифицирован. Значительная его часть погружена в сферу неформальной экономики. До сих пор не существует надежных данных, позволяющих оценить рынок нянь. Журнал «Русский Newsweek» оценивает число московских агентств по подбору домашнего персонала (включающего разнообразные услуги) в две сотни (Черненко, 2007). В отношении Петербурга мы можем предполагать близкую цифру. Отмечается рост спроса на эти услуги. В официальных источниках Госкомстата есть одна строка о «предоставлении услуг по ведению домашнего хозяйства». До 2005 г. там всегда стояло 0,0% от всех экономически активных, в 2005 г. появилась цифра 0,1% — доля от числа занятых женщин. Всего экономически активных женщин зарегистрировано около 34 миллионов. Это означает, что такими услугами занято, если доверять статистике, 30—40 тысяч женщин и гораздо меньше мужчин. Данные исследования «Репродуктивное здоровье и фертильность — сравнительный анализ», проведенного РЕФЕР-группой,³ позволяют предположить, что к поискам нянь обращалось 20% матерей, имеющих детей в возрасте до 15 лет. Это нижняя граница. При этом наибольший спрос на услуги нянь предъявляют женщины в возрасте 25—34 года, которые находятся в фазе жизненного цикла, соответствующую

³ РЕФЕР-группа — ассоциация исследователей, ведущих проект «Репродуктивное здоровье и фертильность — сравнительный анализ» Академии наук Финляндии (в рамках проекта «Россия в состоянии изменений»).

щей модальным показателям сочетания занятости и наличия детей дошкольного возраста. В этой возрастной группе около 30% женщин пользовались услугами нянь. Большинство из них в поисках информации о нянях обращались к друзьям и знакомым. К услугам агентств обращалось 0,9% опрошенных (Кессели и др., 2005: 73).

В условиях недостатка социализма, т. е. государственной помощи семье и женщине, эмансипация женщин среднего класса от домашних обязанностей осуществляется благодаря рынку домашнего персонала. Для российского гендерного порядка это явление имеет серьезные последствия. Во-первых, общество сталкивается с эффектами коммерциализации заботы и социальной стратификации среди женщин. Во-вторых, неформальный рынок домашних услуг воспроизводит традиционные гендерные разделения. Трансформация гендерного порядка, в свою очередь, предполагает укрепление неформального рынка занятости.

Гендерный контракт неразрывно связан с социальной политикой. Более того, социальная политика определяет *гегемонный* гендерный контракт. Советский гендерный контракт «работающая мать» предполагал институциональную поддержку предписанной государством и обществом женской роли. Среди институтов, обеспечивающих такую поддержку, были государственные детские учреждения (ясли, детские сады, организация продленного дня в школах, клубы и дома пионеров и школьников, детские, в т. ч. и пионерские, лагеря отдыха). По возможности родители прибегали к помощи родственников старшего поколения, которые, как и положено членам расширенной семьи, вносили свой вклад в воспитание ребенка. При этом воспроизводилась гендерная типизация заботы.

Существенный вклад в заботу о ребенке вносила бабушка — именно в заботе о внуках заключается ее основная функция, что видно из самого наименования статуса. В России с введения пенсии по возрасту в 1956 г. и до сих пор законодательно утверждены различия между полами в пенсионном возрасте. Пенсионный возраст женщин (55 лет в большинстве профессий) на 5 лет ниже мужского. Кроме того, женщины более ревностно относятся к возрастным семейным ролям, принимая их как часть своей идентичности (см., например: Семёнова, 1996). Дружеские и соседские сети также были задействованы в воспитании детей. Это, как показывают эмпирические исследования, как правило, женские матрифокальные сети, которые подерживают гендерные различия в обществе.

В привилегированных социальных слоях практиковалось использование наемного домашнего труда — в основном по уходу за ребенком и по ведению хозяйства (приходящие или живущие в семьях няни и домработницы, часто родственницы, приезжавшие из деревни, или другие категории мигрантов — ссыльные, не имевшие возможности найти другую работу).

Как замечает одна из информанток: *«Были еще “политические” няни, из репрессированных семей в статусе приживалок, как рассказывала моя бабушка»* (ж., 34 года, замужем, дочь 5 лет).

Тем не менее по ряду причин экономического и идеологического характера в советское время институт оплачиваемого домашнего труда был развит фрагментарно и не имел общего распространения. Рынок нянь был исключительно тeneвым. Труд няни использовался и в советском обществе. Однако, по словам одной из наших информанток, которая сама многие годы подрабатывала няней, совмещая эту работу со статусом научного сотрудника:

...няни при советской власти и няни сейчас — это два разных статуса. При советской власти няни — традиционные все Арины Родионовны. Все деревенские. Все жили в доме и были членами семьи. Были и маленькие, и старенькие, но до того, как устраивался их быт, — жили в семьях (ж., 56 лет, не замужем).

Описанная выше модель гендерного контракта была частью повседневного опыта советских граждан и кристаллизовалась как поколенческая память — тот смысловой горизонт, который создает рамку понимания происходящих перемен, обеспечивает сравнительную перспективу. Вспоминая о том, кто ухаживал за ними в детстве, кроме родителей, наши информантки называют: бабушек и дедушек, изредка старших сестер, почти всегда упоминают детские сады и ясли, иногда вспоминаются няни. Такую организацию заботы подтверждают данные проекта «Репродуктивное здоровье и фертильность — сравнительный анализ» Академии наук Финляндии (в рамках проекта «Россия в состоянии изменений»). Эти данные показывают, что уход за ребенком осуществляется тремя основными субъектами (приводятся в порядке частоты упоминания респондентами): матерями (37,8%), прямыми родственниками старшего поколения (35,1), в государственном детском саду (57,0). Отец назван на четвертом месте после упомянутых выше структур (7,3%) (Кессели и др., 2005: 73).

Ретроспективный культурный горизонт сравнения: где вы, бабушки и ясли?

Сегодня, описывая свою семейную жизнь, молодые женщины постоянно противопоставляют свой собственный детский опыт и контекст воспитания своих детей. В их воспоминаниях сочетаются ностальгические ноты — в основном при обращении к памяти о безоблачных отношениях с бабушками и дедушками — и реалистическая оценка новых перспектив в уходе за детьми. Эти противопоставления настоящего и прошлого свидетельствуют о существенном изменении гендерного контракта в постсоветском обществе. Мы имеем в виду не столько резкую смену институтов, поддерживающих совмещение занятости и родительства (ведь детские сады работают до сих пор, и сеть коммерческих профильных дошкольных воспитательных учреждений развивается), сколько изменение значимости и переустройство каждого из институтов, изменение правил игры, по которым строятся практики организации быта и ухода за детьми.

Двадцатипятилетняя женщина вспоминает о своем детстве:

Нет, няни не было. У меня были мама, папа, садик с года, ясельки. В то время садик нормально посещали, в семь вечера родители забирала. ...И все. Ну, конечно, там, в магазин если надо было, то бабушки. В выходной день тоже у бабушки. Летом были лагеря... Конечно, не было как-то раньше таких проблем ни у кого. Раньше жизнь другая была, чем теперь. Не было такой работы, чтобы до ночи, допоздна. Четкий график — в шесть, семь часов все дома, спокойненько сидят [смеется] (ж., 25 лет, замужем, сын 4 года).

Ее описание дополняет женщина, имеющая опыт проживания в коммунальной квартире:

...я ходила в... большое количество детских садов разных. Потом я пошла в школу. Летом меня, как правило, сдавали бабушкам. А так, ну, в основном, родители сами меня забирала. Ну, и соседи по коммунальной квартире еще так... довольно активно так участвовали в моем воспитании, вот, в какие-то самые такие первые годы школы. Ну, там, забрать из музыкальной школы, там, где-то подождать у бассейна, встретить, там, накормить супом дома. Ну, то есть, такие маленькые перехватные (ж., 35 лет, замужем, дочь 4 года).

Современные изменения гендерного порядка связаны и с **кризисом роли бабушки**. Этому явлению сопутствует несколько обстоятельств. Во-первых, продолжается нуклеаризация городских семей среднего класса. Межпоколенческие контакты ослабевают, молодые семьи предпочитают автономную организацию быта, живут отдельно, стараются обеспечить материальную и эмоциональную независимость от старших. Иногда представители молодого поколения ставят под сомнение легитимность роли бабушек, поскольку она способствует усилению власти старшего поколения в семье. Многие наши информанты предпочитают пользоваться услугами нянь, поскольку домашняя работа бабушек предполагает (материальное и символическое) признание их авторитета, а именно этого стремятся избежать молодые семьи, ориентированные на свободу от власти старших:

Да ну и опять же, с бабушками все-таки сложнее, а с нянями проще. Да? Я ей плачу деньги, я ей говорю, что, как бы, это делайте, это не делайте. Да? А бабушки, они же считают, что они должны учить жизни, вот поэтому, мне даже с моей мамой в этом отношении было бы тяжело. Вот. Опять же бабушки, они баловать еще любят, идти, там, на поводу [у малышей]... (ж., 32 года, замужем, сын 4 года).

В свою очередь, в среднем классе представители старшего поколения тоже переосмысливают свой социальный возраст. Они не мыслят себя в категориях производного статуса, они еще полны сил и имеют собственные интересы, отличные от интересов детей и внуков. С другой стороны, в российском обществе все еще сохраняется сравнительно ранний возраст материнства. Это означает, что родительское поколение еще работает, когда у младшего поколения рождаются дети. Работающая бабушка не может выполнять функции по уходу за ребенком в полной мере, даже если на этом настаивают ее дети. Наша респондентка отдает себе в этом отчет:

У бабушки оказалась своя бурная, как бы, трудовая биография, которой она совершенно не собиралась ни в один момент жертвовать, я всегда (ха-ха-ха-ха-ха) как мать-героиня со своим этим младенцем в полотенце, когда мне там надо было что-то (ж., 40 лет, замужем, дочь 6 лет).

...Бабушки-дедушки у нас суперзанятые все люди... Но поскольку они обе работающие бабушки, то единственное время, когда у них

есть, — это выходные дни, вот выходные дни или какие-нибудь там форс-мажорные обстоятельства, например няня у нас не сидит вечером, если нам с мужем нужно куда-нибудь сходить: в кино, в театр (ж., 24 года, замужем, дочь 1 год 8 мес.).

Экономическая трансформация и изменения в системе пенсионного обеспечения приводят к тому, что бабушки вынуждены работать, чтобы обеспечивать себе экономически приемлемое существование. Иными словами, утверждается ролевая модель и жизненная стратегия «работающей бабушки», которая приходит на смену советским практикам «бабушки, воспитывающей внука». Такие стратегии становятся устойчивыми характеристиками гендерного контракта. Изменение гендерного устройства воспитания детей является структурным фактором, способствующим развитию спроса на оплачиваемый труд по уходу за ребенком, и прежде всего — труд нянь. Среди наших нянь значимый сегмент составляют социальные мигранты — новые бедные, чья социально-экономическая позиция существенно понизилась в результате развития капитализма в России. Чьи-то мамы и бабушки продают свою заботу чужим детям и внукам, потому что прожить на пенсию невозможно или потому что бюджетные сокращения вытолкнули их в сферу вторичной теневой занятости. На смену бесплатного труда бабушки приходит оплачиваемый труд няни, которая тоже может быть чьей-то бабушкой.⁴

Новый гендерный контракт формируется также в контексте изменения функционирования социальных сетей и детских учреждений в условиях капиталистического развития. В новых условиях дружеские контакты уже в гораздо меньшей степени предполагают безвозмездную помощь и обмен услугами. Коммерциализация повседневности сказывается и на структуре отношений взаимопомощи. Что касается дошкольных учреждений, то тут очевидно одно. Практически полностью исчезли из нового быта среднего класса детские ясли. Психологи и медики обосновывают их дисфункциональность (не равноразно ли?). Детские сады сохраняются, но их услуги не покрываются государственным бюджетом, а требуют значительных родительских выплат. Появились также разнообразные профильные платные детские учреждения.

⁴ Иногда бабушки получают оплату от своих детей за воспитание собственных внуков.

Одним словом, социальные институты, в советском обществе обеспечивавшие совмещение ролей матери и работающей женщины, не вполне выполняют свои функции. Кроме того, наблюдается рост ожиданий представителей среднего класса, рост требований в отношении социального сервиса, появляются возможности выбора услуг по уходу за детьми и воспитанию, желание «отделиться от масс», утвердить позиции нового класса, в том числе и с помощью организации домашнего труда, формируются новые стратегии воспитания детей, характерные для средних слоев. Рыночные отношения воздействуют на гендерный контракт противоречивым образом. С одной стороны, жесткие условия конкуренции в частном секторе экономики затрудняют для квалифицированной женщины совмещение ролей на условиях полной занятости в обеих сферах, что повышает спрос на оплачиваемый домашний труд. С другой стороны, формируется предложение — отряд безработных женщин, ищущих заработка студенток, работоспособных пенсионерок, квалифицированных работников бюджетного сектора, нуждающихся в дополнительных заработках, предлагает свои дешевые и не очень услуги семьям, воспитывающим детей. Рассмотрим, как формируется спрос на коммерциализованную заботу.

Интенсификация занятости работающей матери в рыночной экономике

Прессинг развивающегося рынка затрудняет совмещение гендерных ролей. Дефицит времени, интенсификация занятости, необходимость повышения квалификации и забота о себе — существенные барьеры совмещения ролей матери и работающей женщины. Вот как описывают наши информантки — молодые мамы, занятые в частном секторе экономики, свою «бешеную неожиданную жизнь»:

Я ложусь спать полвторого, так обычно. Бывает позже. Редко, правда. Я не успеваю ничего сделать по дому, поэтому... А когда уже все сделаешь с Машей, когда уже уложишь, гладить там или стирать, понимаешь, не получается. Но надо. Поэтому вот так, полузакрыв глаза (ж., 42 года, замужем, менеджер, дочь 8 лет).

Квалифицированные работающие женщины отмечают интенсивную занятость, ненормированные часы работы, частые командировки, необходимые для успешного функционирования бизнеса. Дефицит времени, спешка — лейтмотив их рассказа об этом «безумном мире». Это касается как одиноких матерей, так и полных семей. Из интервью с замужней работающей мамой четырехлетнего мальчика:

Последнее время вот мы ничего оба не успеваем, совершенно. И уже такие — у нас нет ни сил, ни времени ни на какие выезды, потому что все свободное время, которое есть, мы проводим и пытаемся организовать досуг. Свекровь наша не участвует нисколько в нашем быте, совершенно... (ж., 25 лет, замужем, сын 4,5 года).

Конечно, сложности совмещения работы и быта характерны и для советского периода. Дефицит времени, постоянная неудовлетворенность совмещения ролей в позднесоветское время превосходно описаны в повести Н. Баранской «Неделя как неделя» (Баранская, 1969). В настоящее время изменилась структура распределения времени работающей женщины, принадлежащей к среднему классу, но сохраняется его систематический дефицит. Наши информанты связывают это с тем, что мир рыночных отношений оказывается требовательным, жесткая конкуренция не позволяет квалифицированным работающим женщинам воспользоваться даже предоставляемыми льготами декретного отпуска. И этот прессинг рынка тем сильнее, чем ответственнее должность и интереснее работа.⁵ Мягкое непротиворечивое совмещение ролей невозможно в случае карьерной ориентации. Молодой семье нужны помощники, особенно в случае если речь идет о матери, которая одна воспитывает ребенка. Правила игры навязывает наш особенный российский рынок, который нельзя назвать социально-ориентированным, несмотря на все декларации новой демографической политики (НДП):

Потому что... ну, на работе у нас... частная лавочка. Сидение с детьми никем не приветствуется, никому не нравится. В государственных-то организациях не очень. А в частном предприятии, тем более на должности заведующего — это вообще... (ж., 32 года, менеджер, не замужем, сын 3,5 года).

⁵ Об аналогичных процессах в американском обществе писала Арли Хохшильд (Hochschild, 1997).

Государственная социальная поддержка обесценивается требованиями «дикой» развивающейся рыночной экономики:

Нет, больничных у нас нет. Понимаете, когда речь идет о собственном бизнесе, больничных не бывает. То есть да у меня их никогда и не было, я, в общем-то, не болею. То есть я болею на работе, но я могу болеть два дня максимум. Больше не могу (ж., 29 лет, менеджер, замужем, дочь 2,5 года).

Не только ориентация на карьеру и потребность в зарплате заставляют представительниц среднего класса искать няню и выходить на работу. Им все сложнее ограничить себя домашним кругом, отдать предпочтение роли матери и домашней хозяйки — ведь у них за плечами и опыт экономической самостоятельности, и вкус к самостоятельной работе. Обсуждая возможности выбора между материнством и карьерой, информантка говорит:

...вполне допустимо сидеть с ребенком до школы, отправить его в школу, потом завести второго ребенка, опять сидеть с ребенком до школы, и так далее. Меня это не очень устраивает. Меня это все время нервирует! Хочется полагаться на себя... Поэтому, когда три года уже я... три года прошло, а высшее образование — оно все равно такой отпечаток своеобразный, что со временем кажется, что мозги киснут. За три года они действительно киснут. Не хотелось! Очень захотелось работать (ж., 28 лет, менеджер, замужем, сын 4 года).

Молодые матери делают выбор в пользу няни еще и потому, что чувствуют себя ограниченными в свободе, замкнутыми в домашнем пространстве. Они страдают от необходимости «сидеть с ребенком». Суммируя свои ощущения, мама рассказывает: «...Во-первых, я уже начала готовиться к выходу на работу, во-вторых, уже просто не было сил сидеть дома» (ж., 31 год, замужем, дочь 5 лет). Все женские голоса звучат в унисон: «На самом деле, мне без няни вообще никак», «А работа не ждет», «[смех] няня — это наше все!».

В среднем классе у молодых, образованных, ориентированных на профессиональную занятость мам очень рано возникает потребность в оплачиваемом труде по уходу за ребенком. Эта потребность осознается, когда ребенку 5 месяцев, 7–8 месяцев, 1 год. Такие дети еще слишком малы для дошкольных учреждений (как частных, так и го-

сударственных), и потому уход за ними должен осуществляться в домашнем пространстве. Это также связано с кризисом института яслей в российском обществе.

Незамужние мамы гораздо раньше, чем состоящие в браке, ощущают потребность в помощи нянь. В случае полной семьи отцы, как правило, оставляют вопрос о наемном домашнем труде на усмотрение матерей. Наши материалы показывают, что мужья и партнеры не сопротивляются стратегиям работающих женщин или домашних хозяек разделить заботу о детях с нянями. Однако они редко непосредственно участвуют в выборе нянь, отделяя себя таким образом от «женского мира». В нашем массиве интервью есть исключение — отец, активно вовлеченный в поиски няни, — назовем его Алексеем. Его семейную роль характеризует несколько особенностей. Ему 38 лет, ребенку полтора года. Он работает в крупной торговой компании менеджером по кадрам. «Я персональщик», — говорит он. Желанный ребенок — центр семейной жизни супругов. Жена работает представителем крупной фармацевтической фирмы. Отвечая на вопрос «Какие требования Вы предъявляете к няне?», Алексей отмечает:

Вы знаете, у меня астрономические требования к няням. Наверное, это некий максимализм. Чем лучше, тем лучше. Больше, лучше. Ребенок единственный, мальчик, ему развиваться нужно, гармонично.

Молодой отец отдает себе отчет в том, что активное отцовство (как и материнство) может служить помехой успешной работе в коммерческом секторе:

Сейчас такой период, когда я тоже начинаю оглядываться на него [сына]. Это, конечно, вызывает определенную проблему на работе, потому как... он вот этим летом переболел у нас краснухой, я очень переживал, как раз отвлекался.

Алексей поддерживает ориентацию жены на карьеру и понимает, что full-time-материнство несовместимо с серьезным заработком и квалификационным ростом женщины:

Нянька у нас с ребенком где-то с 8 месяцев, жена сидела до полугода, учитывая то, что я все время стимулирую ее на то, чтобы она делала карьеру.

При этом оплата труда няни является ответственностью жены:

У нас так поделен бюджет, что услуги няньки... оплачивает жена. Почему? Потому что у каждого человека есть право выбора. Жене было сказано: либо ты сидишь с ребенком, либо ты делаешь карьеру — варианты, пожалуйста. Ну, вся семья была за то, чтобы она сидела с ребенком, но характер жены таков, что я знаю, если она посидит три года, потом она уже никому в деловой сфере не будет нужна. Пришлось вот такое решение принять. Наверное, мое профессиональное редкое чутье сработало, пришлось ей сразу поменять работу, потому как, пока она полгода сидела с ребенком, на ее место (она была начальником отдела, не в этой компании, в другой) уже нашли другого человека. Несмотря на всевозможные наши законы, Вы знаете, что в России законы не действуют (м., 38 лет, женат, сын 1,5 года).

Оплачиваемая забота о ребенке как доверительная услуга

Коммерциализация домашних услуг в значительной степени происходит в рамках неформальной экономики (хотя и не только там). Быстро развивающаяся сеть агентств домашнего сервиса не удовлетворяет растущий спрос.⁶ На наш взгляд, сама структура домашнего труда выталкивает его в сферу неформальной занятости, где рынок погружен в сетевые персонализированные отношения. Однако степень персонализации и неформализации отношений может быть различной. Один вариант — установление близких отношений в условиях формального контракта, когда наниматели платят налоги и няня получает все необходимые страховки официальной занятости. Другой вариант — сочетание неформального контракта с неформальными отношениями.

Неформализация работы нянь связана с тем, что забота (работа по уходу) с большим трудом поддается жесткой регламентации и ее результаты трудно оценивать. Нас интересуют причины неформализации домашнего труда, которые покоятся на многих, в том числе эк-

⁶ Женская ниша на рынке труда на примере агентства домашнего сервиса проанализирована в работе Елены Евдокимовой (Евдокимова, 2004).

зистенциальных и культурных, основаниях.⁷ Неформальный тип коммерциализации заботы ставит нянь и родителей (матерей) в зависимость от динамики межличностных отношений. Среди оснований, выталкивающих гендерный контракт работающей матери в сферу неформальной экономики, мы отметим два, которые нам представляются наиболее важными: доверительный характер услуг, предоставляемых домашним трудом, и взаимные выгоды неформальной занятости — для работника и нанимателя. Проиллюстрируем эту позицию словами молодой мамы:

Я не оформляла с ними [нянями] никаких договоров, потому что это мой ребенок. Если они будут как-то безответственно к ребенку относиться, это будет сказываться как-то на ребенке, мне плевать как-то на договора. Вот эту бумажку потом ни к чему не пришьешь. Мне важнее какие-то личные вещи, взаимоотношения. Вот личные — я оставляю себе копию паспорта... (ж., 32 года, сын 1 год 2 мес.).

Сначала рассмотрим, как обеспечивается доверие в отношениях между няней и семьей. Затем посмотрим, как оцениваются выгоды неформальной занятости обеими сторонами неформального трудового договора. Этот трудовой договор рассматривается и как элемент гендерного контракта, организующего отношения между матерью (родителями) и няней. При этом мы будем условно различать две фазы реализации неформального трудового контракта: латентную и актуальную.

Работа няни — это доверительная услуга, особенность которой такова, что ее результаты видны не сразу и их оценка затруднена. Доверительные услуги оказывают врачи (не сразу становится очевидным, как их предписания влияют на здоровье пациентов), педагоги (неясно, насколько полезны полученные в ходе обучения знания) и, конечно, няни (трудно осуществить контроль их повседневных действий). Доверительная услуга предполагает невозможность полного контроля качества исполнения. Необходимо полагаться на компетентность и добросовестность работника, предоставляющего такую услугу. Что делают няни с ребенком, пока родители отсутствуют?

⁷ Сходные процессы наблюдаются и в западных обществах (см.: Ehrenreich, Hochschild, 2003).

Как гарантировать, что они выполняют свои обязанности хорошо или хотя бы удовлетворительно? Доверие необходимо, чтобы вверить ребенка не родным, а посторонним людям.

Второе обстоятельство, способствующее неформализации рынка нянь, связано с особенностями эмоциональной работы, которую выполняет няня. Услуги няни предполагают управление эмоциями, проявление заботы («управляемое сердце», по словам Арли Хохшильд). Работа няни чрезвычайно значима для семьи. Дети — часто центр семейного мира, предмет любви и родительской заботы. Ребенка доверяют няне — именно ей делегируют родители свою ответственность, зачастую ревниво относясь к возникающей и крепнущей взаимной привязанности няни и ребенка. От няни и бебиситтера (различия мы рассмотрим ниже) требуется выполнение особенного типа работы, которую трудно адекватно оценить, трудно отличить от заботливого ухода, проявлений любви и нежности.

Сами няни отдают отчет в специфике своего труда. Они становятся свидетелями и участниками частной жизни семьи, свою работу они описывают как «энергообмен, душевный обмен, эмоциональный какой-то обмен». Такую работу трудно конвертировать в деньги. Не случайно наши няни «стесняются» этой темы, а мамы понимают, что они должны компенсировать низкую оплату эмоциональной заботы немонетарным вознаграждением и символическим признанием. По условиям рынка, работа няни оплачивается аналогично труду домработницы и гораздо дешевле труда строителей, выполняющих ремонтные работы в доме. Парадокс в том, что рынок не в состоянии оценить труд по уходу за ребенком в соответствии с его значимостью для семьи. Оплата идет с учетом знаний, навыков и умений... Но без учета эмоциональной работы и доверительного допущения в частную жизнь.

Значимость личного доверия усиливается в ситуациях риска и ограниченности контроля. Наши респонденты особенно чувствительны к вопросам безопасности своих детей. Заботы няни сегодня нужны гораздо дольше, чем в советское время (до подросткового возраста детей — 12–13 лет). Няни выполняют функцию сопровождения и охраны детей. Наши информантки отчетливо артикулируют свои страхи:

Я очень сейчас боюсь, Маша никогда не выходила одна из дома вообще до сих пор. Никогда не ходила в булочную, что я делала в ее возрасте

уже «за здрасте». В какой-то момент мама, не созвонившись с головой, ребенку сказала: «Ты что вообще? Тебя, как зайца, в мешок, схватят...» (ж., 42 года, менеджер, замужем, дочь 8 лет).

Особенности работы няни в современном российском мегаполисе обуславливаются и практиками внешкольного образования детей, которые предполагают их перемещение в большом городе, которое видится родителями как насыщенное многочисленными опасностями для ребенка:

Ну вот, сейчас, как бы, ну там, предподготовка школьная, для развития, вот почему мы няню взяли — школа находится на Петроградке, а мы живем на юго-западе, это другая часть города, и школа начинается с девяти часов и заканчивается в час. И так как я работаю, у меня нет возможности два раза в неделю с ребенком проводить в школе. И получается, что я ее туда отвожжу, провожу с ней там, ну, часть занятий, потому что школа... Она приветствует, чтобы родители были хотя бы на паре... (ж., 29 лет, руководитель фирмы, не замужем, дочь 5 лет).

Безопасность детей — один из приоритетов родительской заботы. Именно поэтому оплачиваемый уход за ребенком предполагает особую значимость доверия в отношениях между нанимателями и работниками. Этот вопрос рефлексивируется обеими сторонами контракта. Наниматели выстраивают особые стратегии установления доверия.

Гарантии доверия и требования, предъявляемые к няне

Самое главное в поисках няни — найти человека, которому доверяешь доступ в свой дом, доверяешь своего ребенка. Значимость доверия в отношениях «няня—семья» подчеркивается фольклором об опасностях, связанных с работой неблагонадежных нянь и домработниц. Все наши информантки упоминали *страхи, связанные с возможной недобросовестностью нянь*. Страшилки про нянь — общее место собранных нарративов. Они демонстрируют, что родители стремятся обеспечить доверие в условиях его дефицита. Няня, нарушающая

правила, рассматривается как угроза благополучию ребенка, благополучию семьи. *Страшные истории* указывают на символическую значимость ребенка для семьи и на угрозы безопасности. Родители опасаются, что няня будет злоупотреблять своей властью, своим доступом к домашнему миру. Страшилки циркулируют в материнском сообществе, становятся частью фольклора. Они призывают к осторожности, тщательному подбору персонала, указывают на хрупкость доверия, настаивают на необходимости организованного контроля работы няни. Молодые мамы рассказывают:

Подружки мои, которые тоже нарожали детей, они тоже рассказывали про нянь всякие ужасные истории, как они ставили диктофоны няням. Как няни смотрели телевизор и орала на детей, пока их не было дома. То есть я уже была напугана этой проблемой. Поэтому мне сразу хотелось, чтобы няня была хорошая. Что не надо нам никаких диктофонов, и все такое, чтобы сразу, ну, доверять (ж., 31 год, замужем, дочь 4 года).

...Мне было все равно страшно отдать ребенка чужому человеку, а своих никого не было... Потому что вот послушав еще разные рассказы о том, что там, не знаю, приходит няня, дает ребенку, там, снотворное и весь день смотрит телевизор, а ребенок спит целый день, потом приходит мама, она довольная говорит: «Ой, мы, там, покушали, погуляли, тра-та-та», — а этого ничего не было. И это на самом деле, то есть такое бывает (ж., 24 года, замужем, дочь 6 лет).

Вопрос о доверии к работникам домашнего сервиса не специфически российский. Но, на наш взгляд, в российском контексте он усиливается общим кризисом доверия к социальным институтам, новизной и сложностью контроля коммерческих домашних услуг, ростом преступности и растущим социальным расслоением. Одной из причин дефицита доверия к наемным домашним работникам является также нетерпимость к другому — мигранту, человеку другого социального слоя, принадлежащему к другой культуре. В программе «Мамочки-мамаши» (радиостанция «Эхо Москвы», эфир 12.03.2006) телеведущая Елена Ханга говорит:

Поэтому я считаю, что надо искать среди знакомых... потому что ты ищешь среди своего круга знакомых... Здесь хотя бы вы гарантированы от каких-то элементарных вещей, которые ты не можешь...

получить от человека, который приходит со стороны из агентства. Действительно, колоссальное у нас сейчас расслоение в обществе. И если особенно привозят няню из какой-то далекой глубинки или тем более с Украины или из Молдавии, действительно, у них свои представления о том, сколько можно потратить на ребенка.

Преодолевая тревожность и страхи, мамы, выталкиваемые за пределы дома обстоятельствами и потребностью в личной свободе, принимают поиски надежной няни. Этот поиск оказывается далеко не простым. Найти хорошую няню — надежную и недорогую — еще сложнее, чем найти хорошую домашнюю работницу.

Как показало наше исследование, в процессе поисков мамы актуализируют идеальный образ няни. Они различают два типа: собственно нянь и бебиситтеров. Отдельную группу составляют работники, предоставляющие образовательно-воспитательные услуги — гувернантки, гувернеры, домашние учителя. Среди нянь качественно различаются живущие в доме и приходящие. Прежде всего, мамы выбирают между собственно няней и бебиситтером. Отличие этих двух типов работ чрезвычайно существенное. Если няня проводит с ребенком целый день (до 12 часов), иногда даже живет в семье (круглосуточно), становится частью семейного обихода, то работа бебиситтера строго определена и фрагментирована, она не предполагает включения в быт и в гораздо меньшей степени предполагает эмоциональные затраты. Образ няни, который воспроизводят наши информантки, — это очень часто часть культурной памяти, впитавшей в себя разнообразные паттерны — от Арины Родионовны⁸ до Мэри Поппинс. Информантка рассказывает:

...на самом деле у меня образ был... Мне хотелось найти бабушку [смеется]. Бабушку не в том смысле старенькую тетеньку, а замену моей мамы или свекрови, которых мы оставили в С. Мне казалось, что вот для этого возраста это идеальный вариант. Не надо особо развивать ребенка, я и сама могу этой ерундой заниматься, мне нужно, чтобы ее любили, чтоб ее, там, баловали, не надо ее воспитывать никак, главное, чтобы ее покормили, с ней поиграли. Это было у меня главной целью... до трех лет (ж., 31 год, замужем, дочь 4 года).

⁸ Сравнительный анализ культурных образов няни представлен в статье Элизабет Мур и Александра Эткинда (Мур, Эткинд, 2004).

Но это, конечно, не единственный вариант. Есть мамы, которые считают, что ребенку нужна молодая энергичная веселая няня, няня-подружка, похожая на саму маму.

Мне кажется, что человек должен выглядеть вот так как-то. ...Девушка, которая из благополучной семьи, она со светлыми волосами, чем-то похожа на меня, и у меня какое-то внутреннее интуитивное чувство, что ребенку будет легче общаться, если человек похож на маму, ну, хотя бы чем-то, я не знаю, настроением там, светлые волосы (ж., 31 год, не замужем, дочь 4 года).

Требования, предъявляемые к няням, варьируются в зависимости от многих обстоятельств. Однако во всех случаях требуется любовь к детям, надежность и хорошее состояние здоровья. Среди других требований наши информантки называли: чистоплотность, аккуратность, опыт воспитания детей, доброту, терпение, контактность, честность, энергичность, ответственность. Предъявлялись требования к телесным признакам — «няня должна выглядеть благополучной», не вызывать жалости. Личностные черты в особой цене: няней независимо от возраста должен быть «бодрый и веселый человек». В общем, список требований обширен, практически все они касаются личностных черт нянь; характеристики квалификации отступают на второе место:

Конечно, [няня] должна быть порядочная, добрая, интеллектуальная, грамотная, безусловно, чистоплотная, да, хотя... еду готовлю в основном я для ребенка, торе варю, она потом это уже только все употребляет. Ну, в общем, она должна быть хозяйственной в этом смысле. Потому как у нас в квартире больше никого нет, кроме нее и ребенка, и ее задача не то чтобы это поддерживать, никто этого не требует, но чтоб не было бардака покамест. Мы приезжаем с работы усталые, ребенку нужно уже кушаться, есть и бай-бай, вот такие вот варианты (ж., 28 лет, менеджер, замужем, сын 4 года).

Ключевой характеристикой няни является, если пользоваться эмической категорией, «общность энергетики» няни и ребенка. Некая душевная бодрость, «психологический позитив» (по словам информантки) — необходимая черта няни. Образование, культурная речь также входят в набор дополнительных требований.

Для меня была одна задача, единственное — чтобы, когда я возвращалась, ребенок не рыдал там... чтобы ребенок был счастлив. Она очень маленькая, Машка, была. То есть каждый раз, когда я уходила, ребенок рыдал. ...Для меня было самое главное, чтобы... она [няня] была полностью сосредоточена на ребенке, вот. Телевизор она не включала... (ж., 42 года, научный сотрудник, замужем, дочь 8 лет).

Отвечая на вопрос, на что следует обращать внимание при выборе няни, женщина рассказывает:

Требования к няне, ну первое — это, конечно, чтобы она понравилась ребенку, да, чтобы ребенок нормально с ней контактировал. Ну вот, второе требование — это справка флюорографии, вот. Причем я, как бы, я советовалась, у нас есть наш вот педиатр, и вот я, как бы, я ей сказала что вот, вот я хочу няню. У нас хорошие отношения с педиатром, такие, можно даже сказать, неформальные, ну вот. Значит, я сказала, что как насчет няни, вот, с точки зрения, с Вашей как педиатра. Она говорит... единственное, что я могу порекомендовать, — спросить справку флюорографии, чтобы она была. Потому что есть такие случаи, когда ребенок сидит с няней, и там потом у него что-то обнаруживается такое нехорошее, и вот источник этого вот человек, который рядом находится (ж., 24 года, замужем, дочь 1,5 года).

Таким образом, мы видим, что покупается особая квалификация, связанная с личностными чертами человека, покупается его способность заботиться о ребенке, любить его, вызывать симпатию, а вовсе не труд в индустриальном понимании этого термина.

Некоторые из требуемых качеств при собеседовании подтверждаются документально. Проверяются условия жизни и здоровья няни. Требовательные родители делают копии с паспортов, просят справку о прохождении флюорографии, просят предоставить рекомендации. Но наши информанты знают, что официальные документы легко фальсифицировать и не считают их достаточной гарантией надежности выбора. Е. Ханга в передаче «Мамочки-мамаши» отмечает: «Зная нашу страну, документы вы можете приобрести любые, и это просто вопрос времени и ста долларов». С нею согласен представитель агентства по найму персонала М. Фёдоров: «Спорить не буду, к сожалению, да, страна такова!» (радиостанция «Эхо Москвы», эфир 12.03.2006).

Многие нанимательницы опираются на собственную интуицию, на устные рекомендации друзей и знакомых, дают няням испытательный срок, устанавливают контролирующие приборы. В тенденции, очевидно, получит распространение более инструментальный подход, однако в настоящее время в большинстве случаев преобладают традиционные способы оценки пригодности — метод проб и ошибок, персонализированное доверие, подкрепленное устными рекомендациями ближнего круга и личными наблюдениями.

Каковы же обязанности няни? С одной стороны, они просты — это обязанности по уходу за маленьким ребенком, которые может выполнять каждый взрослый (и не совсем взрослый) человек. Российская социализация устроена таким образом, что научаются уходу и заботе и в дальнейшем осуществляют их в основном женщины. В этом проявляется гендерная поляризация, т. е. сохраняющийся культурный разрыв мужского и женского жизненных миров.

Список обязанностей няни зависит и от возраста ребенка, и от требований родителей. Обязанности няни могут ограничиваться стандартными услугами (такие навыки не считаются предметом особого обучения) или предполагаются другие функции, когда требуется особая квалификация — знание языков, медицинская, психологическая или музыкальная подготовка. В этих случаях няни выполняют функции педагогов и гувернанток (гувернеров, репетиторов). Случаи совмещения встречаются довольно часто, но статистику мы представить не можем.

Мама рассказывает, воспроизводя гигиенический дискурс воспитания:

Маленького ребенка нужно помыть, подмыть, переодеть (поменять ему памперсы), покормить, зубы почистить, с ним нужно поиграть, с ним нужно обязательно погулять, его надо развлечь. Няня также должна убрать за ребенком после еды или игры. В зависимости от возраста ребенка она может это сделать сама или вместе с ребенком, тем самым приобщая его к чистоте и порядку. При этом ребенок должен быть доволен и здоров (ж., 32 года, замужем, сын 1 год 8 мес.).

В неформальном контракте список обязанностей не определен: он зависит от культурных образцов, которым следуют родители, и может меняться. Список обязанностей няни имеет тенденцию со

временем возрастать, если работницы не контролируют их объем. Главное, что требуется от няни, — осуществить элементарный уход за ребенком и «любить его». Разные родители и разные няни могут иметь разное представление об обязанностях, и поэтому их номенклатура оговаривается и постепенно формируется в ходе взаимодействия клиентов (аналогично тому, как формируется фронт работ уборщиц, — см. статью Ольги Ткач в этом сборнике).

М. Фёдоров, директор агентства по найму, рассказывает:

У каждого родителя есть свое видение того, что должна делать няня в его доме, как она должна заниматься ребенком. Кто-то ищет няню, задача которой будет готовить, следить, безопасность, то есть просто как за животным, извините за сравнение, ухаживать, потому что родители хотят дать ребенку самостоятельно образование, ни в коем случае чтобы он не перенимал культурный уровень, манеру общения, манеру поведения другого человека, поэтому они просят няню обеспечить, скажем так, здоровье ребенка. И ее задача — исключительно режим дня. Кто-то, наоборот, ищет няню с определенными навыками, со знанием методик развития детей, и они хотят, чтобы няня для них была не только няней, но и в некоторой степени образование давала их ребенку, то есть чтобы она способствовала его развитию. Третьи хотят не просто развития, а какого-то узконаправленного, либо физического, либо математики, либо изобразительных искусств. Но они ищут няню, у которой бы был особый навык, особые умения, которая бы владела специальными методиками, нужными в их семье. Поэтому правильный подбор такой няни не всегда возможен через друзей («Мамочки-мамаши», радиостанция «Эхо Москвы», эфир 12.03.2006).

Обязанности неформальной няни чаще ограничиваются стандартным набором. Однако конкретные задания уточняются каждый день и обуславливаются изменениями режима дня членов семьи и няни, состоянием здоровья, погоды, настроением ребенка.

Каналы поисков няни разнообразны: среди них и традиционные с использованием персонализированных сетей, и мобилизующие новые технологии. Нянь ищут через друзей и знакомых, через агентства, через личные объявления в газетах, через сеть Интернет. Задействуются дружеские связи и детско-ориентированные знакомства — в детских садах, поликлиниках, через персональные материнские сети.

Нанимателем, как правило, оказывается женщина (хотя есть и исключения). В дальнейшем именно она осуществляет контакты, контроль няни. Именно мать оказывается экспертом, принимающим окончательное решение по поводу ухода за ребенком. Таким образом, при коммерциализации заботы воспроизводится неравенство между женщинами, принадлежащими к разным социально-экономическим группам. Домашняя эмансипация женщин среднего класса осуществляется за счет женщин, принадлежащих к относительно более низким социальным слоям. Оплачиваемый рынок домашних услуг воспроизводит гендерные разделения и способствует гендерной иерархии. Нянями при этом не обязательно являются представители низших экономических классов. Их отбирают среди людей с достаточным уровнем общей культуры, предпочитают людей с высшим или средним специальным образованием (педагогическим или медицинским) или студентов. Именно ориентируя спрос на тех нянь, которые соответствуют их представлениям о желаемой культуре ухода за ребенком (хотя и отделенные от них социальной дистанцией по другим, прежде всего экономическим параметрам), матери сокращают дефицит доверия.

Почему не агентства?

Значительное количество наших информантов, нанимая нянь, отказываются от услуг агентств, предпочитая поиск в рамках неформального рынка занятости. Несомненно, это особенность целевой выборки. В агентства обращаются, как правило, более богатые люди, которые ищут гувернеров или воспитателей, у которых специализированный набор требований к няням, а также те, кто ищет не столько нянь, сколько бебиситтеров. Именно агентства предлагают гарантии надежности домашнего сервиса. Они дают рекомендации контроля за нянями, устанавливают аппаратуру, позволяющую следить за их работой.

Нас интересует, почему формальный рынок социальных услуг вызывает подозрение у ряда женщин. Информанты указывают на три основные причины: относительную дороговизну, невозможность осуществлять контроль предшествующей личной трудовой биографии няни, ее квалификации и уровня культуры, а также отсутствие доверия к чужому человеку. Скептическое отношение к возможностям легального рынка социальных услуг является частью общего недоверия к рыночным институтам. Однако этот скепсис усугубляется и пред-

ставлениями об особом доверительном и эмоционально насыщенном характере услуг по уходу за ребенком. Приведем аргументы наших информантов. Первый аргумент — завышенные цены на услугу, не соответствующие квалификации нянь, которых присылают агентства.

Суть деятельности этих агентств такова, чтобы выжать как можно больше денег, продавая, как им кажется, более дорогих, квалифицированных специалистов. По сути своей, это все, к сожалению, не так, они не квалифицированные специалисты, а умеющие себя продать (м., 38 лет, женат, сын 1,5 года).

Агентства, естественно, берут себе часть денег. Получается двойная оплата — и агентству, и няньке, что совершенно нас не устраивало (ж., 25 лет, замужем, сын 4,5 года).

Второй аргумент — недостаточность формальных гарантий контроля наемного работника, необходимых для обеспечения личностного доверия.

Я на сайт ходила... «Няни Петербурга» или что-то в этом духе, не помню. И там были какие-то предложения, я что-то там выписывала, телефоны. Но потом сразу как-то: от 100 долларов. Я тогда еще не понимала, что я плачу [своей няне] больше. Нет, ну для меня важно было, чтобы человек был знакомый, чтобы с него можно было спросить что-то. Чтобы незнакомый — неправильно! А [нужно,] чтобы он был рекомендован кем-то! (ж., 29 лет, не замужем, дочь 5 лет).

Третий аргумент — общее недоверие к частным фирмам:

Я бы никогда в жизни не взяла няню из... никакого учреждения. По общей подозрительности к учреждениям — во-первых, во-вторых, потому что я знаю, как эта система работает в том, что касается домработниц, и если я могу экспериментировать с собственной квартирой, то экспериментировать с ребенком — это... И просто ты никогда не знаешь, что тебе присылают, и когда ты находишь людей через знакомых, у тебя есть какая-то гарантия, что кому-то позвонишь и скажешь: «Да вы что!» или там: «Это родственница моя, это человек, которого я знаю сто пятьдесят лет. Я с ней вместе проработала всю жизнь». Вот это рекомендация, правда? (ж., 42 года, замужем, дочь 9 лет).

Четвертый аргумент — невозможность по формальным каналам гарантировать эмоциональную привязанность к ребенку:

Через агентство вообще, очень часто, как сказать... Я не говорю, что они там не проверенные, но они какие-то корыстные всегда очень. Ну, настолько, я не знаю, прямо неприятно мне. Такое чувство у меня, что они готовы, не знаю, просто за копейки удушиться. Не знаю, сколько раз искала через агентство, так и отклоняла эти предложения. Сколько раз вызывала... Ну не по душе, и все (ж., 29 лет, не замужем, сын 2 года).

Итак, отказ от формальных каналов подбора нянь представляется нам частью недоверия к рыночным услугам. Это недоверие возрастает, когда речь идет о коммерциализации заботы, о покупке услуги, предполагающей эмоциональную работу в отношении самого ценного — своего ребенка. Молодая мама, нанимая няню, делегирует ей часть своих обязанностей, сопряженных с миром родительских чувств. Напротив, потенциальные работодатели активно пользуются агентствами при найме домработниц и бебиситтеров, которые выполняют конкретный объем работ, не предполагающий целостной эмоциональной вовлеченности, а лишь фрагментированный доступ в частную жизнь семьи.

Выбор в пользу неформального договора имеет далеко идущие последствия как для нянь, так и для мам, не говоря уже об обществе в целом. Сегодняшний гендерный контракт востребует развитие неформального рынка социальных услуг, т. е. стимулирует развитие неформальной экономики.

Поиски «теневой» няни

Как же происходит поиск нянь в тех случаях, когда молодые матери отказываются от услуг агентств? В этой ситуации они мобилизуют свои социальные сети. Мы выделили несколько вариантов таких поисков. В первом случае информационный поиск подходящей кандидатуры осуществляется через социальную сеть, объединяющую молодых мам. Таких сетей два типа. Один тип — традиционный, это сообщество молодых мам, которые непосредственно общаются друг с другом:

Ну, там же, в принципе, всегда есть такая тусовка мамаш, которые в районе вместе сначала с колясками ходят, потом гуляют с детьми. ...То есть это не подружки. Ну и обычно в этой же среде ищутся эти няни (м., 38 лет, женат, сын 1,5 года).

Второй тип — инновационный информационный обмен, осуществляемый в сети Интернет классово близкими мамами. По словам одной из информанток, «в *Интернете можно найти все, лишь бы время было*»:

*...www.littleone.ru. Там есть система форума, это как раз, когда родители среднего класса, которые могут себе позволить провести энное время в *Интернете*, и вот там это обсуждается, то есть тема выбора нянь. Ну, там обсуждаются все темы от планирования беременности, заканчивая детьми переходного возраста, но вот в том числе тема нянь. ...Мы там общаемся. И там средний и высший уровень, по крайней мере, люди, имеющие доступ в *Интернет*, имеющие детей и озадаченные проблемой поиска няни (ж., 29 лет, не замужем, сын 2 года).*

Во втором случае задействуются сильные и слабые сети родственников, соседей, знакомых и коллег по работе. Особое место занимает поиск через специализированные детские учреждения, которые являются своеобразной неформальной биржей труда, поскольку их персонал нуждается во вторичной занятости в связи с недостаточным заработком в бюджетной сфере. Детские сады, школы, поликлиники поставляют профессионально подготовленных работников домашней сферы.

Средствами обмена информацией оказываются контакты лицом к лицу, теле- и электронные коммуникации. Мама рассказывает об успешном поиске:

...в какой-то момент я бросила объявление в рассылку нашу рабочую, которая по некоммерческим организациям. Мне позвонило 4 человека, из которых я выбрала женщину, мы с ней встретились, и вот с тех пор счастливы вполне (ж., 29 лет, замужем, дочь 2,5 года).

Третий вариант — поиск «опубликованного предложения услуг». Информантка рассказывает, прибегая к метафорам:

Няни «висят на столбах»! «В газетах». Мы звонили, и все нам попадались какие-то неподходящие няни. И мы свою няню нашли совершенно каким-то странным способом. То есть мы нашли объявление о школе для воспитателей, нянь и родителей. И я говорю: «Позвоним туда, может быть, там есть няня». Прекрасно. И я позвонила, и у этой тетины просто оказалась знакомая няня (ж., 25 лет, замужем, сын 2 года).

Хотя в этом случае поиск происходит без опоры на персонализированные сети, информантка прибегает к личному поиску без посреднических услуг агентства. Тем самым она выражает доверие профессионализму женщин, работающих в системе дошкольного воспитания (педагогам, детским медицинским работникам), и предполагает при этом, что они нуждаются в дополнительном заработке.

Неудивительно, что эффективными для поиска нянь оказываются «близкие сети». Огромное число женщин нуждается в дополнительном заработке — это и служащие бюджетной сферы, и пенсионерки, и женщины-мигрантки. Процессы стратификации вытесняют их в этот периферийный рынок труда. Другая категория — студентки, которые чаще предлагают себя в качестве бебиситтеров или домашних работниц, но бывает, что они работают и нянями. Гендерная социализация делает женщин пригодными для данной работы.

Рекрутинг нянь в настоящее время все более стандартизируется. Процесс подбора домашней рабочей силы предполагает кастинг кандидатов, типичный для рынка доверительных слуг. В этом случае нанимательницы зачастую действуют как настоящие бизнес-леди, подбирающие квалифицированный персонал для своего домашнего предприятия. Они оценивают кандидаток по множеству критериев, обеспечивают контроль и определяют испытательный срок:

...назначаю встречу в офисе — предварительная беседа сначала. Потом уже еду к ним домой с ребенком, посмотреть, как они живут. Что у них в доме, насколько у них чисто, что они сами из себя представляют. Ну, и чтобы убедиться, что они проживают по этому адресу. Ну конечно, естественно. Первое время ставим обязательно скрытые камеры, чтобы проверить, как они с ребенком общаются. Ну, потом все нормально, уже все знаем. Все в порядке ли, знаем. Вдруг она там обидела его... Я тоже не могу просто так ребенка кому попало отдать (ж., 29 лет, не замужем, сын 2 года).

Основное испытание — взаимодействие ребенка и потенциальной няни. Рассказывает отец:

Мы ее вызвали к нам [домой], соответственно, целый день с ней провели. Она сидела у нас на диване. Причем видно было, что она привыкла к этой процедуре, сидела, задавала вопросы, что да как. Сразу: «ну, наверное, уровень образования вас не очень устраивает». Ну, я так тактично промолчал. Конечно, мы посмотрели документы. Самое главное, на что мы обращали внимание, приоритет важнейший, это как она относится к ребенку и как воспринимает ее ребенок. Вот коммуникация — самое важное. Если он идет на ручки, если поет песни, просит почитать книжку, то, в общем, все нормально (м., 32 года, женат, сын 1,5 года).

В целом опыт исследований показывает, что процесс поиска няни не прост и затратен по времени. На поиск человека, который способен продать заботу о детях в частном доме, у наших информанток, большинство из которых достаточно хорошо встроены в питерскую жизнь, уходило до пяти месяцев. Очень редко с первого попадания мамы находили «нужную» няню. Они проводили масштабный кастинг, включающий интервью по телефону и смотрины. Найти няню нелегко: одна выглядит совершенно неподходящим образом, другая грубит и опаздывает, третья говорит неправильно, к четвертой ребенок не идет, пятая не может справиться с энергичным и подвижным малышом. Собранные нами нарративы полны эпизодами, напоминающими «Сказку о глупом мышонке» Маршака или разборчивую невесту Агафью Тихоновну из гоголевской «Женитьбы». В результате после нескольких неудач и сбоев — задача выполнена. Если работодатели довольны и нашли, наконец, ту, кого искали, то мы услышим, что у их ребенка «очень хорошая няня», «это редкая удача» и ею очень дорожат:

Она оказалась очень эмпатийная женщина. Очень заботливая, очень внимательная, очень-очень переживающая, такая сочувствующая, такая все близко к сердцу воспринимающая, вообще такая... Ну, к детям, соответственно, очень позитивно относящаяся. Ну, она... По ней сразу было видно, что она опытная. С ней у меня целый год не было проблем — я спокойно работала. В общем, все было прекрасно (ж., 32 года, не замужем, сын 3,5 года).

Контракт, заключенный между молодыми родителями и няней, носит неформальный характер. На основании данных проведенного исследования рассмотрим, почему он выгоден обеим сторонам, заключившим устное соглашение.

Преимущества и ловушки неформального контракта

Не все няни выбирают неформальный контракт. Есть профессиональные квалифицированные няни, обладающие сертификатами, подтверждающими их профессиональную пригодность: справками и рекомендательными письмами с прежних мест работы, заверенными печатями и подписями. Многие из них считают, что формальный контракт защищает их от произвола работодателей, но далеко не все разделяют это мнение.

Значительный сегмент российского рынка заботы составляют няни традиционного типа. Количественную оценку дать затруднительно, так как речь идет о теневой занятости. Традиционная няня — это квази-бабушка, от которой не требуется особых воспитательных и образовательных квалификаций, ее главным ресурсом является умение заботиться о ребенке и любить его. Именно такая няня предлагает свои услуги в неформальном секторе занятости. Есть много причин, по которым няня может предпочесть неформальный контракт.

Это происходит, когда она рассматривает свою занятость как краткосрочную, дополнительную подработку — к пенсии, стипендии или основной работе. Иногда неформальный контракт — единственный способ заработка для женщин-мигранток, которые сталкиваются со сложностью оформления гражданского статуса в России. Русскоговорящие мигрантки из стран ближнего зарубежья составляют все более видимый сегмент неформального рынка домашнего труда. Их гораздо больше среди уборщиц, но и среди нянь их число возрастает.

Если няня находится в ситуации, когда личные обстоятельства — состояние здоровья или семейные условия, например забота о собственных внуках, — могут заставить ее срочно отказаться от работы, она также предпочтет неформальный договор. В нашем массиве данных есть рассказ о том, как любимая четырехлетней Сашей няня, которую девочка называла бабушкой, ушла из семьи нанимателей, оповестив только накануне, что она не будет больше работать: у нее

заболел сын и домашним срочно понадобилась ее забота. Расторгнув устное соглашение, няня в таких случаях ничего не теряет. Все издержки неформального договора несет семья. Подобные случаи форсированного одностороннего разрыва неоднократно зафиксированы в рассказах наших информантов — они создают огромные трудности для нанимателей.

Условия неформального контракта отличаются выраженными особенностями. Они являются гибкими, постоянно корректируются с учетом меняющихся обстоятельств, легко пересматриваются, изначально предполагают возможность взаимных уступок, особенно в отношении пространства и времени заботы о ребенке. Предметом переговоров, как правило, являются часы и режим работы, конкретное содержание, а также объем и способ выплат (почасовое, ежедневное, «оклад» и др.). Спрашиваем молодую маму:

— Как Вы рассчитываетесь с няней?

— Два раза в месяц. Она сама установила этот режим. То есть она сказала, что удобно ей, чтобы она получала деньги каждые две недели, и она сама пишет расчет часов. Я ни разу не проверяла. Во-первых, отчасти из-за своей рассеянности, а во-вторых, вроде как знакомая, и я буду ее, там, контролировать по часам? И как-то действительно не было такого, чтобы она... то есть, она очень такая... очень порядочная. Она записывает каждые пять минут. То есть она складывает даже пять минут. Но, тем не менее, даже пять минут в часы она себе не приписывает. Даже, честно говоря, [нрзб] то, как она говорит: «Я чужого не возьму, но и свои пять минут не отдам» (ж., 25 лет, замужем, сын 4 года).

Переговорный характер оплаты труда в сфере неформальной занятости выгоден и няне, и нанимательнице. «Неформальной» няне нанимательница платит меньше, чем в случае официального контракта, заключенного через агентство. Форма оплаты может быть разной. Размер ориентирован формальным рынком домашнего сервиса. В некоторых случаях няням предлагают условные премиальные (подобно чаевым) или отпускные.

Ну, у нас есть договоренность на определенную сумму почасовую, но мы платим деньги раз в неделю и стараемся немножко накопить, поскольку мы платим довольно мало, по минимальному тарифу. Так...

ну, так договорились. Столько мы могли, так она согласилась. В принципе, мы можем платить и побольше. То есть мы платили, условно говоря, отпускные, пока ребенка на месяц отдавали свекрам. Вот. И я накидываю 100—150 рублей. Ну, то есть, опять же, по нашему текущему бюджету (ж., 29 лет, замужем, дочь 2,5 года).

Бывают случаи, когда наниматели задерживают оплату труда из-за задержки своей собственной зарплаты. В таких случаях персонализированный квазисемейный характер отношений позволяет избежать конфликта. Работодательница рассказывает:

[Мне] нерегулярно платят зарплату... Вот, кстати, Оля [няня] как-то более-менее нормально к этому относится. То есть иногда можно сказать: «Вы знаете, вот денег нет, подождите, пожалуйста»... Но я, опять же, пытаюсь за этим следить, чтобы этого не было. Но она: «Да, я все понимаю, я должна подождать» (ж., 32 года, замужем, дочь 3,5 года).

Практически все наши информанты отмечают, что работа неформальной няни — это дешевый труд. Постоянно встречаются реплики, подобные следующим: «я ей платила немного», «это крайне дешево по городу», «мы платим минимально».⁹ Тон при этом у наших мам извиняющийся, оправдывающийся. Парадоксальным образом они высоко ценят труд няни, но низко оценивают его. Они пытаются компенсировать низкую оплату разовыми дополнительными выплатами:

Я платила по тем расценкам, которые существуют на сегодняшний момент. Но ведь смотря за что платишь, да? В принципе, я ей платила 40 рублей в час. То есть за восьмичасовой рабочий день это получается 320 рублей. Это за 10 дней три тысячи двести, за 20 дней соответственно где-то шесть с половиной тысяч. Плюс я знаю, что ей доплачивала мама. Втихаря от меня что-то ей еще давала, в среднем у нее получалось что-то вроде восемь с половиной тысяч. Плюс еще не входило в эту сумму, я ей еще оплачивала транспорт. Плюс я кормила, я не готовила специально для нее, но в холодильнике вечно были соси-

⁹ На время полевой работы (2006 год) в Петербурге труд дешевой неформальной няни без специальной квалификации оценивался в 40—60 рублей в час.

ски, колбаса, йогурт — то, что она любила. Это где-то еще мне выходило где-то в полторы тысячи. Полторы тысячи в месяц (ж., 28 лет, замужем, сын 5 лет).

Низкая оплата труда связана с несколькими обстоятельствами: низкой оценкой коммерциализированной заботы в целом, неформальным характером договора, а также с тем, что многие наши информантки сами представляют группу среднего достатка:

Последнее, что мне зарядили, — это мне отдать всю свою зарплату, плюс еще приплатить... Спасибо, я как-нибудь — ...по телефону, было девяносто рублей в час. Платить девяносто рублей в час. Я не буду отдавать всю зарплату (ж., 31 год, не замужем, сын 4 года).

Мама подтверждают символическую значимость услуг регулярными подарками. На праздники и дни рождения родители не забывают поздравить тех, от кого зависит благополучие их детей и всей семьи. Бывает, что они накрывают стол, чтобы отпраздновать день рождения любимой няни.

— Ну, там, не знаю, вот, например, когда вот у нее был день рождения, мы с Машей накрывали стол и устраивали ей, значит.

— А что вы ей дарили?

— Ну я не помню там, духи какие-то... Ну, что обычно. Я не помню. Духи, по-моему, духи. Вот последний раз точно. Ну, мы никого не приглашали, но просто для нее... Я понимала, что она ценит, и поскольку Машка была к ней привязана, я была готова устроить все что угодно, еще спеть и станцевать, если понадобится (ж., 42 года, замужем, дочь 9 лет).

Зачастую работодатели предоставляют няням услуги неформального характера, используя свои собственные ресурсы. Так работает механизм неформального обмена (Ledeneva, 2002). Няни могут получить годовую прописку, «совсем почти новые» вещи, помощь в оформлении юридических документов, доступ к надежному врачу, учителей для своих внуков и детей, и пр. Все это учитывается как проявление ответственного отношения работодателей к наемным работникам, лишенным социальных гарантий. Работодательница рассказывает:

У меня ощущение, что... для нее, няни, это фактически единственный источник дохода, довольно важная такая часть доходов ее семьи. У меня просто есть ответственность как у работодателя за человека... то есть, например, если я, там, месяц не пользуюсь ее услугами, я понимаю, что должна что-то компенсировать. Ну и если у нее какие-то проблемы, там... Случались несколько раз случаи, что у нее там родственники заболели, или она очень хотела куда-то поехать... Я стараюсь с этим согласовать, потому что у меня есть чувство, что она от меня зависит (ж., 42 года, замужем, дочь 9 лет).

При нынешнем состоянии российской социальной политики выгоды для нянь от неформальной поддержки нанимателей могут быть чрезвычайно весомыми.

Диалектика контроля: социальная дистанция и вопрос эксплуатации

Отношения между няней и матерью — это отношения диалектики контроля (Гидденс, 2003: 498), при которых властные преимущества оказываются на стороне матери, но няня, со своей стороны, обладает ресурсами, позволяющими ей оказывать влияние на условия договора и правила взаимодействия. В некоторых случаях няня явно улучшает свои социальные позиции благодаря работе в домохозяйстве. Если доминирование работодателя в отношении наемного домашнего работника очевидно, то влияние няни нужно пояснить. Забота как труд и модус отношения к другому человеку сама по себе подразумевает контроль над объектом заботы (Здравомыслова, Тёмкина, 2007). Кроме того, возможности влияния няни (ее авторитативные ресурсы, если пользоваться терминологией Гидденса) усиливаются ее доступом в домашнее пространство, знанием приватных сторон жизни семьи и самим фактом ухода за ребенком, ценность которого в современной детоцентричной семье трудно переоценить.

Наниматели не только определяют условия договора, но на первом тестовом этапе осуществляют прямой, зачастую технически оснащенный контроль за исполнением домашней работы. Наши информантки (не все, конечно, но многие) ставят скрытые камеры и диктофоны, фиксирующие взаимодействия няни и ребенка. Контроль осуществляется также по телефону в течение рабочего дня. Особенно значим

контроль на первом этапе работы, когда персонализированное доверие — для которого требуется время — не установлено, и няня еще не стала квазичленом семьи.

Вот как описывают тактики контроля няни наши работодатели:

Сначала проверяла, сначала проверяла. Вот когда мы только начали няню брать, ну, когда взяли, я звонила просто каждые пять минут: все ли в порядке, как они доехали, как она поспала, там, не плакала ли она в метро... (ж., 29 лет, не замужем, дочь 5 лет).

Ну, пытались в начале, как бы вот, ставить диктофон и слушать... Но потом они очень быстро ушли на прогулку и ничего такого не было в наше отсутствие, такого уж криминального, наоборот, она как-то очень ласково всегда с ней. А потом мы перестали, как бы... Ну а что, мы, как бы, ей доверяем, если честно. Это в самом начале было, мы очень боялись, я боялась, например, что что-то будет не так, как-то не так будет с моим ребенком, а теперь, в общем-то... (ж., 32 года, замужем, сын 3,5 года).

Социальная дистанция отчетливо ощущается как наемными работницами, так и работодателями. Для обеих сторон оказывается чрезвычайно значимым то, как являет себя это неравенство на уровне повседневного взаимодействия лицом к лицу. Грубость или вежливость, феодальные отношения между домашней прислугой и совершенно обнаглевшими господами или дружеские и почти родственные отношения между работниками и нанимателями, принадлежащими к одному культурному кругу, — в таком диапазоне описываются информантами отношения неравенства. Сам характер домашней работы не позволяет сохранять отчужденные отношения между нанимателем и работником, характерные для других — внедомашних — видов труда. Это связано с тем, что забота о ребенке структурирована иначе, чем забота о вещах, т. е. труд домашних работниц.

Наши информанты рассматривают социальное неравенство через призму культуры отношений. Многие мамы впервые нанимают домашних помощников. Часто они поражены различиями между своими представлениями об уходе за ребенком и теми, которых придерживаются няни. С другой стороны, многие нынешние няни никогда не работали «в людях»:

Проблемы... вот, я знаю, что сейчас очень много проблем... когда людей нанимают на работу, то держат дистанцию. То есть, с одной

стороны, надо человека не обидеть, а с другой стороны — держать дистанцию и близко не подходить. Это очень трудно, это можно сделать только интуитивно. В свое время в дворянских семьях воспитывали это с детства. ...Вот, и там же, кстати, была манера воспитания детей: вот гувернантка, няня, мама — отец где-то рядом, и большая-большая дистанция. ...Вот, по-настоящему, здесь очень большой клубок проблем... **На самом деле, все сводится к этому умению держать дистанцию.** Вот, насколько я знаю, в перерывах между нами наша няня работала тоже няней у трех детей. Там было три мальчика, и их мама — владелица салона косметического какого-то. И там не очень получились взаимоотношения, я так поняла. То есть сначала они были слишком... ну, как обычно бывает: сначала слишком дружеские отношения, а потом обязательно расходятся, потому что когда ты захочешь высказать какое-то замечание, человек обидится, потому что ты уже допустил... Это в принципе... в принципе, эта проблема, она... ее нельзя вывести на проблемы няни и того человека, которого ты нанимаешь на уборку, не важно, экономки, и так далее. Это проблема руководителя (ж., 40 лет, не замужем, сын 9 лет).

Мамы-нанимательницы отмечают сложности формирования и освоения правил общения с наемными работниками — женщинами, находящимися от них в экономической и психологической зависимости и допущенными ими в домашний мир. Они видят в этом структурно-нормативный вопрос. Гендерный аспект — неравенство между женщинами, вовлеченными в заботу о доме (бесплатную и оплачиваемую), — делает участниц взаимодействия особенно чувствительными к проявлению неравенства. В ряде случаев ситуация усугубляется еще и тем, что няней является женщина, по возрасту годящаяся нанимательнице в матери. Неравенство иначе ощущается в домашнем мире взаимодействия, который предполагает эмоциональную вовлеченность и неформальные отношения. Мы видим, что в случае неформального домашнего труда грань между конвенциональным признанием неравенства и эксплуатацией размыта. Неформальный контракт зачастую провоцирует эксплуатацию как объективную, так и субъективно ощущаемую работниками. Нанимателей контролирует только собственная совесть и до некоторой степени сам работник. Других сдержек и противовесов — законодательных, общественных — не существует. Взаимодействие происходит в домашнем пространстве — фактически без свидетелей, которые могли бы в случае злоупотребле-

ний защитить работника или представлять его интересы. Однако от злоупотреблений спасает доверительный характер заботы о ребенке. Матери отдают себе отчет в том, что конфликт с няней может отразиться на ее отношении к ребенку:

Тем более когда речь идет о твоём ребенке, можно достаточно серьезно шантажировать, потому что я не откажу в этой ситуации, не откажу. Этот момент был, но это внутренний скорее конфликт, внешне он, конечно, никак не выражался. То есть... я все равно немножко больше всегда платила. Потому что она сидит с моим ребенком, исходя из этих соображений, но, в принципе, это тяжело, все равно тяжело (ж., 29 лет, замужем, дочь 2,5 года).

Фактически конфликтные отношения не развиваются и не преодолеваются: в таких случаях неформальный трудовой договор немедленно расторгается — и в этом его преимущество перед формальным контрактом. В ответ на вопрос о том, были ли у нее конфликты с няней, нанимательница отвечает:

Да нет, практически нет. Единственное, что тяжелый достаточно момент, когда ты понимаешь, что человек на совершенно другой финансовой ступеньке... ..Понимаете, у любого человека, который работает на кого-то, есть такой комплекс, что вот они богатые, а я бедный, и они должны мне больше платить. Поэтому, несмотря на все договоренности, конечно, иногда был такой момент, я всегда переплачивала, я просто не люблю, когда у меня просят деньги, — неудобно, мне просто неудобно (ж., 32 года, не замужем, сын 3 года).

Няни также очень чувствительны к проявлениям неравенства. Именно проявление неуважения, а не только нарушение правил устного договора они рассматривают как злоупотребление или эксплуатацию. В ответ на вопрос, в какой семье они ни в коем случае не стали бы работать, они среди прочего описывают семьи, где родители конфликтуют, ругаются между собой, невежливо обращаются с наемными работниками — «считают прислужой».

Структурно теневая занятость может быть описана через категорию эксплуатации, но при этом субъектом эксплуатации является не обязательно сам наниматель, а система. Работники этой сферы не платят социального налога, стаж их работы нигде не учитывается,

а значит, не оказывает влияния на пенсионные отчисления; они не могут рассчитывать на официально определенные отпуска с вознаграждением и на оплату больничных листов через фонды социального страхования.

Кроме того, существуют культурные предпосылки эксплуатации — отсутствие устойчивых норм отношений найма в сфере домашнего труда, усугубленные неформальным характером договора.

Рефлексивная работодательница отмечает:

Дело в том, что у нас в течение многих поколений... потеряна культура взаимоотношений между получением услуг и получателем... и приемом услуг. И когда у меня появились, вот, эти две женщины, я сразу поняла, что есть две страшные проблемы: это не впасть в дружеские отношения с людьми, которые у тебя работают, и не... ну, условно говоря, не поставить себя в ряд такой: богатый-распальцованный, а вы здесь у меня тля болотная, и так далее. И вот соблюсти эту грань очень сложно... (ж., 40 лет, не замужем, сын 9 лет).

Стороны осознают хрупкость доверия в условиях диалектики контроля. Но няни все равно продолжают работать — потому что для них работа в неформальном секторе экономики является единственно возможным заработком; потому что этот труд является дополнительным заработком, обеспечивающим финансовую независимость и пристойный уровень жизни; потому что для них вхождение в этот социальный слой дает возможность получить дополнительные блага и решить семейные проблемы. У некоторых нянь семейный престиж возрастает в связи с заработком и приближенностью к более высокому социальному слою. Часто работодатели компенсируют структурную эксплуатацию немонетарными формами вознаграждения, о чем мы уже писали. В таких случаях работники не признают того, что являются объектами эксплуатации.

Однако есть ситуации, когда няни чувствуют себя пролетариатом, которому нечего терять при разрыве устного трудового договора. По нашим данным, субъективное признание эксплуатации чаще наблюдается в тех случаях, когда няня живет в семье, а не является приходящей. Именно в этом случае нельзя провести отчетливой границы между рабочим временем и досугом няни. Няня работает практически все время, когда находится в доме, часто она поневоле совмещает функции ухода за ребенком, компаньонки хозяйки дома и уборщицы,

часы работы ее не определены, и она практически лишена частной жизни, а ее приватное пространство сведено к минимуму (см. также: Anderson, 2000).

Другой вариант признания эксплуатации связан с тем, что наниматели не выказывают надлежащего уважения и благодарности, которую подразумевает забота. Рынок оценивает труд няни относительно низко, несмотря на его символическую значимость. И потому в качестве компенсации этот труд требует символического признания в виде благодарностей, подарков, квазисемейного отношения. Если символическое признание не обеспечивается, няня склонна считать, что ее эксплуатируют.

Если няня ощущает на себе постоянный и мелочный жесткий контроль нанимателей, осуществляемый в домашнем пространстве, сталкивается с признаками недоверия, она также считает себя эксплуатируемой. С удивительным постоянством наши няни-информантки подчеркивают, что им нравится работать в тех семьях, где они *«чувствуют себя комфортно и уютно»* (sic! то есть *«как дома»*), где они чувствуют себя *«свободно»*, где их действия и передвижения не ограничиваются мелочным демонстративным контролем хозяев. Особенно чувствительны к отношениям эксплуатации няни, которые раньше были заняты в профессиях квалифицированного труда. Они ощущают себя депривированными не только по сравнению с нанимателями, но и структурно. Они уверены, что *«если бы общество было справедливым»*, им, постсоветским пенсионеркам, женщинам высокого уровня квалификации, имеющим большой трудовой стаж в бюджетной сфере экономики, не пришлось бы работать *«в людях»*.

В качестве других моментов эксплуатации няни называют прежде всего нарушение устного трудового договора: не соблюдение мамами временных условий устного договора (опоздание, неурочные задержки выплат), интенсификацию занятости. Далее няня перечисляет случаи недобросовестности работодателей:

И когда вдруг слышишь такие несуразные вещи, думаешь: как же так можно? Такие вещи! ...ну, то есть, ну, масса... Ну какие, там, допустим... Ну, пришла отработать пять часов, а ушла — сутки прошли. Ну как вот так можно? И, плюс, тоже очень отношения плохие, допустим, хамские. Человек, там, работает, а ему, там, не платят зарплату... Или, там, накричал кто-то, или там сказал, помой, допустим, сегодня полы, а завтра окна. Тебе же делать нечего, вот, ребенок спит!

У меня знакомая работала сама няней. Мы ровесницы. И она, кстати, прекрасная тоже, я думаю, была няня. Она, знаешь, такой бодрый и веселый человек. Но ее хозяйева сами... вытеснили. Они стали на нее много навешивать: еще заодно и пол помой, заодно еду приготовить. Ну это же нереально быть няней! Ну тогда это надо больше денег платить (няня, 57 лет, замужем, взрослые дети).

Итак, хотя по экономическим критериям домашний труд неформальной няни попадает под категорию эксплуатации, однако няни и нанимательницы далеко не всегда признают это. Такое «непризнание» связано с рядом обстоятельств. Во-первых, в большинстве случаев няни не переживают синдрома относительной депривации. Зачастую это их единственный заработок, который гораздо выше, чем их прежний оклад, и выше, чем их пенсия. Мы усматриваем в этом одно из противоречий социальной мобильности — статусный кризис, характерный для современных российских условий. Понижая профессиональный статус по сравнению с основной или предшествующей работой, многие няни повышают экономический статус.¹⁰

Во-вторых, характер домашнего труда таков, что затрудняет осознание эксплуатации. Этот труд включает эмоциональную составляющую, заботу о другом, которая предполагает высокую степень эмоциональной привязанности и возможность осуществления контроля. Няни любят тех, о ком заботятся. Труд, который наделен таким смыслом, такой ценностью для них самих и для родителей-нанимателей, затрудняет признание эксплуатации. Няни часто признаются: *«Я люблю этого ребенка, как родного. Конечно, денег я получаю немного за него, но они больше не могут платить»*. Любовь и доверительные отношения переосмысливаются как эксплуатация только при явном нарушении неформальных правил взаимодействия.

В-третьих, препятствует осознанию эксплуатации то, что оплата труда не сводится к финансовым выплатам. Няни получают символи-

¹⁰ Феномен статусного несоответствия описывается как эффект транснациональных миграций, когда филиппинские женщины, работающие в Гонконге или в США, по образованию и профессиональному статусу равны нанимателям, но в случае найма в домашние работники свой статус понижают, зарабатывая при этом гораздо больше, чем получали бы на родине, работая в соответствии с профессиональной подготовкой (см.: Ehrenreich, Hochschild, 2003).

ческое признание, которое приручает их к семье. Так, например, няне покупается отрез, ей оплачивается пребывание в больнице, ей оформляется инвалидность по «знакомству».

Все эти меры компенсации имеют двойственный смысл. С одной стороны, их можно рассматривать как немонетарную часть заработка. С другой стороны, в них воспроизводится логика дара (Мосс, 1996), поддерживающего неформальные отношения взаимных обязательств, *квазиродственные* отношения сторон, не сводимые к инструментальным (Gregson, Lowe, 1994; Anderson, 2000). Няни становятся как бы членами семьи. Но это именно «как бы». Они на положении «бедных родственников» или, как говорит одна из информанток, «младших подруг»:

Уже няня у нас, как подруга. То есть она может так позвонить, узнать, как дела, там, на праздники, у нее родился ребенок, там, я ее, допустим, веду куда-нибудь в ресторанчик, или там что-то. Ну, уже какие-то такие, более такие дружеские отношения уже; няня у нас, как подруга (ж., 29 лет, замужем, дочь 5 лет).

В-четвертых, нянин труд характеризуется высокой степенью автономии; неформальный характер занятости предполагает возможности изменения часов работы, незапланированных отпусков, иными словами, гибкий режим занятости, построенный на договорной основе. При этом няня вправе в любой момент расторгнуть договорные отношения и не имеет никаких формальных обязательств перед нанимателями. «*Повернулась и ушла*», «*Это дело совести*» — вот на такое отношение в ряде случаев и жалуются наши информанты-работодатели. Семья в большой степени зависит от няни. Хорошей няней дорожат, стараются сильнее привязать ее к семье, опутать взаимными обязательствами квазиродственного характера. Поскольку у няни есть власть расторгнуть отношения в любой момент, манипулировать ребенком, давить на родителей, она не чувствует себя в положении эксплуатируемой. Кроме того, сами наниматели при современной бизнес-интенсивности тоже могут позволить себе няню лишь на условиях гибкого неформального договора, когда можно лавировать в случае непредсказуемого изменения условий найма. Итак, в работе няни воспроизводится дилемма члена семьи и наемного работника.

Хрупкость неформального договора в сфере домашнего труда по уходу за ребенком связана с персонализированным доверием. Многое

в этих отношениях зависит от доброй воли нанимателей и работников, от уровня их общей культуры и воспитания, является «делом совести» сторон. Няня не осознает свое положение как эксплуатацию, потому что если она выйдет из этих отношений, то материально жизнь ее будет гораздо хуже, чем прежде, а условия неформального контракта и типа работы дают ей власть распоряжаться собой и влиять на условия игры.

Заключение

Наше исследование показывает, что структурные трансформации российского общества влекут за собой изменения гендерного контракта. В современных условиях гендерный контракт «работающая мать» держится на многих институциях. Одной из его особенностей является иерархия и коммерциализация заботы. Домашний труд по уходу за детьми — труд няни — чрезвычайно востребован. В значительной степени этот спрос удовлетворяется неформальным рынком труда. И няни, и молодые мамы проявляют заинтересованность в неформальном контракте. Это связано и с доверительным характером услуги, и со значимостью персонализированных отношений в случае купли-продажи заботы. Неформальный контракт имеет свои преимущества. К ним относится переговорный характер всех условий найма, возможность безоговорочного разрыва устного соглашения, не влекущего за собой никаких санкций. Оплачиваемый уход за ребенком предполагает символическое признание значимости домашнего труда в виде дополнительных выплат, подарков, предоставления услуг социального характера. Именно поэтому «теневые няни» в основном не воспринимают свою работу как эксплуатацию, хотя структурно она, несомненно, оказывается таковой из-за отсутствия социальных гарантий. Структурно отношения няни и мамы — это отношения диалектики контроля, основанные на хрупком взаимном доверии. Такие отношения рассматриваются няней как эксплуатация в том случае, когда наниматели нарушают негласные нормы уважительного взаимодействия и ведут себя с нянями, как помещики с крепостными дворовыми (феодалный тип отношений). Мама и няня своими отношениями воспроизводят женский мир заботы. Но при этом обостряется гендерная стратификация, разделяющая женщин, принадлежащих к разным социальным классам. В условиях неразвитого социального государства и культурной типизации гендерных ролей

эмансипация от домашней работы женщин среднего класса возможна лишь за счет воспроизведения гендерного неравенства. Можно только надеяться, что постепенно стабилизация правил рыночного обмена, формирование культуры взаимодействия в системе оплачиваемого домашнего труда и гарантии социальной политики приведут к большей формализации рынка услуг по уходу за детьми. Но до сих пор бебиситтеры не вытеснили традиционных нянь, спрос на которых обусловлен изменяющимся гендерным порядком.

Традиционными нянями оказываются социальные мигранты, которые никогда бы не стали работать «в людях», если бы не разрушение пенсионной системы, убогие заработки работников бюджетной сферы, ущербный статус мигрантов.

Няни не только эксплуатируются, они становятся сильными, обеспеченными, осваивают культурные практики среднего класса и молодого поколения. Они становятся экономически независимыми от своей семьи, даже, наоборот, приобретают в ней авторитет благодаря тому, что могут поддерживать детей и в состоянии обходиться без их помощи. Тезис об эксплуатации нянь нуждается в переосмыслении. Это противоречивая ситуация, при которой эксплуатация может сопровождаться ростом социального, культурного и экономического капитала и возможностями контроля нанимателя. При этом речь идет о денежном измерении заботы, что становится законом капиталистического общества, склонного низко оценивать то, что люди ценят очень высоко — практическую любовь к ближнему.

Литература

- Баранская Н. (1969). Неделя как неделя, *Новый мир*, № 11.
- Гидденс Э. (2003). Глоссарий, в кн.: Э. Гидденс. *Устроение общества: Очерки теории структуриации*. М.: Академический проект.
- Евдокимова Е. (2004). *Женская ниша на рынке труда Санкт-Петербурга*. СПб.: Изд-во Политехнического университета.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2007). Патриархат и женская власть, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред. *Российский гендерный порядок: Социологический подход*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, с. 69—95.
- Кессели К., Регушевская Е.В., Дубикайтис Т.А., Кириченко С.И., Роткирх А., Хаавио-Маннила Э., Кузнецова О.Ю., Хемминки Э. и РЕФЕР-группа (2005). *Репродуктивное здоровье и фертильность в Санкт-*

- Петербурге. Отчет по результатам опроса, проведенного среди женщин от 18 до 44 лет в 2004 г.* Department of Sociology, University of Helsinki and STAKES. Working papers N 60.
- Коллонтай А. (1923). Революция быта, в кн.: *Труд женщины в эволюции хозяйства*. М.; Пг. Перепечатано в кн.: *Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай*. Тверь: ФеминистПресс—Россия, 2003.
- Малева Т., ред. (2003). *Средние классы в России: экономические и социальные стратегии*. М.: Гендальф.
- Мосс М. (1996). Очерк о даре, в кн.: Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: «Восточная литература», с. 140—141.
- Мур Э., Эткинд А. (2004). Утомленные солнцем, унесенные ветром: суррогатное материнство в двух культурах, в кн.: С. Ушакин, ред., *Семейные узы: модели для сборки*. Кн. 2. М.: НЛЮ.
- Роткирх А., Тёмкина А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социс*, № 11, с. 4—15. Полная версия напечатана в кн.: И. Новикова, ред., *Гендер. Культура. Общество*. Рига: Проект «Женщины Балтии», 2003, с. 58—97.
- Семёнова В. (1996). Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения, в кн.: *Судьбы людей, Россия. XX век*. М.: Институт социологии РАН, с. 144—179.
- Черненко Е. (2007). Хозяйка мятой горы, *Русский Newsweek*, 16—22 апреля, № 16 (142).
- Anderson B. (2000). Why Madam Has so Many Bathrobes: Demand for Migrant Domestic Workers in the EU, *Economic and Social Geography*, N 92 (1), p. 18—26.
- Crompton R. (1999). Discussion and Conclusions, in: R. Crompton, ed. *Restructuring Gender Relations an Employment. The Decline of the Male Breadwinner*. Oxford; New York: Oxford University Press, p. 200—214.
- Ehrenreich B., Hochschild Arlie R., eds. (2003). *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. Metropolitan Books.
- Gregon N., Lowe M. (1994). *Servicing the Middle Classes*. London: Routledge.
- Hochschild A. (1983). *The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling*. London: University of California Press.
- Hochschild A. (1997). *Time Bind*. Metropolitan Books.
- Ledeneva A. (2001). *Unwritten Rules: How Russia Really Works*. London: Centre for European Reform.

Евгения Ангелова, Анна Тёмкина

ОТЕЦ, УЧАСТВУЮЩИЙ В РОДАХ: ГЕНДЕРНОЕ ПАРТНЕРСТВО ИЛИ СИТУАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ?

В России за последние десять лет все большее распространение получает присутствие отца при рождении ребенка. Мы называем этот феномен участием отца в родах. Отцы, ожидая рождения ребенка, посещают консультации вместе с женами или подругами, ходят на курсы по подготовке к родам, принимают решение о выборе роддома, присутствуют на родах, активно участвуют в уходе за новорожденным, — т. е. все более вовлекаются в те практики, которые ранее считались исключительно или преимущественно женскими. В настоящее время появились новые институциональные возможности, позволяющие обеспечивать более активное вовлечение отца в эти процессы.

В данной статье мы исходим из социально-культурной вариативности понятий «отцовство», «материнство», «родительство». Как показывает феминистская исследовательница Н. Ходоров, нуклеарная семья среднего класса второй половины XX в. характеризовалась асимметричной структурой родительства, при которой женщины осуществляют особые практики «материнства» — т. е. повседневной заботы о детях (mothering). Однако, как полагает Ходоров, при изменении структуры родительства отец может быть гораздо активнее включен в него (Ходоров, 2000). В современных гендерных и феминистских исследованиях изменяются интерпретации «материнства» и «отцовства». Они более не считаются фиксированными, биологически заданными ролями, поэтому анализ смещается в сторону институциональных условий и практик их осуществления (в терминах «parenting», «mothering», «fathering» — см.: Гурко, 1997; Михеева, 2001). Исследователи фиксируют ослабление поляризации отцовских

и материнских ролей, увеличение многообразия конкретных практик родительства и постепенное формирование модели «сознательного родительства» или партнерства (Гурко, 1997, 2000). К новым практикам, конституирующим родительские роли, относится активное включение отца в осуществление заботы, которое начинается уже на стадии беременности и родов. Такие практики по-разному влияют на родительские роли, связанные с социально-культурным контекстом и конкретными институциональными условиями. Здесь мы рассматриваем процесс включения отца в роды в современной образованной российской городской среде.

Постсоветские гендерные роли, практики и идентичности имеют высокую степень преемственности по отношению к советскому периоду, который исследователи описывают как «этакратический гендерный порядок» (Здравомыслова, Тёмкина, 2004). Этот порядок подразумевал поддержку государством роли женщины-матери и обеспечение ее необходимыми ресурсами (декретные отпуска, пособия на ребенка, бесплатные ясли, детские сады, больницы и т. д.). Доминирующим гендерным контрактом был контракт «работающая мать», при котором материнство вменялось в гражданскую обязанность каждой женщине. Ответственность за воспитание детей распределялась между государством и семьей, а повседневная забота о детях в основном осуществлялась женщинами, в том числе старших поколений (Тёмкина, Роткирх, 2002). «Только матери “имеют” детей в российском обществе. Отцы не принимаются в расчет ни социальными институтами, ни обществом в целом. Дискриминация отцов как родителей — типичное явление» (Zdravomyslova, 1996: 46). Модель советского отцовства предполагала прежде всего выполнение им инструментальной роли. И хотя повседневные практики отцовства могли осуществляться и без структурной и политической поддержки, они, как правило, не предполагали постоянной заботы и эмоциональной включенности в воспитание. Считалось, что присмотр за детьми отвлекал мужчину от *настоящей работы* (Kukhterin, 2000). Государственная политика поддерживала и воспроизводила асимметричную структуру родительства, отождествляя его с материнством и отчуждая отцов от приватной сферы.

Отец, как правило, включался в воспитание ребенка по достижении им возраста двух-трех лет. Предшествующие стадии — беременность, роды и уход за новорожденным — считались исключительно женскими практиками, в которых мужчины не принимали активного

участия.¹ Социолог Т. Бараулина выделяет три вида стратегии мужчин в отношении к беременности и деторождению. Во-первых, это отстранение и непричастность, во-вторых, это «сила последнего слова», означающая принятие окончательного решения, и, в-третьих, это абстрактное морализирование по поводу происходящего (Бараулина, 2002: 384). Во всех случаях, по мнению исследовательницы, мужчина исключен из сферы ответственности за потенциальное материнство/родительство: он либо вообще не участвует в принятии решения, либо, когда его ставят в известность, реагирует на событие. Такие практики мужчин во многом сохраняются и в постсоветском обществе. Однако происходят и значительные изменения, которые будут рассмотрены далее.

В данной статье сначала описываются новые институциональные возможности организации родовспомогательной деятельности, допускающие присутствие отца. Затем рассматриваются проблемы недоверия к системе родовспоможения и стратегии его преодоления, одной из которых является выполнение отцом роли посредника между беременной женщиной и медицинским персоналом. После этого реконструируются основные модели участия отца в родах. Эти модели различаются в зависимости от интерпретации участниками «совместных родов», от степени подготовленности будущего отца к родам и степени его вовлеченности, от способа взаимодействия супругов во время родов, от разделения их гендерных ролей и пр. На основании эмпирического материала выделены модель сознательного участия (мужчина тридцати лет говорит — *«я как будто сам родил»*) и модель ситуативного присутствия, когда мужчина оказался на месте событий либо случайно, либо исключительно по инициативе жены (мужчина двадцати девяти лет говорит: *«[я] просто на месте событий был»*).

Эмпирическое исследование было осуществлено Е. Анжеловой в 2005 г. в Санкт-Петербурге. В качестве метода использовалось полуструктурированное интервью. Было проведено двенадцать интервью с мужчинами и женщинами в возрасте от 24 до 34 лет, которые «ро-

¹ В традиционных культурах, в том числе в русской, роды считались исключительно женским событием — никто из посторонних, даже отец, не мог присутствовать при них. Согласно православным канонам, роды загрязняют и оскверняют женщину, ребенка, а также присутствующих при них и помещение, в которых они проходили (Levin, 1991).

жали вместе» (шесть женщин и шесть мужчин, среди них — четыре супружеские пары). Большинство информантов — люди с высшим образованием. Используются также два интервью с акушерками, принимавшими участие в «совместных родах» (см. Приложение 1) и анализ документов — сайтов роддомов (см. Приложение 2).

Рассмотрим далее новые возможности организации родов, допускающих присутствие отца и его подготовку к родам.

Семейные роды — новые институциональные возможности репродуктивной медицины

В советский период не существовало институциональных условий, позволяющих будущим отцам принимать участие в родах и готовиться к ним вместе с беременными женщинами. Гинекологи и акушерки рассказывают, что на базе женских консультаций были организованы занятия по подготовке беременных женщин к родам, но они не пользовались спросом, а будущие отцы до 1990-х гг. в принципе не имели доступа к таким занятиям. Не существовало и документов, регламентирующих присутствие отцов при родах.

Участие «третьих лиц» было регламентировано приказом Минздрава РФ № 345 от 26.11.1997 «О совершенствовании мероприятий по профилактике внутрибольничных инфекций в акушерских стационарах» (Министерство здравоохранения Российской Федерации, г. Москва, п. 3.10). В соответствии с ним, «присутствие мужа (близких родственников) при родах возможно при наличии условий (индивидуальные родзалы), отсутствии у посещаемого лица инфекционного заболевания (ОРЗ и др.), с разрешения дежурного врача с учетом состояния женщины. Родственники, присутствующие при родах, должны быть в сменной одежде, халате, бахилах, маске (в родзале)». Приказ не регламентирует оплату присутствия мужа, однако необходимым условием является наличие индивидуального родильного зала, который, как правило, является платным. Рассказывает акушерка высшей категории:

Вообще-то мы обязаны, на самом деле, есть некое правило пускать мужчин бесплатно на роды, если они этого хотят... 345-й приказ по роддомам. Дело в том, что для этого должен быть индивидуальный

родзал, но мы не всегда можем их себе позволить... Во-вторых, это способ, на самом деле, зарабатывания денег. То есть у народа в сознании, что если ты заплатишь деньги, то мужа пустят, и роддома этим успешно пользуются (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Бесплатное присутствие отца затруднено из-за дефицита индивидуальных родильных залов. Поэтому пары, собирающиеся «рожать вместе», как правило, должны оплатить услуги, заключив договор с роддомом, или сделать это неофициально. Типовой договор с роддомом предполагает обеспечение индивидуальным родзалом и ведение родов конкретным акушером, выбранным парой заранее (для выбора широко используются ресурсы Интернета и социальные сети). В договоре такой тип родов имеет название «семейные роды», на которых допускается присутствие любого третьего лица (мужа, родственника, знакомого). Договор может также включать предоставление послеродовой палаты, где отец имеет возможность находиться вместе с матерью и ребенком. Цена услуг в обычном петербургском роддоме на отделении платных родов в 2005 г. составляла от двухсот до трехсот долларов. Договор может быть заключен официально, или деньги за ведение родов могут быть заплачены непосредственно акушерке, с которой имеется личная договоренность.

Теоретически все рожают в отдельных специальных палатах, специально оборудованных. Но реально народу раза в два больше, поэтому в отдельных палатах рожают те, кто платно договорился с акушерками, акушерка им находит места. А те, которые бесплатно, — те, как придется [усмехается]... Те, которые платно с акушерками, акушерки как-то ищут пути, стараются, чтобы сразу в палату женщины попала (Екатерина, 24 года).

По свидетельству информантов, практика неформальных договоренностей является широко распространенной:

Мои все знакомые неофициально рожали... Я говорю [акушерке]: «Можно я Вам после родов отдам деньги?» — «Конечно, конечно, у нас полное доверие». Мол, без вопросов. Видимо, всегда так и делается. И уже потом через, там, дня два мама моя принесла деньги... неофициально, но у них такая практика есть, потому что вообще,

по-моему, пятьдесят процентов, кого я спрашивала, пятьдесят процентов рожали платно и многие из них вот именно так, как и я (Екатерина, 24 года).

В обоих случаях — официальной и неофициальной оплаты — допускается присутствие мужей при родах.

Семейные роды, как правило, предполагают улучшенные условия индивидуальных родзалов. Предоставляется широкий спектр услуг и разнообразное специализированное оборудование.² Медперсонал (акушерки, врачи, медсестры) владеет различными методиками подготовки и ведения родов. Семейные роды проходят в комфортабельных индивидуальных родильных залах. Помимо необходимого медицинского оборудования, в родзале имеются различные приспособления, позволяющие уменьшить усталость и болевые ощущения, снять напряжение — мячи, пуфы, канаты. Женщина может выбирать положение тела во время родов (при отсутствии медицинских противопоказаний). Возможно использование музыкального и визуального сопровождения родов для релаксации роженицы. В родзалах имеются гидромассажные ванны, в которых может протекать первый период родов. Разрешается фото- и видеосъемка. Предоставляется возможность присутствия психолога, который помогает женщине управлять своим состоянием в период схваток и потуг.

В дородовый период мужчинам предлагается пройти соответствующую подготовку, посещая групповые занятия вместе с беременными женщинами. На занятиях будущим отцам рассказывают об особенностях протекания беременности, о самих родах, о послеродовом периоде, о роли отца в воспитании ребенка. Рассмотрим, как организованы такие курсы на примере центра активных естественных родов «Радуга» при роддоме № 15 Санкт-Петербурга.³

² Например, отделение «Семейные роды» в родильном доме № 18 (<http://www.rody.sp.ru/hospital/struct/>). Аналогичный сервис предоставляют и некоторые другие роддома.

³ Центр активных естественных родов «Радуга» широко известен в городе, информанты часто ссылаются на него или упоминают данный центр как нечто уникальное. Он был организован в 1997 г. акушеркой Ириной Иванович на базе родильного дома № 15. Помощь в создании центра оказали коллеги из американского медицинского колледжа города Нью-Рошель. Основную идею центра «Радуга» его сотрудники видят в «подготовке семьи к родам и проведение родов в комфортной обстановке ро-

Центр «Радуга» принимает на обучение пары, ожидающие ребенка. Посещение курсов по подготовке к родам является необходимым условием родов в этом центре. На курсы допускаются женщины с пятнадцати до двадцати пяти недель беременности и их мужья. Акушерка набирает группу, занятия в которой проходят три месяца. Предполагается, что эта акушерка будет принимать роды. Именно поэтому важно за время обучения достигнуть взаимопонимания и установить доверительные отношения:

...акушерка наблюдает женщину, и если женщина выполняет рекомендации акушерки, они друг другу нравятся, только тогда они могут говорить о родах у нас (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Занятия проходят раз в неделю, их продолжительность — около пяти часов, стоимость составляет триста рублей (около десяти долларов), независимо от того, участвует женщина одна или с мужем (или с кем-то из близких). Кроме того, супруги посещают бани, бассейны, арендованные этим центром, занимаются гимнастикой. В среднем, учитывая посещение курсов, бассейна, бани, пара занимается два-три раза в неделю. Общая цена всех услуг, включая роды, около тысячи долларов.

Будущие отцы допускаются на все занятия, однако есть темы, на которые их приглашают специально: на организационное занятие, где оговариваются требования и условия оплаты, на занятие по предвестникам родов, на лекцию по обезболиванию родов, где их учат массажу, использованию душа или ванны, помогающим уменьшить болевые ощущения при родах. Супруги слушают лекции по купанию и гимнастике новорожденного. Мужчин также просят прийти на занятие по контрацепции, а затем выполнить контрольную работу. Акушерки считают, что роды требуют планирования и организационной подготовки. Особо подчеркивается то, что у мужа и родствен-

дильного дома с теми специалистами, которые готовили семью в течение беременности». Также центр пытается показать, что «при тщательной подготовке семьи к родам, сознательном отношении родителей к предстоящему событию, использовании естественных методов профилактики и индивидуальном подходе специалистов необходимость в медицинских вмешательствах сводится к минимуму». В данный момент в центре работают пять акушерок, которые ведут акушерскую историю беременности и родов каждой пары (<http://raduga-birth.spb.ru/>).

ников не должна быть разрушена повседневная жизнь, их профессиональная деятельность также не должна пострадать.

[Необходимо,] чтобы папы были готовы, что если роды слабые, чтоб они на работу шли... Вот идея есть, в частности, чтобы человек получил удовольствие, чтобы это был праздник для семьи, а не такая работа безумная, после которой все дышат, и все порушено, все планы порушены, все родственники на рогах стоят, — это абсолютно не то. То есть хочется сделать праздник. Поэтому вот у нас лекция по предвестникам, мы говорим, что, как реально... чтоб человек мог запланировать свою жизнь... То есть эти вещи должны быть рассчитаны на мужской такой ум (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Акушерка Л.Ш. на основании своего опыта описывает неформальные практики отношения к будущему отцу со стороны медперсонала. Она считает, что для мужчин, участвующих в родах, нужно создавать специальные, хорошо продуманные условия, учитывающие фактор стресса, специфику мужской роли, особенности «мужской природы» и пр. Во-первых, им необходимо «найти занятие», «дать конкретное дело».

Занимать — это значит, что ему нужно придумывать дело, если он сам его не может себе придумать. Значит, если он сидит в углу и смотрит, как человек дышит, его надо послать за минеральной водой, на улицу, да, или за фотопленкой. Куда-нибудь его послать, что-нибудь ему придумать, да... Некоторые папы, например, им сказать надо, где что массировать... Можно поставить ее под душ и дать ему в руки насадку и говорить — поливай ее сверху... При этом ему надо дать возможность обязательно покурить, сказать, где туалет, где он сможет поговорить по телефону, потому что у него дела, и ему звонят с работы, он должен иметь возможность жить в это время нормальной жизнью (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Во-вторых, необходимо определить место мужчины в родзале с учетом его желания:

...его нужно ставить... это уже искусство акушерки, но обычно они сами говорят, на что он готов смотреть. Если он готов смотреть на, ну там, промежности, ягодицы и так далее, то — ради бога! (Л.Ш., акушерка, 44 года).

В-третьих, мужчину необходимо поддерживать физически, в первую очередь кормить:

Третье правило — кормить. Обязательно. Даже если папа на родах успел побывать полчаса... им надо обязательно дать в зубы хоть что-нибудь... И дело в том, что у них на стрессе меняется обмен веществ... и все эти разговоры, что папы падают в обморок, они никогда не упадут в обморок сытые, никогда! Вот тысячи человек у нас было, ни один еще не упал. Потому что им надо сахар усиленно восполнять... Это задача акушерки — проследить... (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Мужчина репрезентируется медперсоналом как участник родов, по отношению к которому необходимо выстраивать специальные стратегии, «чтобы от него был толк». Ответственность за «правильное поведение» отца возлагается прежде всего на акушерку. Итак, будущий отец должен быть обучен, его действия необходимо контролировать, ему необходимо помогать и заботиться о нем.

Необходимо отметить, что не во всех роддомах от будущих отцов требуется обязательная подготовка к родам. Часто мужчины приходят непосредственно на сами роды, не пройдя специальных курсов, имея при этом оплаченный договор:

К нам приходят люди извне. Они, как правило, все, ну девяносто процентов, неподготовленные к родам. Они просто зашли в наш центр, купили полис, приехали к нам на роды и ничегошеньки не знают о том, что с ними будет происходить — что с папой, что с мамой, что с ребенком (И.Б., акушерка с 25-летним стажем, 46 лет).

Будучи не подготовленными к родам, такие мужья, по мнению акушеров, только создают помехи и дополнительные проблемы:

Бывают мужья совершенно не подготовленные ни к родам, ни к виду крови, ни к рождению ребенка вот в этих условиях... Есть такие, кто падают в обморок, мамы кричат... И откачиваем мы уже папу (И.Б., акушерка, 46 лет).

В этом случае от мужчин не требуется компетентности, по отношению к ним не выстраиваются специальные стратегии и оплата услуг является единственным условием их участия в родах.

Итак, в одних родах выстраивается целенаправленная политика в отношении семейных родов, в том числе подготовка к ним отца, в других — реализуется преимущественно коммерческий интерес, в том числе связанный с присутствием отца при родах. В первом случае медперсонал следует стратегии создания комфортных условий, повышения информированности и готовности участников. Во втором случае специальная подготовка не осуществляется, отец не является информированным и компетентным участником событий.

С чем же связан растущий спрос на участие российских отцов в родах? Это мода или насущная потребность молодых пар? Ответить на этот вопрос поможет анализ отношения клиентов к системе родовспоможения.

Дефицит институционального доверия к медицине и стратегии его преодоления

Исследования указывают на высокую степень недоверия российских граждан к учреждениям репродуктивной медицины (Белоусова, 1996; Щепанская, 1999; Rivkin-Fish, 2005; см. также: Браун, Русинова, 1993; Аронсон, 2006). Мы полагаем, что во многом это недоверие связано с наследием советского периода, при котором беременность и роды были во многом скрыты от посторонних (включая ближайших родственников), а медицинское обслуживание воспроизводило принципы функционирования тотальных институтов (Белозёрова, 2002). Некоторые авторы пишут о репрессивном характере репродуктивной медицины, которая выступала «исполнительным органом публичного морального порядка» (Бараулина, 2002: 386). Репрессивный характер медицины, породивший недоверие к ней как к институту, отражен в многочисленных «страшилках» в рассказах о беременности и родах, о конфликтах с медперсоналом.

Структура отношений врача и пациента характеризуется асимметрией, при которой пациент подчиняется предписаниям врача. «Взаимоотношения врача и пациента в России носят определенно патерналистический характер, основанный на неравенстве в лечебно-диагностическом процессе сторон, безоговорочном подчинении действий пациента предписаниям врача» (Назарова, 2004: 142, 146). Т. Щепанская, изучая институт родовспоможения, рассматривает его как систему взаимодействия двух субкультур: с одной стороны, про-

фессионалов (врачей, медперсонала), с другой — женщин-клиентов (Щепанская, 1999). Взаимоотношения между ними описываются в терминах патроната как проявления власти. Позиция женщин в такой ситуации является объектной, пассивно-подчиненной, зависимой от безличной власти медперсонала. Власть реализуется техниками деперсонализации женщины. Для описания этих техник исследовательница использует метафоры *смерти* и *безумия*. Метафора смерти означает, что, попадая в родильное отделение, женщина как личность практически исчезает, «присутствуя только в виде тела, как пассивный объект манипуляций, лишенный собственной воли: как будто это мертвое тело». Метафора безумия основана на укорененном в культуре стереотипе — ассоциации беременности с временным помутнением рассудка, когда психическое состояние роженицы идентифицируется как «измененное», т. е. отклоняющееся от нормы. Эти метафоры описывают деперсонализацию как отрицание способности женщины к разумному действию, как лишаящую ее суверенного «я». Система родовспоможения, обладая монополией на знания и действия, позиционирует женщину как пассивный объект, «тело», «лишенное собственного разума, знания и способности действовать». Система пресекает попытки женщины выйти за рамки пассивной роли. Наиболее показательным в этом отношении выступает ограничение двигательной активности (навязывание женщине определенного — горизонтального — положения), а также речевой и познавательной активности, примером которого является «безразличие» персонала, который игнорирует роженицу. Как подчеркивает Щепанская, к подчиненной роли женщину готовит культура — как непосредственно в рамках системы родовспоможения, так и через систему культурных стереотипов, например восприятия беременной женщины как «больной», не способной эффективно и самостоятельно действовать.

В ответ на деперсонализацию женщины-пациентки вырабатывают стратегии, блокирующие действия власти. К таким стратегиям относятся: отрицательное маркирование институциональной организации и поступающей от него информации; демонополизация институционального знания и разрушение статуса «пациентки». В первом случае система родовспоможения и ее медперсонал маркируются женщинами как «чуждые» (примером является нарратив о «неудачных родах» по вине плохих медработников). Приемами демонополизации институционального знания выступает нарратив о неправоте врачей и ошибочности медицинского знания, которому противопоставля-

ется практическое материнское знание. В качестве альтернативных авторитетов выступают домашние повитухи и обычные женщины, имеющие опыт родов. Наконец, деконструкция статуса «пациентки» и его ключевых компонентов — пассивности и болезненности — происходит через придание родам статуса «нормальности», избегание упоминаний об осложнениях, сохранение активности до самых родов. Женщины восстанавливают свой статус, рассказывая в послеродовых палатах о своем опыте. Таким образом, Щепанская рассматривает институт родовспоможения как реализацию социальной власти, а женскую субкультуру — как средство адаптации к этой власти путем ее частичного блокирования.

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что дефицит институционального доверия к системе родовспоможения, во-первых, связан с репрессивным характером медицины, выступавшей «исполнительным органом публичного морального порядка» в советское время. Во-вторых, он связан с (полу)тотальным характером данных институтов — их закрытостью, монополией на знание, властной позицией врачей по отношению к пациенткам, агрессивным проявлением надзора (невнимательное или грубое отношение медперсонала). В-третьих, дефицит доверия может выступать следствием недостаточного ресурсного обеспечения данной системы (нехваткой медикаментов, медперсонала, индивидуальных родильных залов и т. д.). Наконец, недоверие наряду с указанными факторами основывается на негативном личном опыте и негативных стереотипах, связанных с опытом беременности и родов.

В постсоветское время репрессивная функция и моральный авторитет медицины частично утрачивают свою силу (Бараулина, 2002). С 1990-х гг. государство теряет монопольный контроль над ведением беременности и родами, что во многом связано с коммерциализацией медицины. Появляется возможность платных родов, где пациент уже становится клиентом, соответственно меняется и тип отношений. «Контроль тотального института частично преодолевается благодаря персонализации “надзирателей”, путем выбора врача, с которым складываются отношения доверия» (Белозёрова, 2002: 363). В цепочке врач—женщина—пациент появляется «третье лицо» (муж или родственник), которое может осуществлять контроль над действиями медицинского персонала.

Перейдем теперь к рассмотрению проблемы дефицита институционального доверия к системе родовспоможения, опираясь на данные

проведенного нами эмпирического исследования. Для всех информантов характерна высокая степень недоверия к системе родовспоможения в целом, т. е. к женским консультациям и роддомам. Такое недоверие распространяется прежде всего на бесплатную медицину советского образца. Информанты дают ей негативные оценки, пересказывая «страшилки» о беременностях и родах. Их нарративы отсылают как к опыту близких, так и к текстам, в которых отражен данный опыт. Проиллюстрируем примерами из интервью:

Я читалась разных работ, в которых изучались роддома, социологических как раз, типа Щепанской. Вот, и читалась разных ужасов. Мне казалось, что это ужасно страшно, ужасно больно и вообще совершенно непереносимо... Я как раз очень боялась, что проблемы будут, то, что врачи будут, ну, как-то ругать меня или что-то (Екатерина, 24 года).

Вообще женщины любят рассказывать ужасы. Это всем известно. Про то, как это было ужасно, как это было все вообще мучительно... вообще, мама рассказывала много негативных тоже вещей... какие-то такие эпизоды маленькие, как у нее, значит, капала кровь, и она пыталась вытереть. Попросила у нянечки тряпку, она ей сказала: «Ты чё, дура что ли? Какая тряпка тебе?» Ну, что-то типа того. Вот это, там, советское время, естественно. Ну, она так, таким образом грубым типа позаботилась о ней — не вытирать же тебе, там, за собой, типа я все вытру. Или она так ходила-ходила, села на стул. Она говорит: «Дура, встань! Ребенку на голову села!» ...И все это вот в таком лексиконе, вот с такой грубостью персонала оно, конечно, постоянно сопровождалось (Елена, 31 год).

Высокая степень недоверия существует по отношению к обслуживанию клиентов в женских консультациях, что связано с некомфортными условиями и грубостью, недостаточно высоким профессиональным уровнем медперсонала:

К врачу в консультации я относилась очень скептически, ходила туда исключительно для галочки... Ну, во-первых, она мне не нравилась как человек. Во-вторых, я сомневалась в ее компетенции. Вот. Ну и как-то вообще вся эта ситуация в женской консультации именно организационно... все как-то поставлено в женской консультации, что я считала, что издеваются над бедными беременными, никакой орга-

низации процесса, сплошные мучения... Приходишь к девяти к врачу, сидишь буквально два часа в очереди... какие-то такие, значит, откровенные замечания врачей типа, ну, там, образно говоря, что ты тут раскорячилась... немножко меня ранили, конечно. То есть мне хотелось более нежного, что ли, отношения (Юлия, 27 лет).

Мужчины также выражают в интервью неудовлетворенность ведением беременности в женских консультациях:

Ну, мы наблюдались в бесплатной женской консультации. Там была не самая хорошая врач-гинеколог. Ну, в общем [вздыхает]... (А что там было?)⁴ Там были большие очереди, там была предварительная запись, которая не соблюдалась, там врач, которая зависела от настроения собственного... Ну, мне кажется, что вряд ли она была мужененавистницей, но какой-то мужефобкой... То есть всякая такая ерунда, которая, ну, нервировала... я знал, как жена идет в женскую консультацию, значит, девяносто процентов, что она придет взвинченная оттуда (Константин, 34 года).

Опыт советского образца описывается как карательный и травматичный. Больница сравнивается с тюрьмой, а отношение к женщинам — с фашизмом. По мнению информантов, такие образцы продолжают воспроизводиться и в постсоветский период. Приведем фрагмент нарратива, в котором мужчина описывает свое столкновение с репродуктивной медициной во второй половине 1990-х гг. во время беременности жены:

Эти... больницы — это, конечно, мрак. Эти врачи... я всегда был в полном шоке, и мне каждый раз было просто жалко ее там оставлять, потому что это, ну, это обыкновенный фашизм, действительно, сплошь и рядом на таком вот уровне само собой разумеющемся. То есть люди, которым даже в голову не приходит, что то, что они делают, это, мягко говоря, антигуманно, а вообще-то это просто фашизм... Ну, начиная от, вот на уровне просто институциональном, вот, да, эта ужасная грязь, эта ужасная бедность, это полное отсутствие медикаментов, это... полное совершенно бесправие, когда все

⁴ Здесь и далее во фрагментах интервью вопросы интервьюера заключены в скобки.

эти больницы — это как тюрьмы, вот в плане организации, содержания... И то есть на тебя орут, хамят, тебя игнорируют, с тобой не разговаривают, тебя посылают. Постоянно тебя ставят в позицию просителя, ты чего-то у них все время выпрашиваешь. Они при этом совершенно ничего не делают со своей стороны (Максим, 30 лет).

В условиях дефицита доверия агенты прибегают к выработке стратегий, позволяющих восполнить его нехватку. Эти стратегии направлены главным образом на то, чтобы обеспечить к себе профессиональное и заинтересованное отношение врача и получить от него эмоциональную поддержку. На основе анализа интервью мы выделяем следующие стратегии, используемые семьями: оплата родов, присутствие отца при родах, использование личных связей при организации родов, подготовка к родам на специальных курсах. Рассмотрим их подробнее.

Оплата родов как «гарантия вежливого обращения»

Оплаченный договор с роддомом рассматривается информантами как способ, позволяющий изменить отношение к себе и получить определенные гарантии предсказуемости в получении медицинских услуг.

Контракт дает гарантию, что тебя не упекут в какой-нибудь другой роддом если что вдруг... оплаченный контракт все-таки дает гарантию вежливого обращения (Нина, 27 лет).

Та же самая женщина, которая ее вела, которая наорала там на кого-то на втором этаже, пока они шли, кого-то там послала, сказала — что шатаешься, быстро в палату — вот и она привела ее на третий этаж, и с ней она разговаривала абсолютно иначе... У нас замечательный был доктор... он с ней разговаривал, там, только исключительно — «лапочка, солнышко, кисонька, зайнька» (Максим, 30 лет).

Мы платно рожали. (И сразу такое отношение другое?) Да. Я думаю, что из-за этого другое отношение сразу... Вот врач нам попалась вообще супер, мне, конечно, повезло... Ну в целом, я знаю, вот рожают — ничего не изменилось: бесплатно пришел в роддом — так же на тебя наорут, так же бабки в приемном покое (Татьяна, 26 лет).

Выбор платных родов описывается как способ обеспечения вежливого обращения персонала. Комфортные бытовые условия, которые

включены в платный договор, не являются решающими в данной ситуации: *«Очень хорошее внимание было персонала. Хоть и вот эти там железные койки, там, клеенки вот эти вот... Но это ушло на дальний план... Это, это все вторично»* (Александр, 30 лет). Платные роды рассматриваются в качестве гарантии заботливого профессионального отношения акушерки и врачей: *«Когда ты рождаешь платно, к тебе по-любому относятся хорошо, и тогда уже и муж не нужен»* (Екатерина, 24 года).

Присутствие отца при родах как способ контроля над ситуацией

Договор о «семейных родах» допускает присутствие отца при родах. И в ряде случаев именно эта возможность рассматривается информантами как способ контроля над ситуацией. *«Даже если ты, в общем, заключил контракт с врачом, и ты ему доверяешь, но, как бы, доверяй, но проверяй»* (Нина, 27 лет). Женщина хочет иметь посредника между собой и медицинским персоналом, который будет обеспечивать ее безопасность.

Я просто панически боюсь врачей и всего, что с ними связано. Более того, я боялась очень, ну, тоже читалась литературы, что мне начнут колоть какие-то уколы, которые не стоит колоть. И, ну, как бы, всегда хорошо, когда есть свидетель... мне нужен был человек рядом, который будет отбиваться от врачей и посылать всех к черту просто... я чувствовала себя просто абсолютно защищенной, как за стеной. И я знала, там, что чуть что, он там им всем глотки перегрызет (Наталья, 28 лет).

Муж в этом случае также стремится обеспечить безопасность жены, осуществляя контроль за действиями врача.

Ну, в общем, он говорил, что ему так будет спокойней, потому что он не знает, что это и как, ему будет спокойней, если он будет рядом (Юлия, 27 лет).

Это было понятно, что он со мной поедет. (Почему было понятно?) Ну, как-то... ну, оставить ему меня было страшно (Елена, 31 год).

Потом я как-то в середине беременности поинтересовалась — ну ты поедешь со мной? Он сказал — что, я тебя одну оставляю? ...Грубо

говоря, муж нужен хотя бы, хотя бы для того, что, даже если отбросить всякие моральные, элементарно для того, чтобы проконтролировать действия врачей (Нина, 27 лет).

Муж может получить информацию о медицинских действиях, добиться внимания персонала.

Они ничего не сказали даже, что они кололи, что они протыкали, что как, чё они вообще делают. Они вообще ничего не говорят. (А муж не спрашивал, что они тебе там колют?) Ну, по-моему, спрашивал, кстати, что они колют, да... И пока он не наорал матом, там, на всех — вот это я помню, что он орал, в какой-то момент он просто наехал конкретно — пока он не наехал, медсестра не появилась (Елена, 31 год).

В ряде случаев женщины полагают, что без присутствия мужа отношение к ним было бы иным. Независимо от степени его участия сам факт присутствия «третьего лица» способен предотвратить грубое обращение или невнимательность медперсонала.

Использование личных связей (социальные сети) для «получения человеческих чувств»

Еще один способ выстраивания благожелательного отношения к себе связан с договоренностью с лично знакомой или рекомендованной знакомыми акушеркой. Знакомство и установление персональных отношений в дородовой период служат своего рода залогом доверия:

Я боюсь врачей очень сильно... Ну, так как меня наблюдала, как бы, наша знакомая, в общем-то, я ей доверяла (Юлия, 27 лет).

В общем, я же знакомая тех девушек, которые у нее рожали, может быть, поэтому я, как бы, с ней неофициально договорилась, лично с ней. Она мне до этого сказала, мол, приезжайте в роддом, мы посмотрим друг на друга, если мы друг другу понравимся, то тогда, значит, все хорошо будет (Екатерина, 24 года).

Какой-то врач или какая-то акушерка, которой привезли еще одного больного, вот, ну так и относится, как к еще одному, который на шею свалился и больной. Естественно, откуда там взяться заботе... Если хоть как-то с ним пообщался, познакомился предварительно, ну, можно какие-то чувства человеческие получить (Дмитрий, 33 года).

Персонализированные отношения к роженице, установленные благодаря знакомству и неформальному обмену услугами, противопоставляются безличному отношению персонала в советских учреждениях (грубому, халатному, равнодушному):

...чего я больше всего боялась — это вот советского отношения... Ну, то есть в общем, по большому счету, мне все время везло с отношением, поскольку, видимо, ну, по блату (Наталья, 28 лет).

Посещение курсов как способ обрести компетенцию и установить отношения с персоналом

Еще одним вариантом преодоления дефицита доверия является посещение специализированных курсов по подготовке к родам. Будущие родители обретают ресурсы, необходимые для обеспечения удовлетворяющей их организации родов. Во-первых, это информационный ресурс, или «ресурс компетентности». На курсах пары получают знания, связанные с беременностью и родами, что впоследствии помогает им самим контролировать ситуацию и принимать самостоятельные решения. Во-вторых, посещая курсы, они имеют возможность лучше познакомиться с учреждением, выбрать акушерку для проведения родов и установить с ней доверительные отношения.

А! вот почему мы пошли туда... Мне понравился тот вариант, что акушерка, которая ведет курсы, она ведет три месяца курсы, мы постоянно с ней видимся... И они постоянно с нами общаются. И я ее знала, как родную уже. Уже в роддом я шла... [где] все свои. Вот смысл. А то так приходишь — все какие-то чужие (Татьяна, 26 лет).

Выстраивание доверительных отношений, с точки зрения акушерки, выступает в качестве одной из главных целей курсов: «...идея в том, чтобы они были ориентированы на акушерку. Для этого они акушерку должны хотя бы раз двадцать видеть и раз хотя бы, не знаю, восемь-десять, она их должна пощупать. Тогда они друг другу доверяют» (Л.Ш., акушерка, 44 года). Важным фактором выстраивания доверительных отношений выступает также высокая степень подготовки медперсонала, проводящего данные курсы: «Если на бесплатные роды пойти и даже на платные, но не с подготовленным персоналом, тоже не будет никакой заботы» (Дмитрий, 33 года). Таким

образом, курсы позволяют будущим родителям стать компетентными участниками процесса, способными принимать самостоятельные решения. Кроме того, важной функцией курсов является установление доверия с персоналом, который потом будет принимать роды

Итак, пары будущих родителей выстраивают стратегии, которые позволяют снизить риски и повысить уровень доверия к родовспомогательным учреждениям. Семейные роды являются одной из таких стратегий. Теперь рассмотрим сами практики родов с участием будущих отцов и проанализируем те значения, которые им приписывают участники взаимодействия.

Модели участия отца в родах: практики и интерпретации

Эмпирический материал показывает, что будущие отцы демонстрируют разную степень личной вовлеченности на этапе беременности жены (помощь жене, совместное посещение курсов, консультаций) и в планировании семейных родов. Существуют различия в поведении отцов непосредственно во время родов, в заботе и уходе за ребенком в послеродовой период. На основании этих различий в установках и поведении мы выделяем две основные модели участия отца в родах. Первая модель представляет собой сознательный проект, когда отец активно участвует как в самих родах, так и на всех стадиях беременности. Вторая модель предполагает ситуативное, в значительной степени формальное участие отца; в этом случае он лишь незначительно подготовлен и остается достаточно пассивным в течение самих родов. Его участие не является сознательной стратегией.

Модель 1. Активное участие отца в родах как сознательный гендерный проект: «Я как будто сам родил»

В данном случае мы используем термин «проект», обозначая им сознательно вырабатываемую стратегию, формирующуюся в результате доверительных переговоров между будущими родителями (партнерами). Участники совместных родов ориентируются на модель гендерно эгалитарных взаимоотношений, при которых гендерные роли, связан-

ные с родительством, являются предметом переговоров, а не заранее предписанными и четко разграниченными по гендерному признаку.

Уже на стадии беременности будущие отцы активно включаются в процесс — они вместе с будущей матерью посещают курсы, интересуются происходящим, много читают о беременности и родах. Они готовятся к родам заранее — как информационно, так и эмоционально:

Мы готовы были и эмоционально, и материально, и... главное — эмоционально... Она вдруг перестала мочь столько, сколько могла до того. И тут уже должен был включиться, значит, мой какой-то внутренний запас, чтобы ее поддержать, чтобы... Моя задача была — помочь ей найти внутреннюю гармонию, внутренний комфорт (Константин, 34 года).

Женщины высоко оценивают участие партнеров, подчеркивая их ответственность и заботу во время беременности:

...муж со мной везде, всюду был всегда, с самого начала... он тоже читал книжки, сам ощущал, говорит: «Я сам ощущаю себя беременным». Ел вместе со мной в два раза больше, чем надо, не знаю, ходил на все УЗИ. Ну, если еще учесть, что беременность была о-очень тяжелой, то есть в общем-то фактически он мне помог ее вылежать (Наталья, 28 лет).

Будущие отцы активно посещают курсы по подготовке к родам и (не без труда) осваивают те навыки, которые впоследствии необходимы для ухода за новорожденным:

Нас учили, там, практическим вещам, то есть, грубо говоря, мы кукол там пеленали. Вот. Тоже было очень смешно, конечно, все ржали, потому что настолько, ну вот настолько тело не умеет просто это делать и с этим обращаться, что сам, там, пеленаешь и ржешь, потому что, ну, понимаешь, что если так будешь поступать [усмехается] со своим ребенком, то у него явно что-нибудь оторвется или сломается. Но это было очень полезно, потому что уже когда ребенок родился, я умел это делать, действительно (Максим, 30 лет).

Отцы подчеркивают, что для них было важно совместное обучение, а занятия оказались неожиданно интересными и полезными: *«Ну, с радостью пошли вместе, вместе ходили. Очень интересно*

было, познавательно и полезно» (Дмитрий, 33 года). Инициаторами совместного обучения часто являются женщины, их партнеры первоначально считают это занятие «не мужским делом», однако, обретая новые знания и опыт, они постепенно меняют свое мнение. Александр рассказывает о динамике своего отношения:

...она мне пыталась давать журналы... поначалу я говорю — ну, что там ходить, как бы, это, ну не мужское дело, там, как бы, и вообще, там, некогда... Но, придя однажды туда — ну, каким-то способом она меня туда выманила, — вот, понравилась мне обстановка (Александр, 30 лет).

Татьяна описывает, как она постепенно склоняла партнера к участию:

Ну, я, как бы, для себя решила, что я его напрягать не буду. Пусть он, как бы, сам к этому придет. Нет, конечно, я его наверняка, там... наверняка, там, как-нибудь, там, я ему — ну что, ты придешь? Изда-дека я, может быть, заходила, эту тему (Татьяна, 26 лет).

В некоторых парах решение об участии отца было принято совместно и планировалось заранее:

...мы еще до свадьбы обговаривали и согласились с тем, что мы будем рожать вместе... Мы знали, куда мы едем, к кому мы едем, и даже примерно, что нам предстоит, в том плане, что акушерка заранее обговорила и мои обязанности во время родов (Константин, 34 года).

К наступлению родов будущие отцы и матери приобретают нужную компетенцию. Партнеры присутствуют на протяжении всего периода родов, активно помогают жене. Такие мужчины очень эмоционально рассказывают о пережитом опыте, считая его чрезвычайно значимым для себя. Они проявляют высокую степень информированности, знание деталей (например, подробно рассказывают о схватках, их интенсивности и пр.). Приведем примеры таких рассказов.

Было трудно. Я ее держал каждую схватку, потому что нужно было принимать определенную позу, в которой было легче... Она вешалась мне на шею спереди, значит, стоя это все происходило, выгибалась так, и в мою задачу входило стоять ровно, несмотря на то, что

жена дергалась, держать ее за руки и успокаивать, ну иногда считать время — «сейчас закончится, сейчас все закончится, ничего-ничего, потерпи еще немножко, немножко, еще немножко [повышает голос], терпи, нормально все! Молодец! Хорошо! Молодец! Умница!!». Вот так примерно. «Все! Отдыхаем, отдыхаем. Жenuшка, ты умница! Классно все! М-молодец! Отдыхаем. Расслабься»... Потом, когда пришло время тужиться, она говорила: «Не могу тужиться!» А я говорю: «Можешь!» Я в зеркало себя видел — я был весь красный. Я сам тужился так, что, не знаю... Я был весь мокрый... Когда уже потуги закончились, и когда вышла головка, и надо было выдохнуть, мы выдохнули оба (Константин, 34 года).

...Я здесь уже был во всем процессе, как бы, там, менял ей вот эти салфетки, там... Потом мы с акушером давили, там, ноги, чтобы какую-то упругость создать... Ну, в общем как-то... тужил, короче говоря, ее, вот, эти менял, там, полотенца, помогал. А уже, по-моему, когда полностью началось рождение... они уже там что-то делали, а я держал ноги и вот тут у меня камера [отец снимал роды на видеокamerу] ...вот так вот [показывает], одной рукой там полотенце, там что-то давишь... вот какая-то такая деятельность была... Я, как бы, даже, даже более активно вел... я вообще, можно сказать, что практически готов был сам принять их (Александр, 30 лет).

Женщины высоко оценивают помощь мужей во время родов: «Он же как акушерка там действовал заправская... Акушерка в итоге вообще вышла» (Татьяна, 26 лет). Роды являются совместным действием пары и их разделенным опытом:

...муж очень помогал... он там то делал массаж, то зачитывал вслух из этой книжки [усмехается], что делать, там, типа: а это пошла такая-то стадия — глядя в книжку — на этой стадии нас что ждет? нас ждет вот это... Вот, он это мне все зачитывал, типа — не беспокойся, все как надо, все как по маслу (Натаалья, 28 лет).

Опыт совместных родов, как подчеркивают и мужчины, и женщины, является очень важным для развития отношений между партнерами:

Естественно, после совместных родов мы стали ближе. То есть, ну это какой-то новый этап в отношениях (Нина, 27 лет).

Присутствие на родах, оно помогает единству семьи, оно помогает женщине рожать... Для меня это значило очень многое. Это ответственность, которую я ощутил... Я понял, что [пауза] я не знаю, это словами трудно очень описать, просто, просто все изменилось для нас внутри семьи... И... вот мое участие в родах, оно... оно было настолько органичным и естественным, что... ну, оно, оно сделало нас ближе, сделало нас еще теплее друг к другу, еще, еще любимее (Константин, 34 года).

Говоря о значении совместных родов, отцы подчеркивают эмоциональную составляющую пережитого опыта:

Но самый, как бы, вот такой момент, который, мне показалось, я записал, это даже не рождение, а когда ей положили на грудь ребенка, как бы, вот у нее вот такая слеза естественная какая-то там вылезла, и дрогнула губа. Вот это вот, как бы, сентиментальная нота такая... Вот ради нее, наверное, стоило там даже находиться. То есть я как будто сам родил! (Александр, 30 лет).

Отцы активно участвуют в уходе за новорожденным, им важна телесная близость с младенцем. Об этом рассказывают и матери, и отцы:

С самого начала [муж] принимал участие полностью во всем. То есть вплоть до того, что я, там, ночью не просыпалась, а он, там, вставал, мыл, одевал, приносил, я ее кормила... Ну, единственное, что не делал муж, — это не кормил (Наталья, 28 лет).

Когда я прихожу с работы, я стараюсь сделать одно из двух — либо дать жене отдохнуть от занятий с ребенком, самому повозиться, либо дать жене отдохнуть от занятий по дому — погладить белье, помыть посуду, даже приготовить поесть, помыть полы (Константин, 34 года).

Отцы подчеркивают свой сознательный подход к отсутствию гендерно закрепленных обязанностей:

Мы делим обязанности ситуативно. Оба могут делать все. Вот так я бы сказал. Мы специально осознанно к этому шли... если потребуется госпитализация, то я готов уйти на больничный и лечь в больницу вместе с ребенком... Я готов к этому, я не боюсь этого... Это

осознанно, это специально, мы этого, мы к этому готовились, мы этому учились, эмоционально прежде всего (Константин, 34 года).

В таких семьях не существует традиционного гендерного разделения труда в отношении родительских обязанностей — практически все роли взаимозаменяемы, отец может выполнять те же обязанности, что и мать, за исключением грудного вскармливания:

У нас не было, там, никакого разделения труда практически. Единственное, чего я не делал, — я ее не кормил. Все остальное мы делали вместе... я считаю, что я очень много времени с ней проводил... Мне было приятно, хорошо, интересно. Я получал удовольствие от общения с ней и общался, как мне кажется, довольно много, ну и, наверное, там, грубо говоря, я больше, чем среднестатистически общается отец (Максим, 30 лет).

Такие пары часто ведут дневники, фиксируя в них переживания беременности, родов, отношения с ребенком и т. д. Они осуществляют рефлексивный проект супружеских и родительских отношений (Giddens, 1991, 1992). Активное участие отца в родах (а также его включение на всех стадиях беременности) может быть охарактеризовано как сознательный гендерный проект, ориентированный на эгалитарные отношения и преодоление дисбаланса в практиках родительства. Этот проект связан с доступом к знанию и к опыту и характерен для определенного социального слоя. *«Ну, плюс, конечно, еще все это связано с кругом общения, с социологией, с доступом к западному опыту»* (Максим, 30 лет).

Информанты считают практики нового отцовства признаком нового общества:

Эти практики гораздо более гуманистичнее, да, то есть они ориентированы на человека... Вот то, что мы получили вот, например, в нашей семье, я считаю, оно является следствием вот этого нового подхода... Те люди, которые готовы выбирать свободу и ответственность, мне кажется, что вот они выбирают такие модели (Максим, 30 лет).

Для этих пар характерны партнерские отношения, практики ответственного родительства и преодоление гендерных границ.

Модель 2.
Ситуативное участие
или формальное присутствие отца на родах:
«Просто на месте событий был»

Данная модель описывает практики, которые связаны со спонтанным решением о присутствии будущего отца на родах. Поведение партнера на родах в этом случае описывается как пассивное. В силу отсутствия подготовки отца оказываются когнитивно, эмоционально и практически некомпетентными; часто их присутствие воспринимается как неуместное роженицей и медперсоналом. Опыт совместных родов для таких пар не является новым рефлексивным опытом, влияющим на переопределение гендерных ролей и родительства. Рассмотрим эту модель подробнее.

Отцы не являются активными на стадии беременности, они не посещают курсы по подготовке к родам, мало информированы об изменениях женского организма во время беременности: *«Она, по-моему, вообще ничего не посещала... А консультации женские?... По-моему, ходил я с ней... на консультации с ней был несколько дней... несколько раз. Ну, не помню, что тогда было — УЗИ, не УЗИ»* (Павел, 29 лет). Организационное и эмоциональное управление находится в руках женщин. *«Если честно, всем этим рулила теща, и я полностью отдался, потому что, потому что теща тоже имеет ребенка, там, ребенку три года, все свежо. Вот она, она там своего врача, кажется, подогнала»* (Павел, 29 лет). Мужья не стремятся помочь женам в процессе подготовки к родам. В отличие от первой модели здесь жены говорят об отчуждении мужа, его дистанцировании от происходящего.

«Он, как бы, не умеет ни себя, ни других беречь. Поэтому, ну, как бы, я была предоставлена сама себе. Вот. Надо было просто дожить до родов [усмехается] как-нибудь» (Екатерина, 24 года). Супружеские пары в основном не осуществляют подготовку к родам. *«Я нигде не узнавала, потому что у меня как-то все шло нормально... И я не думала о том, где я буду рожать, где-то до седьмого или восьмого месяца беременности»* (Екатерина, 24 года).

Участие отца в родах, как правило, заранее не планируется, решение принимается спонтанно. Вот как описывает ситуацию Александр:

Нет, я думаю, что это для меня решение, спонтанно было все. То есть я, может быть, предполагал находиться в роддоме, там, в сосед-

ней палате где-то. А когда — так, пойдем туда, носи эти сумки сюда — а я зашел уже, и тут все это действие началось, и я, как бы, просто и уйти уже, как бы, ну не мог, и не хотелось как-то мне (Александр, 30 лет).

Если участие партнера в родах заранее и оговаривается, то инициаторами выступают женщины. Сами будущие отцы не выражают активного стремления к участию, однако готовы выполнить пожелания жены:

У меня муж такой по характеру — ему скажешь, он сделает... Ну, если честно, не помню, чтобы он что-то сам первый предлагал... В общем, как бы, он со мной не спорил. Сказала бы «не надо присутствовать» — наверное, бы не присутствовал. Сказала бы «сиди до победного конца» — сидел бы до победного конца (Юлия, 27 лет).

Если в первой модели женщины изначально рассматривали присутствие мужа как желаемое, то здесь мотивация его участия может быть иной. Оно обусловлено стремлением жены сделать видимым свой материнский труд и свой вклад в семейную жизнь, который не менее важен, чем материальный вклад мужчины. Если в первой модели участие мужа имеет партнерский характер, а гендерные роли эгалитарны, то здесь, напротив, роли поляризованы и поэтому нужны специальные усилия для того, чтобы материнская роль женщины и ее страдания были оценены.

И потом, еще важно, что в тех семьях, когда муж действительно является таким стержневым материальным началом... очень важно, чтобы он действительно видел это еще и потому, что действительно важно понимать ценность этого и тот вклад, который женщина делает в жизни (Елена, 31 год).

Я подумала — все рожают с мужем, а я что, одна должна страдать? Пусть он тоже, значит, помучается (Екатерина, 24 года).

Во время родов отцы часто оказываются неподготовленными и некомпетентными — они не знают, что конкретно происходит, какова последовательность событий, как им вести себя: «Я ожидал потоки крови... Я думал, что будет, как в кино, да: там, Катя лежит, вокруг нее куча народу бегают, всякое такое» (Павел, 29 лет). Как правило,

их участие в родах сводится к наблюдению или неумелым попыткам помочь жене. Такие отцы не присутствуют, как правило, во время самого родового процесса:

Я старался ей помочь, поддержать, ну как, как я считал, что это нужно. И наоборот, то есть, как бы... ну, то что поддержать ее за руку, ей это было не нужно, ну, ну, просто я сидел рядом, просто в принципе и все, то есть она мне рассказывала о своих впечатлениях... А в сам момент родов я вышел... Пришел, когда уже был ребенок уже помытый, ну, и ее, там, когда зашили, все, вот тогда я уже вернулся (Игорь, 29 лет).

Рассказы о родах лаконичны, отцы «не могут вспомнить» деталей, ограничиваются общим описанием хода событий. Неуместность и некомпетентность их действий вызывает раздражение у женщин и сожаление об их присутствии:

Он пришел, естественно, пьяный. Начал мне какие-то, значит, советы давать — типа, давай держись, не бойся, скоро все закончится, потерпи, — что у меня, естественно, вызвало... вызвало большое раздражение, потому что я тут, понимаешь, целый день рожая, уже знаю чё, куда и как, чего делать. А он пришел и начинает мне советы давать, успокаивать. Я вроде бы и не волнуюсь, он мне говорит — не волнуйся, не переживай, скоро все закончится. Вот. Поэтому я начала на него огрызаться... Я, значит, была раздраженная, там, кричу на него, а он такой, значит — [пьяным голосом] «м-м, не переживай, я тебя люблю, все хорошо»... в общем, я, как бы, в тот момент даже пожалела, что я его позвала, потому что он мешает, отвлекает... (Екатерина, 24 года).

Если в первом случае мы можем говорить о совместном переживании родов, то здесь каждый «занят своим делом»:

Муж в это время сидел рядом, сидел рядом у изголовья. Я лежала и тихо страдала (Юлия, 27 лет).

Он сидел в коридоре. Я, там, соответственно рожала. Родила... Его пригласили. Ну, ребенка мне дали на руки, как обычно полагается. Его пригласили, и в какой-то момент дали ему ребенка, мол, поддержи, чтобы была от тебя хоть какая-то польза... моя соседка по палате

сказала — а, типа, это твой муж сидел в коридоре газету читал? [Смеется.] Я это как-то запомнила, хотя не могу сказать, что, ну, как бы, нормально, газету читал, что ему еще делать было? (Екатерина, 24 года).

В первой модели мы можем говорить о партнерских отношениях во время родов, во втором случае процессом управляет женщина, а мужчина оказывается, как правило, исполнителем.

Муж особенно никуда не бегал, ничего ни с кем не общался, а просто сидел рядом. И в общем-то, может, у него, конечно, сам вид по себе очень грозный... Но вообще он себя никак не проявлял, что вот давайте с моей женой, там, чтобы мне там поаккуратнее, поласковее. Сидел и сидел. В общем-то, я руководила процессом там (Юлия, 27 лет).

Опыт совместных родов не имеет для таких пар значения совместного катарсиса: «Просто на месте событий был. В центре... Не, ну конечно важно, да, но я никакого философского смысла в это не вкладывал никогда. То есть для меня это было просто естественно, и все» (Игорь, 29 лет). Даже если опыт был эмоционально насыщенным для мужчины, пара не рассматривает его как значимый этап, влияющий на дальнейшее сплочение семьи и на включение отца в повседневный уход и заботу. Вот как комментирует отсутствие последствий такого участия для семейных ролей Елена:

Одно дело — вот эти вот вспыхнувшие чувства, которые происходят на родах, и совсем другое — ежедневные рутинные... Это некоторая иллюзия, мне кажется. Тот факт, что вот он все это видит, да, это, конечно, все здорово. В таком случае, еще если б он этого не видел, я вообще не знаю, что было бы тогда. Но я не думаю, что это влияет на ежедневную вот эту вот потом последующую стирку пеленок, глажение... И дома он тоже ничего не делал (Елена, 31 год).

Мужчины также не придают этому опыту структурирующего значения: «Я не думаю, что они как-то изменили отношения. То есть я сам родам не придаю вот такого вот какого-то особого значения» (Игорь, 29 лет).

В послеродовой период отцы лишь незначительно включены в заботу о ребенке:

Муж мой, конечно, был, мы оба были до конца не готовы к тому, чтобы вообще проявлять себя как... отцовство и материнство свое... Был самый сложный период с полугода до года... Мне очень хотелось, чтобы он мне помог — папа который, чтобы он пришел пораньше с работы, посидел с ним, там, что-то... А он вообще из дома исчез в какой-то момент, стал приходить в час ночи (Елена, 31 год).

Если в первом случае отцы выполняли экспрессивную роль, участвуя в заботе о жене и ребенке, то здесь роль отца сводится прежде всего к инструментальной — обеспечению семьи:

Он к ребенку относится, понимаешь, как-то вот внешне очень, не углубляясь. Он его любит, и все, но вот такой вот специфической мужской любовью... Он держит в голове свой бизнес, свои дела какие-то на работе. Это же важно, да, что человека занимает в свободное время, что занимает его мысли. Вот его мысли не занимают проблемы, связанные с ребенком... Семья кормится, как бы, одевается, ездит в отпуск на его деньги. И у меня нет оснований для того, чтобы сказать своему мужу — давай-ка сделай вот это, вот это, занимайся с ним (Елена, 31 год).

Отцы начинают воспринимать ребенка и участвовать в его воспитании только на более поздних стадиях детства. Новорожденный — это исключительная сфера заботы матери:

Скажу откровенно... [сын] это, для меня это было существо. Человеком он стал для меня, когда у него появились какие-то поступки свои. То есть вот когда он, там, засмеялся, заулыбался. Так он лежал, ну, как бы... особо сильных чувств я не испытывал. Ну, прошу прощения, для женщины это может звучать как это, э-э, ужасно — ну, лежит кусок мяса, который, ну то есть просто живая кукла (Павел, 29 лет).

Воспитание ребенка осуществляется согласно модели традиционного отцовства — отец редко бывает дома, занимается только «мужскими делами», его роль в воспитании связана с развлечением и играми (а позднее с контролем и наказанием), а не с проявлением заботы и повседневным уходом: «Я занимался всяческими, там, не знаю, чисто мужскими делами... я больше работал, чем находился дома...

Я даже и не помню, как это все прошло, на самом-то деле, это время... Мне нравится с ним гулять... Нравится с ним в футбол играть» (Павел, 29 лет). Во многих случаях в уход за ребенком включаются старшие родственники, и прежде всего бабушки.

Данная модель участия отца в родах вписывается в традиционное разделение гендерных ролей, прав и обязанностей, в ней сохраняются гендерные границы женского и мужского миров и поляризованные роли материнства и отцовства.

Итак, мы рассмотрели модели участия отца в родах, основываясь на интерпретации практики парами, «рожавшими вместе». Далее мы обратимся к тому, как описывают опыт семейных родов акушерки и гинекологи, и выделим роли отцов, опираясь на их профессиональное видение ситуации.

Мужские роли в семейных родах: восприятие медперсонала

1) Отец-контролер. Роль таких отцов прежде всего в том, чтобы следить за действиями медперсонала, контролировать ситуацию: *«Как бы медперсонал что-нибудь не сделал... Есть папаши, которые читают, что она [его жена] подписывает. Правда, мы-то их к этому готовим. У нас они читают это на занятиях в трезвом уме и твердой памяти все эти бланки, поэтому они знают, что они будут подписывать»* (Л.Ш., акушерка, 44 года).

2) Отец — эксперт и помощник гинеколога. Это тип компетентных отцов, которые настолько хорошо подготовлены, что в состоянии сами принять роды: *«...знают лучше всех, что будет происходить. То есть люди, которые на самом деле сами бы приняли роды, просто им по какой-то причине это, ну, ситуация не позволила, жена или теща или, там, культурный уровень. Но, в принципе, они прочитали все и вообще-то они бы это сделали все сами»* (Л.Ш., акушерка, 44 года).

3) Отец-партнер. Такие отцы, помимо хорошей подготовки, устанавливают и поддерживают постоянный контакт с женой, действуя с ней совместно: *«Они каждую штуку обсуждают. Он ей говорит: “Не сесть ли тебе на мячик?” Она говорит: “Ну, давай попробуем”. Он говорит: “Нет, наверное, на мячике тебе хуже”. Она говорит: “Нет, на мячике...” Вот они поговорили про мячик, там, полчаса, да, остались на мячике. Потом он ей говорит: “А ты дышишь не так”... Или там:*

“Давай я буду дышать вместе с тобой или попою вместе с тобой”» (Л.Ш., акушерка, 44 года).

4) Отец — пассивный наблюдатель. Участие таких отцов в родах сводится к их присутствию: *«Книжечку читать могут в это время, там, кроссвордики разгадывать, кто-то пиво может даже попить»* (И.Б., акушерка, 46 лет). Однако, как отмечалось выше, даже такое пассивное наблюдение обеспечивает функцию контроля над медперсоналом.

5) Отец — некомпетентный участник. Такие мужчины не подготовлены к родам, мешают своим присутствием и жене, и персоналу: *«Бывают мужья, которые на самом деле мешают... Акушерке они вообще не мешают. На наш взгляд, они мешают женщине тем, что они, как бы, делают некстати. И обычно женщина сама говорит — уйди, отойди, убери руки...»* (Л.Ш., акушерка, 44 года).

Как видим, представления самих партнеров и представления акушерок близки. И те и другие указывают на вариативность участия мужчин в семейных родах. В обеих перспективах основное различие проводится между будущим отцом, активно вовлеченным в роды, и партнером, для которого характерно лишь присутствие. При этом функция контроля медицинского персонала воспроизводится в обоих случаях. Даже простое присутствие может рассматриваться как контроль.

Сравним реконструированные модели участия отца в родах — активное участие как сознательный гендерный проект и ситуативное (формальное) участие. Общим контекстом обеих моделей является, во-первых, отношение к семейным родам как к современному, модному и все более распространяющемуся явлению и, во-вторых, сохраняющийся дефицит доверия, связанный с медицинской системой родовспоможения.

Для первой модели характерно сознательное и рефлексивное следование новому: *«Мы считали себя очень прогрессивными молодыми людьми. И в каком-то смысле, наверное, таковыми и были. В том смысле, что когда стали появляться какие-то новые вещи, там, появлялись, и мы за них ухватывались, с большим интересом ими пользовались»* (Максим, 30 лет). Для второй — это стремление не отстать от других: *«...я подумала — все рожают с мужем, а я что, одна должна?..»* (Екатерина, 24 года).

Стремление восполнить дефицит институционального доверия характерно для обеих моделей участия отца в родах. Однако способы

преодоления недоверия различаются. В модели гендерного проекта в дородовой период партнеры занимаются поиском информации, посещают курсы подготовки к родам, устанавливают доверительные отношения с акушеркой. Ко времени наступления родов недоверие уже во многом преодолено. Будущие родители заключают договор с роддомом, предусматривающий обеспечение условий для семейных родов. Присутствие отца при родах в таком случае не сводится к контролю над действиями медперсонала. Такой отец — это партнер, эксперт; он помогает как роженице, так и акушерке. Его присутствие означает совместное переживание опыта, который осознается как значимый для дальнейшей жизни семьи. Оно компенсирует недостатки организации ухода в родильном доме.

Для модели ситуативного участия характерна стратегия получения формальных гарантий — заключение платного договора с роддомом, которому не предшествует специальная подготовка к родам. Проблема недоверия остается актуальной во время родов, присутствие отца в роли контролера или просто наблюдателя (пусть и просто почитывающего газету в углу) имеет важное функциональное значение обеспечения надзора и достижения безопасности.

Таким образом, разные стратегии преодоления недоверия связаны с разными смыслами участия отца в родах. Если в первой модели это «совместное переживание», то во второй «каждый занят своим делом»: жена рождает, а муж следит, чтобы все протекало нормально. В первом случае для пары характерно отсутствие жесткого гендерного разделения труда, родительские роли выступают предметом постоянных переговоров и сотрудничества между супругами. Для второй модели характерно более традиционное гендерное разделение ролей, поляризация материнства и отцовства.

Мы видим, что практика присутствия отца при родах имеет различные вариации и различные социальные смыслы. Первая модель позволяет нам сделать предположения о том, что эта новая практика связана с трансформацией гендерного порядка, с переосмыслением родительства. Меняется структура родительства — роли матери и отца перестают быть жестко заданными. Практика активного участия в родах включает отца в воспитание и уход за детьми на более ранних стадиях; такие «новые отцы» более ориентированы на заботу о детях, партнерство и эмоциональную работу. Вторая модель участия не предполагает глубокой вовлеченности мужчины, его поведение в большей степени ориентировано на моду и является реакцией

на инициативу женщины, которая хочет, чтобы ее материнский труд был замечен и оценен. Для этой модели не характерно существенное изменение практик отцовства, она не влечет за собой значимых последствий для изменений гендерного порядка в сфере родительства.

Литература

- Аронсон П. (2006). Утрата институционального доверия в российском здравоохранении как одна из причин отказа от профессиональной медицинской помощи, *Журнал социологии и социальной антропологии*, № 2, с. 120–131.
- Бараулина Т. (2002). Моральное материнство и воспроизводство женского опыта, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 366–406.
- Белозёрова Ю. (2002). Практики беременной женщины: личный опыт, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 338–365.
- Белоусова Е. (1996). Наши современницы о родовспоможении в России, в кн.: *Корни травы*. М., с. 216–228.
- Браун Д., Русинова Н. (1993). Личные связи в системе здравоохранения и «карьера болезни», *Социс*, № 3, с. 30–36.
- Гурко Т. (1997). Родительство в изменяющихся социокультурных условиях, *Социологические исследования*, № 1, с. 72–79.
- Гурко Т. (2000). Вариативность представлений в сфере родительства, *Социологические исследования*, № 11, с. 90–97.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2004). Структурно-конструктивистский подход в гендерных исследованиях, в кн.: *Социология гендерных отношений*. М.: РОССПЭН.
- Михеева А.Р. (2001). Социальные аспекты отцовства, в кн.: *Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учебное пособие*. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, с. 62–69.
- Назарова И.Б. (2004). Взаимоотношения «врач—пациент»: правовые и социальные аспекты, *Социологические исследования*, № 7, с. 142–147.
- Тёмкина А.А., Роткирх А. (2002). Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социологические исследования*, № 11, с. 4–15.
- Ходоров Н. (2000). Психодинамика семьи, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 140–165.

- Щепанская Т.Б. (1999). Мифология социальных институтов: родовспоможение, в кн.: *Мифология и повседневность*, вып. 3. СПб., с. 383–423, также доступно по адресу: <http://www.poeahly.narod.ru/repr-1.htm>.
- Giddens A. (1991). *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Polity Press.
- Giddens A. (1992). *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford: Stanford University Press.
- Kukhterin S. (2000). Fathers and Patriarchs in Communist and Post-communist Russia, in: S. Ashwin, ed., *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London; New York: Routledge, p. 71–89.
- Levin E. (1991). Childbirth in the Pre-Petrine Russia: Cannon Law and Popular Traditions, in: B. Clements et al., eds., *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Los Angeles, p. 44–60.
- Rivkin-Fish M. (2005). *Women's Health in Post-Soviet Russia. The Politics of Interpretation*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Zdravomyslova E. (1996). Problems of Becoming a Housewife, in: *Women's Voices: Work, Everyday Life, and Social Skills of Russian Women*. Dartmouth Publishers, p. 33–48.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список интервью

1. Елена, 31 год, высшее образование, учится в аспирантуре, замужем, сыну 6 лет.
2. Дмитрий, 33 года, среднее образование, работает программистом, второй брак (не зарегистрирован); двое детей от обеих жен — старшему 7 лет, младшему 3,5 года; присутствовал на обоих родах.
3. Нина, 27 лет, высшее образование, работает в редакции журнала, замужем, две дочери: старшей 2 года и 2 месяца, младшей 1 год и 1 месяц.
4. Константин, 34 года, высшее образование, работает студенческим деканом лютеранского учебного заведения, женат (жена на 10,5 лет младше), дочке 4 месяца, присутствовал на родах.
5. Игорь, 29 лет, незаконченное высшее образование, работает менеджером по продажам, женат (на Юлии), сыну 1 год и 3 месяца, присутствовал на родах.
6. Юлия, 27 лет, заочно учится в институте, замужем, сыну 1 год и 3 месяца.

7. Павел, 29 лет, высшее образование, работает в сфере полиграфии, незарегистрированный брак (с Екатериной), сыну 2 года и 3 месяца, присутствовал на родах; имеет дочь (старше сына) от женщины, с которой никогда не жил.
8. Екатерина, 24 года, высшее образование, учится в аспирантуре, незарегистрированный брак, сыну 2 года и 3 месяца.
9. Александр, 30 лет, высшее образование, работает в промышленности, женат (на Татьяне), дочке 9 месяцев, присутствовал на родах.
10. Татьяна, 26 лет, высшее образование, замужем, дочке 9 месяцев.
11. Максим, 30 лет, высшее образование, работает в исследовательской сфере, женат (на Наталье), дочке 8 лет, присутствовал на родах.
12. Наталья, 28 лет, высшее образование, работает в исследовательской сфере, замужем, дочке 8 лет.
13. Шендерова Лидия Евгеньевна — акушерка высшей категории, 44 года, руководит центром активных родов «Радуга» при роддоме № 15, опыт работы 7 лет.
14. Беляева Ирина Николаевна — акушерка высшей категории, 46 лет; 25 лет работает в родильном отделении роддома № 15.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список документов

1. *Отделение «Семейные роды» родильного дома №18* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.rody.spb.ru/hospital/struct/>, закрыт.
2. *Права роженицы* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.parenting.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1498>, свободный.
3. *Littleone — для пугливых родителей* [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.littleone.ru>, свободный.
4. *Центр активных естественных родов «Радуга»* [электронный ресурс], режим доступа: <http://raduga-birth.spb.ru>, свободный.